This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 06696898 7

Digitized by Google

Digitized by Google

*QDM

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

А. Немировскій.

Напасть

ПОВѢСТЬ.

Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая 15.
1898.

Digitized by Google

Digitized by Google

729
1640

НАПАСТЬ.

Digitized by Google

DUPLICATE EXCHANGE, LIBRARY OF CONGRESS

Digitized by Google

А. Немировскій.

Напасть

ПОВѢСТЬ.

Изданіе редакціи журнала *„Русское Богатство“*.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія **Б. М. Вольфа** Разъѣзжая 15.
1898.

22 1950

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
543095B
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1950 L

Digitized by Google

„НАПАСТЬ“.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

У жены губернскаго предводителя, княгини Кейстутъ-Вилинской—«рабочее утро». Губернаторъ былъ холостой человѣкъ и, за неимѣніемъ губернаторши, княгиня, какъ первая по оффиціальному положенію дама и какъ жена богатаго и родовитаго человѣка, стояла во главѣ всѣхъ благотворительныхъ учрежденій. Она очень усердно занималась этимъ дѣломъ. Не старая—ей было съ небольшимъ за сорокъ, очень сохранившаяся женщина, она охотно отдавала свои силы этой дѣятельности и еще охотнѣе являлась центромъ и руководительницей общества, собравшагося около нея. Къ тому же и «тамъ» слѣдили за дѣятельностью провинціальныхъ благотворителей, слѣдили, поощряли и отмѣчали. Одно очень высокопоставленное лицо, осматривавшее проѣздомъ благотворительныя учрежденія города, съ похвалой отозвалось о нихъ и публично изъявило признательность княгинѣ. За

Digitized by Google

обѣдомъ у нея это лицо подняло бокалъ за ея здоровье, сказавъ, что «здоровье княгини должно быть всѣмъ *намъ* дорого, ибо, пока здорова княгиня, здоровы, одѣты и накормлены сирые и убогіе». Княгиня все это хорошо понимала и знала, что ея дѣятельность можетъ дать ей нѣкоторое имя и создать *тамъ* извѣстное положеніе, котораго ни у нея, ни у мужа ея не было. Мужъ ея, не смотря на княжескій титулъ и крупныя средства, по многимъ причинамъ «растерялъ», какъ говорила княгиня, свои лучшіе годы въ провинціи, до Петербурга не доходилъ и на шестомъ десяткѣ, въ чинѣ отставного поручика Б—скаго гусарскаго полка, былъ выбранъ на второе трехлѣтіе въ губернскіе предводители.

Большія комнаты обширнаго, деревяннаго барскаго дома были полны. Самое разнообразное общество стекалось къ «рабочему утру»; были здѣсь и настоящія швеи и закройщицы, которыя за плату кроили и шили платье для бѣдныхъ. Скромно, неслышными шагами переходили онѣ отъ стола къ столу, шопотомъ указывая и объясняя, что нужно. Были барыни и барышни, которыя дома у себя иголки въ руки не брали, здѣсь-же шили, потому что—«такъ всѣ». Были и такія, именно, наиболѣе почтенныя матроны города, которыя привозили прямо готовыя или наполовину изготовленныя вещи, предоставляя «нашимъ дѣвочкамъ» доканчивать работу. Такія являлись позднѣе и уѣзжали ранѣе другихъ. Почтенныя и чиновныя особы города, по-

Digitized by Google

кончивъ свои служебныя дѣла, обыкновенно къ четыремъ часамъ, къ концу «рабочаго утра» являлись выпить чашку чаю, поболтать, похвалить, поощрить. Были, наконецъ, и такіе посѣтители, которыхъ княгиня почти не знала и въ другое время у себя не видала; но въ такіе дни двери ея дома были открыты для всѣхъ, кто чѣмъ либо готовъ былъ содѣйствовать ей въ дѣлѣ благотворительности.

Въ обширной комнатѣ, съ тяжелой старинной мебелью, на длинномъ «мастерскомъ» столѣ лежали работы. Двое молодыхъ людей — «сиротскіе секретари» и одна высокая, блѣдная дѣвушка выдавали и записывали рабочій матеріалъ.

Больше всѣхъ болталъ и суетился городской острякъ Копылинъ. Небольшого роста, круглый, съ рѣдѣющими и сѣдѣющими волосами, съ небольшой свѣтлой бородкой, онъ вертѣлся въ комнатѣ, перебѣгая отъ одного стола къ другому, отъ одной «работницы» къ другой, вездѣ находя поводъ къ остротѣ, къ каламбуру, къ смѣшному, нерѣдко двусмысленному анекдоту.

— Помилуйте! — шумѣлъ Копылинъ, вертя въ рукахъ какіе-то необыкновенно широкія и короткія коленкоровыя панталоны, которыя только что кончила жена акцизнаго надзирателя, очень смѣшливая брюнетка, — помилуйте, Анна Федоровна, для кого это вы сработали сіе? Брюшко въ два аршина, ножки — два вершка! Этакое-то брюшко у голоднаго?

Digitized by Google

Полноте, это вы—не для нищаго... этакое, можно сказать, джерсе!..

— Джерсе?—послышалось нѣсколько смѣшливыхъ голосовъ.

— Ну да, джерсе... Посмотрите, какъ это эфектно... и тоже формы...—и губернскій острякъ распялилъ эфектную принадлежность костюма...

— Сергѣй Петровичъ!— раздался изъ другой комнаты голосъ княгини:—не хотите-ли чаю?

Копылинъ показался въ дверяхъ.

— Чаю? Помилуйте, княгиня, я выпилъ несмѣтное количество стакановъ.

— Я налью вамъ; не хотите-ли?

— Вы сами, княгиня? вашими руками? О, изъ вашихъ рукъ чего я не выпью!..

Сидѣвшая рядомъ съ княгиней старуха, вдова бывшаго предводителя дворянства, кинула значительный взглядъ. Княгиня взглядомъ остановила Копылина.

Онъ нѣсколько смутился, понявъ, что взялъ, какъ онъ выражался, «слишкомъ высокій тонъ».

— Ахъ, да!—быстро заговорилъ онъ, стараясь вывести себя изъ смущенія:—сегодня я въ первый разъ видѣлъ наслѣдника нашего круля польскаго. Какого молодца подарила ему супруга! Сегодня показывалъ, хвалился.

Крулемъ польскимъ называли въ городѣ одного недавно прибывшаго инженера, завзятаго поляка, по фамиліи Крулинскій. Копылинъ, отставной пе-

Digitized by Google

тербургскій статскій совѣтникъ, также занималъ видное мѣсто въ правленіи желѣзной дороги.

— Да-съ, такого молодца подарила,—продолжалъ Копылинъ, принимая изъ рукъ княгини стаканъ и ища глазами лимонъ, — посмотрѣли бы на него: что за руки, что за ноги! Настоящій король Попель, основавшій царство польское, покорившій всѣхъ своихъ враговъ и въ концѣ концовъ съѣденный мышами. Только теперь, конечно, все это идетъ по иному. Говорятъ, младенецъ и на свѣтъ появился со смѣтой въ рукахъ...

Изъ другой комнаты послышалось хихиканье «сиротскихъ секретарей». Ихъ смѣхъ ободрилъ Копылина и разсѣялъ его смущеніе, вызванное «слишкомъ высокимъ тономъ», но княгиня опять недовольнымъ взглядомъ посмотрѣла въ сторону.

— Сергѣй Петровичъ! Я давно хотѣла васъ просить...

— Что прикажете, княгиня?—и Копылинъ очутился возлѣ ея стула.

Въ это время къ столу подошла худенькая, стройная, очень красивая дѣвочка лѣтъ восьми, дочь княгини Кейстутъ-Вилинской, Леночка, или Муличка, какъ обыкновенно звалъ ее отецъ. Роскошные темно-каштановые волосы вились по ея плечикамъ. Синяя ленточка съ бантикомъ на головѣ и такой же бантикъ на груди очень шли къ нѣсколько смуглому, здоровому личику ребенка. Доб-

Digitized by Google

рые, улыбающіеся глазки мягко и участливо глядѣли изъ подъ ровныхъ, тоненькихъ бровей.

Дѣвочка уже болѣе получаса находилась въ комнатѣ, гдѣ шили и кроили наиболѣе усердныя «работницы». Привѣтливо здороваясь съ ними, она перебѣгала отъ одной къ другой, стараясь всѣми мѣрами помочь и услужить, чѣмъ могла. Смѣхъ въ сосѣдней комнатѣ, въ особенности голосъ Копылина, привлекли вниманіе Леночки. Она не понимала смысла остротъ, но смутно чувствовала, что издѣваются надъ Крулинскимъ. Гуляя съ своей англичанкой, она часто встрѣчала десятилѣтнюю дочь Крулинскаго—Зосю и знала, что Крулинскій—«Зосинъ папа». Эту Зосю Леночка очень любила. Рѣзвая, синеокая Зося была старше ея, раньше начала учиться и знала гораздо больше, чѣмъ она. Играя въ аллеяхъ городского сада, въ то время, когда ея англичанка бесѣдовала съ швейцаркой, бонной Крулинскихъ, Леночка отъ словоохотливой и порывистой Зоси узнавала много такого, чего она не слышала отъ своей молчаливой англичанки. Иногда во время ихъ игръ приходилъ и «папа Крулинскій». Леночка не разъ видѣла, какъ большой, высокій «Зосинъ папа» ласкалъ и цѣловалъ свою дочь, подымая къ себѣ на грудь худенькую живую дѣвочку и принималъ живое участіе въ бесѣдахъ и играхъ дѣтей. По всѣмъ этимъ причинамъ Леночка очень полюбила «Зосинаго папу».

Слушая смѣхъ «сиротскихъ секретарей», вызван-

Digitized by Google

ный остротами Копылина, Леночка волновалась и оглядывала присутствующихъ, желая понять, за что обижаетъ «Зосинаго папу» этотъ добрый Сергѣй Петровичъ, который такъ часто съ нею игралъ, такъ часто смѣшилъ ее своими прибаутками и возилъ ей конфеты.

II.

Въ это время въ дверяхъ показался и самъ Крулинскій, человѣкъ высокаго роста, широкій, костистый, съ нѣсколько длиннымъ скулистымъ лицомъ.

Подавшись нѣсколько впередъ и медленно переступая своими большими ногами, Крулинскій подошелъ къ княгинѣ.

— Имѣю честь кланяться, ваше сіятельство!— медленно проговорилъ онъ, и сразу послышался не совсѣмъ пріятный для русскаго уха польскій акцентъ.

— Здравствуйте, Казиміръ Осиповичъ! — Княгиня съ преувеличенной любезностью подала ему руку. Леночка вдругъ очутилась возлѣ него и, пока онъ почтительно раскланивался съ княгиней и другими, находившимися въ комнатѣ, крѣпко, обѣими руками сжимала ему локоть.

— Садитесь, мосье Крулинскій! Давно я не видала васъ. Какъ здоровье Северины Францовны?

— Благодарю васъ, княгиня. Встала. Сегодня

Digitized by Google

въ первый разъ выходила,—почтительно отвѣчалъ Крулинскій, сгибая свое большое тѣло и стараясь поцѣловать руку Леночки. Дѣвочка быстро выдернула свою руку и порхнула въ другую комнату. Крулинскій умильно глядѣлъ ей во слѣдъ, любуясь ея стройной, легонькой фигуркой и ея густыми, развѣвающимися по плечамъ волосами.

— Какая прелесть ростетъ у васъ ваша княжна Елена!—съ улыбкой обратился онъ къ княгинѣ, когда дѣвочка скрылась за тяжелой драпировкой двери.

Княгиня на мигъ вскинула на него глаза, какъ бы не сразу понявъ, о комъ онъ говоритъ.

— А-а! вы—о Леночкѣ? Благодарю васъ. Да, кажется, добрая дѣвочка.

Копылинъ какъ-то виновато смотрѣлъ изъ угла на Крулинскаго и обрадовался, когда тотъ обратился къ нему.

Между тѣмъ, стали подъѣзжать новыя лица: наступилъ часъ болѣе почетныхъ посѣтителей.

Вошелъ вице-губернаторъ, высокій, красивый, рано располнѣвшій блондинъ, изъ остзейскихъ бароновъ, съ длинной, худой баронессой, дочерью татарскаго князя, занимавшаго видное мѣсто въ юстиціи. За нимъ пріѣхалъ прокуроръ съ своею матерью, маленькой, очень подвижной старушкой. Наконецъ, появился и «большой генералъ».

Бойко, не по лѣтамъ живо, вошелъ въ комнату небольшого роста, довольно плотный брюнетъ

Digitized by Google

лѣтъ за пятьдесятъ. Округленная, тщательно подстриженная бородка, гладко выстриженные «бобрикомъ» густые волосы, коротенькій смокингъ. изящная булавка, сбоку приколотая на широкомъ галстухѣ,—очень молодили «генерала». Припадая нѣсколько на одну ногу и тщательно скрывая это, генералъ двигался и поворачивался съ усиленной быстротой.

Сергѣй Сидорычъ Фонькинъ—такъ звали генерала—еще недавно занималъ видное мѣсто. Одно время онъ стоялъ во главѣ большого, на всю Россію прошумѣвшаго дѣла и готовился уже взобраться на одну изъ высшихъ ступеней служебной лѣстницы, но какъ-то внезапно свалился. Переселившись въ провинцію, онъ купилъ себѣ небольшое имѣніе, а по зимамъ жилъ въ городѣ. Никто не зналъ причинъ, такъ внезапно оборвавшихъ его служебную карьеру; но на его удаленіе смотрѣли, какъ на временное, и ждали, и онъ ждалъ, что его скоро «призовутъ», что безъ него недолго обойдутся. По его большому для провинціи чину, его называли «большимъ генераломъ».

— Живы-ли вы, Сергѣй Сидорычъ? Васъ цѣлую вѣчность не видать,—любезно подавая руку, встрѣтила его княгиня.

— Живъ, княгиня! то-есть вѣрнѣе: ожилъ, чтобы явиться земно бить челомъ вашему сіятельству. Только ради этого, полагаю, болѣзнь на время выпустила меня изъ когтей своихъ, — громко

Digitized by Google

отвѣчалъ генералъ, живо, почти игриво кланяясь и цѣлуя руку княгини.

Голосъ генерала звучалъ нѣсколько крикливо; произносилъ онъ какъ-то особенно, полуоткрытымъ ртомъ и безъ ясныхъ оттѣнковъ гласныхъ. Что-то надменно-брезгливое и въ то же время жалобное, слышалось въ этомъ произношеніи. Не то молодой прусскій лейтенантъ, удостоивающій человѣчество лишь презрительными полузвуками, не то больной, капризный ребенокъ.

Любезно, но не безъ разбора отвѣчалъ генералъ на поклоны и рукопожатія.

— Новаго? Хорошаго новаго ничего нѣтъ,— отвѣчалъ генералъ на вопросъ княгини.—Плохую новость могу сообщить: азіятская гостья къ намъ пожаловала ранѣе, чѣмъ мы ее ожидали. Впрочемъ, это лучше извѣстно Виктору Павловичу,— обратился онъ въ сторону вице-губернатора: — у нихъ свѣдѣнія свѣжѣе и вѣрнѣе... А у васъ, княгиня, я вижу, фабрика, настоящая фабрика. И гдѣ только находите вы нищихъ для такой массы костюмовъ? Хе-хе-хе!..

— О, дай Богъ хоть немногихъ изъ нихъ какънибудь одѣть,—отвѣчала княгиня съ легкимъ вздохомъ.

— Помилуйте, княгиня, какъ немногихъ? Да они у васъ франтятъ, франтятъ, какъ не многіе достаточные люди. Меня каждодневно навѣщаетъ одинъ изъ вашихъ... голодныхъ бѣдняковъ. Мой

Digitized by Google

Федотъ—сердобольный мужчина, кормитъ его на кухнѣ. Этотъ сирота, этакъ въ саженку ростомъ, посмотрѣли-бы, какой франтъ: ежедневно три перемѣны платья!.. Настоящій дэнди—хе-хе-хе! Три перемѣны, не меньше,—шутилъ генералъ.

«Три перемѣны» не показались публикѣ особенно остроумными, и генералъ это тотчасъ-же замѣтилъ.

— Да, да, азіятская гостья,—вдругъ повернулъ онъ,—азіятская гостья пожаловала. Нужно готовиться къ смерти; только не знаю, къ какой: отъ холеры-ли или отъ руки пейзановъ.

Княгиня недоумѣвающе посмотрѣла на него.

— Какъ же, какъ же. Появились признаки: въ Ц—скомъ уѣздѣ волненія: раззорили нѣсколько сельскихъ аптекъ, одного фельдшера, говорятъ, изрядно помяли.

— У меня даже пришлось нѣкоторое внушеніе сдѣлать, — отозвался изъ угла комнаты худощавый господинъ, съ грубоватымъ, загорѣлымъ лицомъ, земскій начальникъ одного изъ южныхъ уѣздовъ губерніи.

— Вы что же, лекцію о холерныхъ микробахъ имъ прочитали? — спросилъ его рядомъ стоявшій плотный, модно одѣтый блондинъ, изъ судейскихъ—Антонъ Кондратьевичъ Ренчковскій,—«изъ дворянъ дворовый»—прозвалъ его острякъ Копылинъ.

— Да, лекцію о микробахъ,—улыбаясь, отвѣтилъ земскій начальникъ.

Digitized by Google

Ренчковскій одобрительно кивнулъ головой.

— Да какъ же,—продолжалъ земскій начальникъ, — помилуйте: всѣ лекарства уничтожили, квартиру фельдшера чуть не сожгли вмѣстѣ съ его семьей и имуществомъ.

— Это не въ Вертуновкѣ-ли? — спросилъ, подойдя, Крулинскій.

— Да-съ, въ Вертуновкѣ.

— Я немного знаю это село и фельдшера знаю: мы два года по лѣтамъ жили рядомъ. Такому человѣку, какъ тамошній фельдшеръ, и довѣрять мудрено. Я всегда удивлялся, какъ его терпятъ на службѣ.

— То-есть въ какомъ отношеніи? — спросилъ земскій начальникъ нѣсколько холодно.

— Въ томъ отношеніи, что крестьяне знаютъ его какъ барышника, скупщика, кулака, но не какъ фельдшера. Я могъ бы, не боясь впасть въ ошибку, удостовѣрить, что онъ ни разу не былъ у больного крестьянина, безъ приличнаго приношенія никогда никого у себя не принималъ и лѣкарствъ не давалъ. Да и какія лѣкарства? Я самъ видѣлъ въ рукахъ у крестьянина что-то вродѣ магнезіи, которая ему была дана подъ именемъ хины. Но за то половина волости у него въ долгу, и мелкія суммы ссужаются за громадные проценты... кромѣ того...

— Но позвольте спросить,—прервалъ его Ренчковскій:—мужиковъ-то этихъ онъ отравляетъ ядомъ?

Digitized by Google

Это вы можете удостовѣрить, «не боясь впасть въ ошибку»?

Крулинскій повелъ глазами въ сторону Ренчковскаго и ничего не отвѣтилъ. Въ глазахъ Ренчковскаго блеснулъ недобрый огонекъ.

— На кой мнѣ ихъ довѣріе!—злобно прошипѣлъ онъ, отвернувшись отъ Крулинскаго, въ сторону генерала.—Довѣряй, не довѣряй, это твое дѣло; а буйствовать не смѣй! «Мужикъ—теменъ, слѣпъ, съ него нечего спрашивать!» Мы это знаемъ давно. Такъ не прикажете-ли мнѣ просвѣщать его въ ту самую минуту, когда онъ занесъ ломъ надъ моей головой? — вдругъ обратился онъ опять къ Крулинскому.

— Приказалъ бы, если бы это отъ меня зависѣло,—сухо отвѣтилъ тотъ.

— Но, однако, дорогой мой!—вмѣшался генералъ, — какъ же это просвѣщать? Просвѣщаютъ вѣдь, учатъ, школы заводятъ и съ каждымъ годомъ все больше. Однако дикости отъ этого не убавилось...

— Въ самой Вертуновкѣ—земская школа, одна изъ лучшихъ,—вставилъ земскій начальникъ.

— Ну, вотъ извольте видѣть, дорогой мой! Просвѣщаютъ ихъ! а они?.. Грамоту въ школахъ берутъ, а дикость при себѣ оставляютъ. И грамотность, и дикость, и суевѣрія, и звѣрства!..

— Прошу прощенія: я не знаю, какая зависимость между грамотностью и суевѣріемъ или предразсудками?

Digitized by Google

Послѣднія слова вызвали общее недоумѣніе... Копылинъ и земскій начальникъ приблизились къ спорящимъ, а Ренчковскій принялъ рѣшительный видъ человѣка, готоваго сразиться и увѣреннаго въ побѣдѣ.

— Позвольте, однако,—началъ онъ съ дѣланной изысканностью и отчеканивая слова, — позвольте, многоуважаемый Казиміръ Осиповичъ! Вы, насколько я могу понять, не только не отождествляете понятій о народной школѣ и народномъ образованіи, но даже, повидимому, противополагаете ихъ?

— Не отождествляю, правда; но и не противополагаю.

— Какъ же это, однако? Какими же способами прикажете давать образованіе народу, если не посредствомъ школъ? Европа, сама Европа никакихъ другихъ средствъ не знаетъ. Только *тамъ* это средство дѣйствительно возвышаетъ народъ, облагораживаетъ его, а нашему сиволапу—не въ коня кормъ: онъ прямо изъ школы съ ломомъ въ рукахъ идетъ разбивать аптеку, кидается на врача. То-ли выноситъ изъ школы европеецъ? Дѣлаетъ-ли онъ что-либо подобное?

— Дѣлаетъ!—сухо отвѣтилъ Крулинскій.

— Какъ—дѣлаетъ? Гдѣ же онъ дѣлаетъ? Вы только не идите въ глубь среднихъ вѣковъ, въ глубь среднихъ вѣковъ,—повторилъ Ренчковскій, видимо довольный удачнымъ выраженіемъ,—вѣковъ

Digitized by Google

варварства и суевѣрія, а укажите примѣры такой дикости и такого звѣрства въ нашемъ вѣкѣ.

— Можно указать: лѣто 1848 г. во Франціи.

— Позвольте! позвольте! Мы говоримъ о буйствахъ дикой толпы противъ врачей, о разгромѣ аптекъ, а не о политическихъ волненіяхъ.

— И я говорю не о политическихъ волненіяхъ: я говорю о лѣтнихъ холерныхъ мѣсяцахъ 1848 г., а не о февралѣ.

— То-есть, что же вы хотите сказать?—спросилъ нѣсколько озадаченный Ренчковскій.

— Хочу сказать, что и французская чернь, даже чернь Парижа, когда холера стала сильно косить, и смертность достигла большихъ размѣровъ, заподозрила отраву, обвиняла врачей такъ же, какъ и наша.

— Но, однако, не накидывалась на врачей не раззоряла аптекъ...

— Прошу прощенія: и раззоряла аптеки, и накидывалась на врачей, и въ одномъ случаѣ едва не разорвала врача,—только находчивость полицейскаго чиновника спасла его.

— Да, «едва не разорвала»,—произнесъ Ренчковскій какъ-то растерянно и въ то же время подбадривая себя.

— Но почему же это противъ народныхъ школъ?—спросила княгиня, ни къ кому не обращаясь.

— Конечно, народныя школы здѣсь не при-

Digitized by Google

чемъ,—отвѣтилъ Крулинскій,—это собственно я и имѣлъ въ виду сказать. Давая народу только одну школу грамотности, и отъ него можно требовать только грамотности, но не больше,—добавилъ Крулинскій, послѣ нѣкотораго молчанія. Онъ говорилъ медленно, слѣдя за своей фразой и произношеніемъ. Ренчковскій имѣлъ видъ сдержанный и недовольный.

Прибывали между тѣмъ все новыя лица. Явился пріятель Крулинскаго, тоже инженеръ, Ройеръ, и изъ какого-то засѣданія пріѣхалъ князь Кейстутъ-Вилинскій въ сопровожденіи губернатора, высокаго блондина среднихъ лѣтъ, съ улыбающимися глазами и министерскими баками.

Кружокъ вновь прибывшихъ гостей размѣстился около княгини. Губернаторъ подтвердилъ слухи о волненіяхъ въ уѣздахъ, появившихся вслѣдъ за холерой; но вмѣстѣ съ тѣмъ успокаивалъ, что, «за имѣющими быть принятыми мѣрами», волненія скоро улягутся.

— А я, знаете-ли,—замѣтилъ князь Кейстутъ,—все же не думаю, чтобы это такъ, какъ бы сказать... Вотъ я сидѣлъ сегодня въ этой, какъ она?—санитарной, что-ли, коммиссіи; слушалъ, знаете-ли, все какъ-то... Ну, вышлемъ мы этого, какъ сказать,—разсказчика ихъ, что-ли, ну, однимъ словомъ, который ихъ мутитъ. Что же, вы думаете, лучше будетъ? Кто не совсѣмъ вѣрилъ ему, повѣритъ, какъ сказать? въ этого благодѣтеля. Полиція, знаете-

Digitized by Google

ли, его заберетъ, увезетъ, а вѣрить будутъ они все же ему, а не полиціи.

— Да чѣмъ-же, ваше сіятельство, ихъ разубѣдить?—вмѣшался Ренчковскій.—Вотъ, гдѣ-то, слышалъ я, мужики рѣшили прибѣгнуть къ давно испытанному средству противъ повальныхъ болѣзней: опахать село. Въ соху въ этихъ случаяхъ, какъ извѣстно, впрягаютъ старыхъ бабъ. Что-же? взяли да къ бабамъ припрягли и фельдшерицу. И тащила, несчастная, соху, пока не упала. Еле живую въ городъ привезли. Вотъ, не угодно-ли такихъ разубѣждать?!

Послышался смѣхъ.

— Бываетъ и хуже!—замѣтилъ кто-то.

— Да это еще что! — заговорилъ земскій начальникъ, выступая впередъ.—Въ холеру 1871 года въ Т—ской губерніи чуть не распяли было земскаго врача.

— Что вы?

— Можно-ли вѣрить такимъ анекдотамъ?—замѣтила княгиня, пожимая плечами.

— Вотъ извольте такихъ разубѣждать!—вновь отозвался Ренчковскій.

— Да я вовсе не то, какъ бы сказать, — продолжалъ князь, — я вовсе не противъ мѣръ; но, знаете-ли, мѣры... Въ одномъ случаѣ, пожалуй... а все же остается у нихъ въ головѣ... разъ ужъ они не довѣряютъ...

Князь говорилъ очень плохо, съ трудомъ нахо-

Digitized by Google

дилъ самыя простыя выраженія и вообще на словахъ, казалось, больше путалъ, чѣмъ выражалъ свои мысли. И въ то же время, — какъ это ни странно,—на письмѣ его рѣчь была проста и ясна, фраза отчетлива и нерѣдко красива.

III.

Было уже совсѣмъ сухо и тепло, даже очень тепло для первыхъ дней апрѣля. Солнце грѣло тѣмъ сухимъ лучомъ, который такъ знакомъ юго-востоку Россіи, гдѣ природа не знаетъ томительной нѣги весенняго пробужденія, гдѣ, очнувшись отъ зимняго сна, она прямо вступаетъ въ горячее, сухое лѣто.

Домъ князя Кейстутъ-Вилинскаго находился въ старой, отжившей части города, центръ котораго, съ проведеніемъ желѣзной дороги, постепенно передвигался въ другое мѣсто.

Обширный садъ, примыкавшій съ одной стороны къ широкой, почти немощенной улицѣ со старыми деревянными домами, а съ другой отгороженный отъ сосѣднихъ дворовъ обветшалой каменной стѣной, выходилъ почти къ окраинамъ города. Старая липовая аллея, начинавшаяся почти отъ самого балкона дома, да еще нѣсколько боковыхъ аллей содержались въ порядкѣ. Остальная часть сада была запущена. Лѣтомъ семья князя жила въ селѣ Коньевкѣ, въ десяти верстахъ отъ

Digitized by Google

города, и въ городской домъ рѣдко кто наѣзжалъ. Княгиня садомъ не особенно интересовалась, да и въ самой Копьевкѣ роскошный паркъ поддерживался только потому, что тамъ былъ хорошій садовникъ, и князь съ дѣтства зналъ и любилъ почти каждое дерево.

Въ одной изъ боковыхъ аллей стояла довольно просторная, крытая бесѣдка, въ ней раздавались дѣтскіе голоса. Леночка играла тамъ съ маленькой трехлѣтней дѣвочкой, въ ситцевомъ платьицѣ. Ея англичанка миссъ Уоркетъ, сидѣла поодаль, уткнувшись въ какую-то работу. Съ двумя большими куклами въ рукахъ, Леночка прыгала передъ черномазой дѣвочкой, выдѣлывая разныя фигуры.

— Ну, теперь, Катя, будемъ визиты дѣлать! Хочешь визиты? — спрашивала Леночка, нагнувшись къ самому личику счастливой, улыбающейся Кати.

Катя ничего не отвѣчала, только радостно кивала головкой.

Леночка съ усиліемъ подняла ее и, при помощи стула, кое-какъ усадила на большой столъ, покрытый яркой скатерью.

— Здравствуйте, княгиня! Boujour! chère princesse,—манерно, съ припѣвомъ выводила Леночка, приближая по столу одну куклу къ другой и заставляя ихъ кланяться и присѣдать.—Какъ поживаете, княгиня? Вы были сегодня въ пріютѣ? Вы, вѣроятно, очень устали!

Digitized by Google

Катя восхищенными глазами слѣдила за куклами и отъ восторга только махала руками.

Забавляя Катю, Леночка сама увлеклась импровизированной бесѣдой своихъ кукольныхъ княгинь и баронессъ, которыя кланялись, присѣдали и дѣлали другъ другу комплименты.

Вдругъ Леночка увидѣла, что изъ подъ Кати по столу потекла струя. Заволновавшись и тревожно озираясь на свою англичанку, Леночка поспѣшно сняла Катю со стола и, вынувъ изъ мѣшечка свой носовой платокъ, принялась почти съ судорожной быстрой вытирать столъ и образовавшуюся на полу лужицу.

— Ахъ, ахъ, Катя! ахъ, что ты надѣлала! Скорѣй, скорѣй! вотъ такъ! А то мама Ариша увидитъ, шлепки намъ дастъ, больно шлепки...

Внезапный испугъ Леночки сообщился Катѣ. Услышавъ слова: «Мама Ариша увидитъ, мама Ариша шлепки дастъ», она широко раскрыла глазки и вдругъ заплакала тѣмъ внезапнымъ, крикливымъ плачемъ, который вырывается у сильно испуганныхъ дѣтей.

— Катька! а Катька! Гдѣ ты, дрянь этакая?— послышался женскій голосъ у небольшого деревяннаго флигеля, стоявшаго въ концѣ аллеи, и, нѣсколько минутъ спустя, въ бесѣдку вошла худая, черноволосая, довольно растрепанная женщина, въ ситцевомъ платьѣ. Не сказавъ ни слова, ничего не узнавъ и не разсмотрѣвъ, она схватила Катю на

Digitized by Google

руки, подняла платьице и сильно шлепая по голому тѣльцу, вынесла ее изъ бесѣдки. Леночка съ крикомъ бросилась на нею, цѣпляясь за ея руки.

— Ариша! не надо, Ариша! Она не виновата!.. она хотѣла... я... она не виновата, не надо, Ариша,—Леночка буквально вся трепетала.

Ариша, не обращая вниманія на Леночку, донесла свою дочь до флигеля и втолкнула ее въ дверь; сама же тяжело дыша, опустилась на стоявшую у двери зеленую садовую скамейку. Густая, безпорядочная прядь волосъ выбилась изъ подъ сѣтки, покрывавшей ея голову и, нѣсколько впалые, большіе глаза ея неподвижно уставились въ землю.

Изъ боковой аллеи за флигелемъ показался худенькій, небольшаго роста старичекъ, лѣтъ около семидесяти, съ виду не то лакей, не то дворецкій, въ черномъ, грубоватаго сукна, но чистомъ сюртукѣ, изъ подъ бортовъ котораго виднѣлась чистая крахмальная рубашка. Длинные, подъ скобку, еще не совсѣмъ сѣдые волосы, сѣдые подстриженные усы придавали его добродушному бритому лицу совсѣмъ не лакейское выраженіе.

— Ахъ, Арина Григорьевна, матушка! За что тираните? Дите малое!..

— Охъ, Антонычъ, Антонычъ!.. Сверхъ силъ возможности! нѣтъ моего терпѣнія!—безсильно разводила руками Ариша. По выраженію лица, по тону ея словъ видно было, что жалобы ея отно-

Digitized by Google

сятся вовсе не къ Катькѣ, и что ея «силы возможности» подрываетъ что-то другое.

— Все-жъ, милая, какъ же возможно? дите малое, непричинное. А вы, барышня, не плачьте, не надо плакать, милая! — обратился онъ вдругъ къ Леночкѣ, которая продолжала всхлипывать, утирая своими кулачками глаза. Плечики ея приподнялись, худенькая грудь ушла внутрь, и согнувшееся, худенькое тѣло ея нервно вздрагивало.

— Не надо плакать!—продолжалъ ее успокаивать Антонычъ!—не надо, моя золотая! Тамъ гости; скажутъ: ахъ, какая у нихъ барышня, Елена Александровна, все плачетъ! А гдѣ же вашъ платочекъ? Въ ридикюльчикѣ нѣтъ. Слезки вытереть...

— Я его тамъ... онъ тутъ... не знаю, — лепетала Леночка, припоминая, что свой мокрый и загрязненный носовой платокъ она оставила въ бесѣдкѣ.—А вы спросите другой у нянечки! — вдругъ какъ бы спохватилась Леночка.

— Сейчасъ, милая! сейчасъ, моя золотая! — И старикъ быстро засѣменилъ по аллеѣ.

— Развѣ такъ можно кричать на весь садъ!— укоризненно обратилась къ Леночкѣ англичанка, вышедшая изъ аллеи.—Гдѣ же вашъ носовой платокъ?

Леночка опустила глаза и молчала.

Вытеревъ своимъ платкомъ слѣды слезъ на лицѣ дѣвочки, миссъ Уоркетъ продолжала свои наставительныя причитанія. Леночка постепенно успокаивалась.

Digitized by Google

— А-а-а! вотъ ты куда запряталась! — вскрикнулъ Копылинъ, вышедши вмѣстѣ съ Ройеромъ изъ аллеи. Завидѣвъ Леночку, онъ подошелъ къ ней, взялъ ее за талію и высоко поднялъ ея худенькое тѣльце, любуясь ея роскошными волосами.

— Ахъ ты, русалочка маленькая!—нѣжно шепталъ Копылинъ, потрясая на воздухѣ Леночку.

— Когда же мы опять будемъ съ вами пѣть:

Tom, Tom was a piper's son

He learn'd to play, when he was joung?—

спросилъ ее Ройеръ, когда Копылинъ вновь опустилъ дѣвочку на землю.

— Я теперь не пою ее; это — когда я была маленькая.

— Какую же вы теперь поете?

— Никакой. Я теперь читаю книгу.

— Какую? Chatterbox?

— Нѣтъ, русскую: «Добрая Варя». Интересная.

— Что же въ ней интереснаго?

— Все: какая Варя была добрая, всѣхъ любила; игрушки отдавала Вѣрочкѣ... Только она умерла,— съ грустью закончила Леночка.

— Какъ умерла? Отчего?

— Такъ. Ее взялъ Боженька: она была хорошая...

— Кто далъ вамъ эту книжку? Вамъ нужно читать не такія грустныя, вамъ веселыя книжки нужно читать.

Digitized by Google

— Нѣтъ, это—хорошая. Мнѣ нянечка подарила: мое было рожденіе. У меня и веселая есть: «Олины затѣи». А только «Добрая Варя» лучше.

Копылинъ опять подхватилъ дѣвочку и увлекъ ее по аллеѣ.

IV.

Утреннія занятія губернатора затянулись необычайно долго. Уже третій часъ на исходѣ, а начальникъ губерніи, который обыкновенно къ часу поканчивалъ съ утренними докладами и затѣмъ, позавтракавъ, пѣшкомъ отправлялся въ губернское правленіе или въ другое засѣданіе, — сегодня все еще сидитъ. Полиціймейстеръ раза четыре пріѣзжалъ и уѣзжалъ; городской голова второй разъ подъѣхалъ на своемъ сытомъ жеребцѣ, сидя бокомъ на купеческой рессорной линейкѣ.

У подъѣзда—разные фаэтоны, дрожки и извозчики, а на подъѣздѣ то и дѣло мелькаютъ разныя должностныя лица губернскаго города.

Въ губернаторскомъ кабинетѣ, размѣстившись вокругъ большого зеленаго стола, сидѣло человѣкъ пятнадцать.

— Я не знаю, ваше превосходительство, какъ это будетъ у насъ. По моему разсужденію, русскому человѣку, особливо рабочему, въ лѣтнюю пору, безъ квасу никакъ невозможно, — говорилъ, разводя руками, городской голова, высокій, благо-

Digitized by Google

образный старикъ, въ черномъ суконномъ сюртукѣ нѣсколько удлиненнаго покроя.

— Да какъ же иначе, Захаръ Андреевичъ? Вотъ Николай Сергѣевичъ — губернаторъ указалъ глазами на инспектора врачебной управы,—да и всѣ наши господа врачи единогласно заявляютъ, что квасъ на сырой водѣ очень вреденъ въ такое время.

Врачебный инспекторъ подтвердилъ наклоненіемъ головы.

— Съ другой стороны,—продолжалъ губернаторъ, — мы не имѣемъ возможности услѣдить за квасоварами, чтобы они употребляли исключительно кипяченую воду. Что же дѣлать? Поневолѣ приходится закрывать эти квасоварни.

Городской голова пожалъ плечами.

— Вы изволите говорить, что вредъ отъ воды, некипяченной, то есть? — обратился онъ къ врачебному инспектору.—Ну, пускай такъ: вредъ отъ нея въ квасу. А не дадимъ мы ему квасу, да станетъ онъ такъ эту самую сырую воду пить, польза, что-ли, ему будетъ отъ этого?

— Все же здѣсь большая разница,—вмѣшался другой докторъ. Въ городѣ онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ «Особеннаго». Такъ прозвали его товарищи, во-первыхъ, за его непримиримую ненависть къ врачамъ всѣхъ національностей, кромѣ русской, и во-вторыхъ, за его постоянныя разсужденія на тему о томъ, что «русскому человѣку

Digitized by Google

нуженъ совсѣмъ *особенный*, русскій способъ лѣченія», причемъ никогда не выяснялось, въ чемъ этотъ «особенный» способъ заключается. Высоко поднявъ голову, авторитетно оглядывая сквозь очки всѣхъ присутствующихъ, «Особенный» сталъ подробно объяснять, въ чемъ «большая разница». Появились на сцену и желудочный сокъ съ панкреатической железой, и перистальтика, и кислая, и щелочная реакціи, и послѣднія наблюденія надъ холерой въ Индіи и Испаніи и пр., и пр.

Врачебный инспекторъ, раскрывъ добродушные, круглые глаза, со вниманіемъ слушалъ своего коллегу; полиціймейстеръ игралъ кистью своей шашки, а городской голова, уныло свѣсивъ голову, съ покорностью ожидалъ конца кислой и щелочной реакціи. Наконецъ, губернаторъ, уже неоднократно обнаруживавшій признаки нетерпѣнія, прервалъ оратора:

— То-есть, вы хотите, въ концѣ концовъ, сказать намъ, что квасъ, особенно холодный, самъ по себѣ значительно ослабляетъ пищевареніе и подготовляетъ почву для холеры?

— То-есть да, ваше превосходительство, хотя послѣднія наблюденія въ Испаніи показали, что родниковая вода...

— Ну, да, да! Вы уже это изволили намъ сообщать. Но, вѣдь, мы стремимся, по возможности, устранить этотъ вредъ: мы стремимся дать народу горячій чай. Двѣ чайныхъ на берегу уже есть.

Digitized by Google

Княгиня Софья Никаноровна обѣщаетъ съ своей стороны сдѣлать все возможное. А затѣмъ со стороны городского управленія и почтеннаго Захара Андреевича мы будемъ ожидать самаго энергичнаго содѣйствія въ этомъ отношеніи.

Губернаторъ, улыбаясь, наклонился въ сторону городского головы.

Городской голова всталъ и поклонился. Сквозь раскрывшіеся борты сюртука показалась бѣлая, тонкаго холста, некрахмаленная рубашка.

— А всетаки, ваше превосходительство, дозвольте высказать, — старикъ наклонилъ голову въ сторону: — чай чаемъ, а вода — водой. Вѣдь онъ чай пьетъ не для жажды, а такъ, для отдыха, какъ бы сказать, проклажается. Я вотъ, примѣрно, у себя на заводѣ: чай роздалъ ребятамъ, сахаръ; два самовара, по три ведра каждый, безъ переводу; да и такъ вода въ котлѣ цѣлый день. Пей, сколько хочешь! Что же? Чаемъ-то онъ нальется, а всетаки поработаетъ на припекѣ и — къ водѣ. Лакаетъ, не оторвешь отъ бочки. Я все жъ скажу, — прибавилъ онъ послѣ небольшого перерыва, — по моему разсужденію, въ квасу не слѣдовало бы народъ стѣснять, ваше превосходительство! Христосъ съ нимъ — пьетъ! Онъ къ нему привычный, выросъ на немъ.

Старикъ умными, заискивающими глазами смотрѣлъ на губернатора.

Digitized by Google

На лицѣ начальника губерніи выразилось нетерпѣніе.

— Не можемъ же мы, Захаръ Андреевичъ, упорствовать въ своихъ взглядахъ въ противность наукѣ!—(докторъ «Особенный» подѣдоносно посмотрѣлъ на городского голову).—Мы обязаны слѣдовать указаніямъ господъ врачей. Я на свою совѣсть не возьму отвѣтственности. Какая гарантія въ томъ, что, отвергнувъ ихъ совѣты, мы не навлечемъ еще большихъ бѣдствій? Чѣмъ мы можемъ гарантировать?

Городской голова покорно опустился на стулъ.

— Впрочемъ, ваше превосходительство, можетъ быть Захаръ Андреевичъ имѣетъ возможность какъ-нибудь услѣдить за тѣмъ, чтобы квасъ готовился исключительно на кипяченой водѣ? — вмѣшался врачебный инспекторъ, который сталъ догадываться, что проектируемая мѣра слишкомъ поспѣшна, что закрыть сразу всѣ квасоварни не совсѣмъ основательно. — У городской управы есть свои постоянные санитарные врачи, кромѣ того, приглашаются еще и временные.

Губернаторъ повернулся къ городскому головѣ, ожидая отвѣта.

— Ежели полиція будетъ закрывать квасоварни, которыя на сырой водѣ, онъ самъ для своей пользы долженъ брать кипяченую, хоть и трудненько напастись кипяченой—вѣдь не два ведра! А чтобы ручаться услѣдить за каждымъ, это затруднительно,

Digitized by Google

очень затруднительно, ваше превосходительство!

Рѣшено: повременить закрытіемъ квасоваренъ, но учредить самый строгій надзоръ.

Вошелъ членъ городской управы, высокій, худощавый блондинъ въ очкахъ. Онъ сообщилъ, что на берегу произошли нѣкоторыя недоразумѣнія и безпорядки, вызванныя запрещеніемъ торговать разными съѣстными припасами, сбываемыми береговому рабочему люду, проѣзжающимъ и пристающимъ баржамъ и пароходамъ. Мелкіе торговцы, въ особенности бабы, прямо отказались снять свои навѣсы, лотки и рундуки, оказывая при этомъ весьма сильное сопротивленіе полиціи.

— Положимъ, огурцовъ еще нѣтъ; а другая, какая есть, зелень и сырье уничтожаются. И то какихъ трудовъ стоитъ. Такъ что я не знаю... собственно, можетъ быть, этимъ намъ бы и ограничиться,—какъ-то несмѣло закончилъ свой докладъ членъ управы.

— А гнилая рыба? а тухлыя яйца? а червивые грибы? а протухшая колбаса?—почти яростно накинулся на него Особенный.

— Нужно же чѣмъ-нибудь питаться рабочему человѣку!—возразилъ членъ управы.—Не здѣсь — на берегу,—онъ въ городъ пойдетъ и опять же ничего лучшаго по своимъ средствамъ не найдетъ. Разница въ томъ, что на берегу онъ имѣетъ все подъ руками, а въ городъ ходить — онъ теряетъ

Digitized by Google

время, теряетъ часть заработка; самъ недоволенъ и хозяинъ недоволенъ.

— Ну, пошла «политическая экономія»!—шепнулъ Особенный своему сосѣду. — Членъ управы, человѣкъ университетскаго образованія, неизвѣстно почему прозванъ былъ «политической экономіей». Политической экономіей онъ не занимался и никогда о ней не говорилъ.

— Я вотъ седьмой годъ завѣдую берегомъ; тамъ меня знаютъ и нѣсколько, всетаки, довѣряютъ,— продолжалъ членъ управы.—А сегодня, посмотрѣли бы, какъ меня приняли! Такъ прямо чуть не въ глаза рычатъ: былъ-де человѣкъ хорошій, а теперь тоже за-одно съ лѣкарями народъ морить собирается.

— Какъ это морить народъ?—спросилъ губернаторъ.—Неужели и сюда проникли бредни, которыми смущали тамъ на югѣ.

— Да, вѣдь, какъ же, ваше превосходительство! Тамъ вездѣ устроены карантины; привозъ стѣсненъ, заработки упали; береговой рабочій людъ разбрелся искать хлѣба. Большинство все же сюда идетъ. Здѣсь тоже работы никакой. А послѣ тамошнихъ скандаловъ и погромовъ еще рѣшительнѣе разносятся сплетни. Имъ вѣрятъ и еще присочиняютъ. Особенно бабы. Эти такъ ужъ чуть собственными глазами не видѣли, какъ отравляютъ народъ. Сегодня одна мнѣ прямо въ глаза: — «врешь! — кричитъ,—не отъ моей рыбы,—я двадцать лѣтъ здѣсь

Digitized by Google

торгую, — а отъ твоей отравы, что съ лѣкарями развозишь, да разсыпаешь!»

Губернаторъ задумался. Прошло нѣсколько минутъ общаго молчанія.

— Да какъ же, однако? чѣмъ себѣ это объясняютъ? Какая надобность отравлять народъ?—спросилъ губернаторъ.

— Да, собственно, насколько я могу понять, ничѣмъ себѣ не объясняютъ и никакихъ объясненій не ищутъ и не требуютъ. «Шмàру пустили въ народъ!» и только. Народъ огорошенъ; слышитъ, будто кругомъ въ деревняхъ, на низу, сильно люди мрутъ; а у себя пока особенной смертности не видятъ. Мы заблаговременно приготовились, построили бараки, всѣхъ больныхъ забираемъ, дома не даемъ имъ болѣть... А тутъ вся голь, прибывающая съ низу, толкуетъ одно: отрава, да отрава... Паника, страхъ и, конечно, всевозможныя выдумки...

Объясненіе члена управы ничего губернатору не разъяснило: что-то особенное, недосказанное скрывалось за его словами.

— Вотъ до чего ихъ необразованіе доходитъ, ваше превосходительство, — вставилъ, нѣсколько приподнявшись, полиціймейстеръ.—Вчера приставъ 3-й части видитъ: на той сторонѣ Гуслихи—пожаръ; такъ будто за Покоровкой, или къ Аниськинымъ хуторамъ. Приказалъ себѣ принести зрительную трубку и—смотритъ. Народъ, конечно, тоже

Digitized by Google

кругомъ собрался. Только онъ слышитъ: «мало округъ народу помирили, на Покоровку шмару навести желательно!» Ну, окрикнулъ, разумѣется, разошлись.

Губернаторъ разсѣянно смотрѣлъ на полиціймейстера, видимо его не слушая.

— Однако, какъ же это помирить, Константинъ Аполлоновичъ?—обратился онъ снова къ члену управы.—Съ одной стороны, народъ, говорите вы, боится холеры; а съ другой—никакихъ мѣръ не желаетъ противъ нея и тѣмъ, которыя предпринимаются помимо его, противодѣйствуетъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что нашимъ мѣропріятіямъ онъ не довѣряетъ...

— Какъ его завѣрить, что отъ огурца, или отъ рыбы—вредъ?—перебилъ городской голова.—Иной двадцать лѣтъ на берегу работаетъ, двадцать лѣтъ только и пищи ему, что огурецъ. Я, говоритъ, съизмала: сколько живъ, этой пищей живу; отъ нея, говоритъ, человѣкъ здоровъ остается. А и то сказать: иному что холера? Все одно, что отъ холеры, что отъ безхлѣбицы. Вотъ такіе больше всего мутятъ. А сколько ихъ теперь набралось къ намъ съ низовья-то! Народъ самый оголтѣлый, вдобавокъ тамъ всякія буйства видѣлъ и самъ буйствовалъ.

Губернаторъ задумчиво чертилъ фигурки на лежащемъ передъ нимъ листѣ бумаги. Остальные молчали.

Digitized by Google

— Два барака уже дѣйствуютъ, ваше превосходительство, — несмѣло заговорилъ полиціймейстеръ,—третій на дняхъ будетъ готовъ.

Губернаторъ, прищуривъ глаза, смотрѣлъ мимо полиціймейстера куда-то вдаль. Послѣднему показалось, что начальникъ губерніи ждетъ отъ него продолженія доклада.

— И вотъ еще, ваше превосходительство, на счетъ родственниковъ: просто, никакими средствами ихъ не прогонишь. Возьмутъ въ баракъ больного, они не отходятъ: отдай, кричатъ, назадъ. Вчера, ваше превосходительство, Карла Богданыча баба прямо чуть за грудь не хватаетъ: «верни, кричитъ, мужа! сиротой по міру пустить хочешь»!

— Ну, что-жъ этотъ Карлъ... какъ вы говорите?

— Карлъ Богданычъ, — поспѣшно подсказалъ полиціймейстеръ, — Карлъ Богданычъ Шлиппе, старшій врачъ. «Что это онъ: Карла Богданыча Шлиппе не знаетъ»?—недоумѣвалъ про себя полиціймейстеръ.

— «Шмара»!.. «пускаютъ шмару»! Какъ понять тутъ что-нибудь?.. И что такое эта «шмара»?— медленно и какъ бы самому себѣ говорилъ губернаторъ.

— Да вѣдь это, ваше превосходительство, просто такъ себѣ, пустое. «Шмара», здѣсь—«шмара», а въ Покоровкѣ—хохлы, такъ у тѣхъ «хмара» какая-то. Такъ себѣ: жупелъ!—улыбаясь и ози-

Digitized by Google

раясь на присутствующихъ, объяснялъ Особенный, повидимому, убѣжденный, что даетъ надлежащее объясненіе.

— Хмара—это туча, облако,—скромно вставилъ старичекъ изъ поляковъ, въ формѣ военнаго врача.—А шмара—не знаю; но вѣроятно и это слово не безъ значенья у народа.

— Какое тамъ значенье?—уже совсѣмъ замахалъ на него Особенный.

— Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, сказать,—съ запинкой и нерѣшительно обратился къ губернатору членъ управы.—Мнѣ кажется... какъ-то... какъ-бы это сказать?.. Ну, можетъ быть это парадоксъ! Мы приготовились, заблаговременно приготовились встрѣтить холеру, благодаря тому, что она раньше стала свирѣпствовать на югѣ. Мы построили бараки, заготовили дезинфекцію и пр. Я противъ этого, конечно, ничего не говорю. Но вотъ что выходитъ на дѣлѣ. До сихъ поръ у насъ слава Богу, не особенно много заболѣваній, и почти всѣхъ заболѣвающихъ мы забираемъ въ свои больницы; но они у насъ тамъ всѣ почти и умираютъ. Я ничего не говорю противъ лѣченія или ухода,—поспѣшилъ онъ прибавить, обращаясь въ сторону врачей,—эпидеміи, говорятъ, всегда вначалѣ дѣйствуютъ сильнѣе. Населеніе у себя въ домахъ пока собственно самой болѣзни не видѣло и не знаетъ, насколько она, сама по себѣ, ужасна и безпощадна. Населеніе видитъ одно: сдѣлалась у

Digitized by Google

человѣка рвота, его тотчасъ берутъ въ городскую больницу и оттуда обыкновенно черезъ день хоронятъ, всего чаще безъ вѣдома и участія родныхъ...

— Что же вы хотите сказать?—прервалъ его губернаторъ, все время внимательно слушавшій.

— Читать намъ лекцію о холерѣ, что-ли,—началъ было Особенный, но губернаторъ движеніемъ руки остановилъ его, продолжая внимательно смотрѣть на члена управы.

— Я хочу сказать,—еще менѣе рѣшительно продолжалъ членъ управы,—я хочу сказать... Вотъ, напримѣръ, произойдетъ у кого-нибудь изъ насъ случай внезапной, быстрой смерти, не отъ холеры, а такъ, отъ какой-нибудь другой болѣзни. Вѣдь даже намъ всегда кажется, что того не сдѣлали, другое упустили, дали бы то лекарство—больной непремѣнно выздоровѣлъ бы. Это въ нашей средѣ. А простому человѣку это тѣмъ болѣе кажется. Даже при увѣренности, что холера очень опасная болѣзнь, каждому сдается, что останься больной дома, на попеченіи близкихъ и родныхъ, его бы навѣрно отходили. А мы ихъ всѣхъ забираемъ, и они у насъ въ больницахъ умираютъ, почти всѣ умираютъ...

— Ну-съ, что же вы хотите сказать?—уже нѣсколько нетерпѣливо прервалъ его губернаторъ.

Всѣ уставились на члена управы, всѣмъ было ясно, что у него въ головѣ что-то совсѣмъ неожиданное и парадоксальное. И онъ самъ видѣлъ,

Digitized by Google

что мысль его не только угадана раньше, чѣмъ онъ ее высказалъ, но всѣми уже единогласно осуждена, какъ нѣчто невозможное и чудовищное.

Одинъ городской голова, казалось, понималъ его не такъ, какъ всѣ. Наклонивъ голову, старикъ молчалъ, медленно шевеля пальцами лежащій передъ нимъ карандашъ.

— Я хочу сказать,—еще болѣе робко продолжалъ членъ управы,—въ такихъ случаяхъ масса возбуждена, легко поддается, довѣрчиво выслушиваетъ и сама создаетъ всевозможныя легенды. И немного нужно въ такихъ случаяхъ взволнованной черни, чтобы... Да вотъ, напримѣръ, такой случай!—членъ управы оживился и очень обрадовался возможности привести извѣстный ему случай и тѣмъ нѣсколько отдалить необходимость досказать свою мысль.—Такой случай! Производили на дняхъ дезинфекцію, тамъ, внизу, въ Глинистомъ оврагѣ: въ домѣ умеръ холерный. Пустили въ дѣло карболку, сулему. На бутыли, что съ сулемой, наклеена большая желтая этикетка съ надписью крупными буквами: ядъ. Нашелся грамотный, прочиталъ. Что жъ? бутыль и всѣ инструменты—въ дребезги, и фельдшеръ еле ноги унесъ.

— Да, да! все это прекрасно! Но что же изъ всего этого?—Губернаторъ терялъ терпѣніе.

— Не очень-ли... то-есть я хочу сказать, не слишкомъ-ли ужъ энергично дѣйствуемъ мы? Населеніе насъ совсѣмъ не понимаетъ...

Digitized by Google

— То-есть, какое же это? Оставить населеніе на произволъ судьбы, не принимая никакихъ мѣръ? Дать эпидеміи свободный, безпрепятственный ходъ?

— То-есть не совсѣмъ, а такъ... первое время, по крайней мѣрѣ, не очень ужъ... Народъ увидитъ, какъ страшна болѣзнь, самъ придетъ просить помощи...

Членъ управы говорилъ уже весьма робко.

— Устроили больницы, бараки и провѣтривать ихъ, что-ли? А народъ пускай себѣ умираетъ у себя по домамъ, безъ врачебной помощи! Это совсѣмъ въ нашемъ духѣ!—презрительно выкрикивалъ Особенный.

Губернаторъ, недовольный, даже поднялся со стула. Поднялись и другіе.

Изъ дверей пріемной, полицейскій приставъ давно уже старался обратить на себя вниманіе полиціймейстера. Наконецъ, онъ поймалъ его взглядъ и кивкомъ вызвалъ изъ кабинета. Полиціймейстеръ вышелъ и, возвратившись черезъ минуту, шопотомъ о чемъ-то доложилъ губернатору.

— Ну, что жъ такое? пускай придутъ: мы имъ объяснимъ,—равнодушно прошепталъ губернаторъ.

— Вы говорите: безъ всякой врачебной помощи. Ну, а чѣмъ же вы насъ будете лѣчить? Какія теперь средства противъ холеры?—спрашивалъ Особеннаго въ углу губернаторскаго кабинета маленькій, весьма подвижный предсѣдатель уѣздной управы.

Digitized by Google

— Должно быть никакихъ! То же, что и прежде,—вступилъ рядомъ стоявшій городской голова.

— Ну, однако!..

— Что же, однако? Я помню хорошо холеру сорокъ восьмого года. Я тогда уже былъ парень на ногахъ, старики женить собирались. Вотъ теперь слышу: квасъ долой! рыбы не ѣшь! А тогда все больше насчетъ храбрости. Не робѣй! болѣзнь вся—отъ одной робости. Ѣшь, пей, что хочешь, а только не робѣй. Помню, присланъ былъ къ намъ изъ Питера генералъ Столпинъ, духъ этотъ поддерживать. Молодецъ, красавецъ изъ себя, силачъ такой, царство ему небесное. «Плевать, говоритъ, на холеру; все отъ робости». И ободрялъ. Самъ жилъ весело, за нимъ и другіе. Какъ схватило его на улицѣ, онъ этакъ уцѣпился у извощика сзади за рессоры и кричитъ: погоняй! И, вѣрители? рысью по мостовой такъ и помчалъ. А самъ: «врешь, со мною не сладишь!» Да только двухъ кварталовъ сердечный не пробѣжалъ—упалъ. На утро схоронили. Вотъ оно—и отъ робости!

— Что же все это доказываетъ?—насмѣшливо спросилъ Особенный.

— Нѣтъ, это, конечно, я такъ, къ слову. А вотъ старичекъ у насъ былъ, на Воскресенской, туда, книзу, баню держалъ. Теперь ея нѣтъ, давно сгорѣла, а баня была огромная. Онъ съ утра до вечера топилъ эту самую баню и самъ раза по

Digitized by Google

два на день парится и народъ бѣдный даромъ пускаетъ. И такъ всю холеру: православные, молъ, старъ и младъ, вали на легкій паръ! Что же вы думаете? Тамъ, по тѣмъ кварталамъ, вы знаете, больше все бѣднота. Какъ что,—сейчасъ въ баню. Тамъ ужъ корча-ли съ нимъ, рвота-ли—все равно: парятъ! И—смѣйтесь, батюшка, смѣйтесь!—многіе избавились. Смѣшно? Что дѣлать? Ну ужъ такъ и быть: въ конецъ васъ насмѣшу. Дней пять назадъ у Спиридонъ Ефимыча кучера схватило. Онъ, не долго думая, чистаго дегтю. Вырвало, онъ въ другой разъ. Тамъ ужъ не знаю, много ли онъ его выпилъ. Вы думаете, разорвало парня? Сегодня, батюшка, на козлахъ видѣлъ — здоровехонекъ!..

— О, я знаю, почтенный Захаръ Андреичъ, знаю: банька да квасокъ, деготь да еще, пожалуй, керосинъ. Совсѣмъ въ духѣ нашего почтеннаго думскаго купечества. Дешево и мило!

— Это точно, батюшка, точно; нашъ братъ—купецъ ему—извѣстно: что ни дешевле, то и милѣй. А вотъ вы, *ваше благородіе*, насъ теперь научите, чѣмъ бы намъ, хоть и дорогимъ, да поизбавиться отъ этой холерной напасти?

«Ваше благородіе» было сказано съ удареніемъ. Особенный былъ сынъ дьячка. Городской голова зналъ его отца, нетрезваго, подавленнаго бѣдностью старика; зналъ, что и въ университетѣ Особенный учился на средства одного купца, рыбника.

Digitized by Google

V.

Губернаторъ уже давно стоялъ у угловаго окна, наблюдалъ приближавшуюся по улицѣ толпу. Кучка мелкихъ береговыхъ торговцевъ и торговокъ, человѣкъ въ тридцать, собралась было около зданія городской управы и, прождавъ нѣкоторое время, двинулась къ губернаторскому дому. Люди шли довольно чинно, безъ особеннаго шума, занимая часть улицы. Впереди по троттуару десятка два бабъ громко разговаривали.

— Куда я съ сиротами? Онъ, что-ль, мнѣ кусокъ дастъ? Двадцать лѣтъ на берегу, не первый годъ. Вредъ отъ ее! Врешь!..

— Хоть по людямъ побираться послѣ этого.

— Только тѣмъ и капиталишься съ малыми ребятами, что берегомъ.

— Не бойсь, у Дуньки вся рыба свѣжая, безъ вредности!—выкрикнула круглолицая, молодая бабенка, выступая впередъ.—Всю какъ есть на столѣ оставилъ.

— Что ты!

— И пра... на мѣстѣ умереть.

— За то и Дунька! Чай, какъ мужа угнали, съ тѣхъ самыхъ поръ съ нимъ возжается; третій годъ у ней на квартерѣ.

— А съ меня, мать моя, такъ три гривны слопалъ, аспидъ. Все, говоритъ, въ воду побросаю.

Digitized by Google

— А ты думала—даромъ? Чай, и я всѣ сорокъ отдала. А товару всего рублей на пять.

— И страху жъ я набралась, дѣвонька!—заговорила опять круглолицая бабенка.—Гляжу: лѣзетъ долгорылый, да прямо на меня. Ну, пропала моя головушка! А онъ выпрямился этакъ: «здѣсь все, говоритъ, ваше благородіе, очищено; ничего нѣтъ!» Ну, повернулъ, слава тебѣ, Господи.

— Тоже, чай, не даромъ. Рыло-то у тебя масляное; а энтотъ даромъ что старый, да колченогій, а тожъ — любитель! — усмѣхнулась одна старуха.

— То-то любитель! Ты, должно, помнишь—любитель!—огрызнулась бабенка. — И врешь: при бѣдности двугривенный отдала.

— А-а! ты ломать? Ломай!—горячился въ толпѣ сухой, высокій старикъ. — Ломай! ничего! А гдѣ законъ? ты покажи законъ!

— То-то и есть! Ты допрежъ двѣ красныхъ отдай и бери хоть весь. Товаръ, чай, не краденый,—соглашался другой.

— А за мѣсто, говорю, за мѣсто деньги-то взяли? Кровныя отдалъ! А теперь гонишь?—кричалъ во все горло кривой, широкоплечій парень и билъ себя въ грудь съ такимъ ожесточеніемъ, какъ будто тамъ сидѣлъ злѣйшій врагъ его...

— Что рыба! Нѣтъ, врешь, не рыба. Тутъ не рыбой пахнетъ, — доказывалъ кто-то въ другой сторонѣ.

Digitized by Google

Совсѣмъ позади толпы довольно чисто одѣтый мѣщанинъ обстоятельно разсказывалъ что-то тремъ-четыремъ человѣкамъ, шедшимъ рядомъ.

— ... Ну, что ты думаешь, братецъ ты мой! Спасибо, Митька Зубокъ отбилъ, совсѣмъ было сердечнаго сцапали. Въ сумлѣніе, говоритъ, народъ вводишь. Какое тутъ сумлѣніе? Самовидецъ я, говоритъ: вонъ этими самыми, чай, глядѣлъ: онъ трубку эту въ родникъ, и черпаетъ, да черпаетъ. Чего жъ тутъ еще? Сумлѣніе!..

Подойдя къ губернаторскому дому, люди остановились и, молча, ждали. Останавливались также и прохожіе, и толпа росла, не смотря на усилія полицейскихъ.

Въ это время къ губернаторскому дому подъѣхалъ экипажъ, весьма странной формы.

На четырехколесномъ ходу уставленъ былъ черный просторный ящикъ, дверца котораго открывалась къ заднимъ колесамъ. Сверху покрытый черной клеенкой или каленкоромъ, ящикъ покачивался на мягкихъ, упругихъ дрожинахъ. На козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, сидѣлъ человѣкъ—тоже весь темный, въ короткой, ремнемъ подпоясанной блузѣ. Подъѣхавъ, онъ соскочилъ съ козелъ.

Толпа боязливо сторонилась отъ чернаго экипажа и сопровождавшаго его чернаго человѣка въ блузѣ.

— Вашему превосходительству угодно было ви-

Digitized by Google

дѣть, какъ устроены холерныя телѣги,—докладывалъ вышедшій на улицу полиціймейстеръ.

Легкій майскій вѣтерокъ шевелилъ гардину. Густая листва высокихъ тополей, посаженныхъ вдоль улицы, нѣсколько закрывала стоявшую передъ окнами холерную телѣгу. Губернаторъ высунулся въ окно.

— Да, да, конечно... да,—разсѣянно бормоталъ онъ въ то время, когда полиціймейстеръ демонстрировалъ экипажъ, открывая дверцы и покачивая его на дрожинахъ, а подъ окномъ, вытянувшись, стоялъ черный санитаръ.—Да, это будетъ удобно...

Толпа просителей ушла отъ губернатора неудовлетворенной, не смотря на успокоительныя слова, съ которыми онъ обратился къ ней. Слова его эти люди, повидимому, поняли по своему. По крайней мѣрѣ, когда онъ заявилъ, что—«все возможное будетъ сдѣлано», изъ толпы выдѣлился тотъ самый высокій старикъ, который такъ горячился и, къ удивленію губернатора, очень сильно запротестовалъ противъ этого «возможнаго».

— Никакъ этого сдѣлать невозможно, ваше пріосходительство, никакъ невозможно! Куда жъ тогда податься? Прямо—помирай!

А бабы, ничего не слушая, голосили: «будьте отцы родные!..»

Толпа, увеличенная посторонними зѣваками, недовольная, направилась внизъ къ берегу, про-

Digitized by Google

должая горячиться и протестовать противъ принятыхъ мѣръ. Пройдя квартала три, она привлечена была шумомъ, раздававшимся изъ проулка. Кричала баба:

— Говорю жъ тебѣ, ваше благородіе, племянницу усваталъ!.. Какая болѣзнь! О, Господи, что это такое? Савельичъ, а Савельичъ, окаянный ты чортъ, да иди-же!..

Савельевичъ не слышалъ тормошившей его старухи. Лежа пластомъ на троттуарѣ, онъ издавалъ неопредѣленные звуки. Санитаръ и двое городовыхъ стояли надъ нимъ. Толчки вызвали въ пьяномъ Савельичѣ икоту и когда баба, сдѣлавъ отчаянное усиліе, наконецъ, подняла и посадила его, пьянаго стало рвать.

Санитаръ тотчасъ же принялся за него и, при помощи городовыхъ, сталъ тащить въ стоявшую рядомъ холерную телѣгу.

Баба, уцѣпившись за мужа, вопила на всю улицу.

Городовой урезонивалъ ее.

— Оно, можетъ, и хмѣль; а болѣзнь сама собой. Ты, старуха, не препятствуй, потому приказано: какъ то есть рвота...

Толпа стояла молча, не двигаясь съ мѣста. Въ это время на противоположномъ троттуарѣ показался средняго роста широкоплечій человѣкъ, лѣтъ около тридцати, одѣтый въ довольно чистую пиджачную пару, въ фуражкѣ на бекрень. Онъ стоялъ

Digitized by Google

на троттуарѣ, курилъ папироску и, улыбаясь, глядѣлъ на городовыхъ, которымъ не удавалось справиться съ бабой.

— Митька Зубокъ! во—Зубокъ!—послышалось въ толпѣ, когда этотъ человѣкъ, сойдя съ троттуара, медленно подошелъ къ городовымъ.

— Ну, что вы въ самомъ дѣлѣ тащите его? Развѣ не видите: пьяный человѣкъ! — улыбаясь, обратился онъ къ санитару.

Баба пуще завопила и еще сильнѣе уцѣпилась за мужа.

Городовой ужъ началъ было:—никакъ невозможно, потому, какъ то есть рвота...—но, взглянувъ въ лицо подошедшему человѣку, вдругъ освирѣпѣлъ:

— А-а-а! ты опять? Не твоихъ тутъ дѣловъ занятіе вмѣшиваться! — грозно закричалъ онъ и еще энергичнѣе сталъ тащить старика къ холерной телѣгѣ.

— Ну, ну, ну, Карчагинъ: зачѣмъ напрасно тревожить себя! — успокоительнымъ тономъ обратился къ нему Зубокъ и, взявъ его за руку повыше локтя, какъ ребенка, отвелъ отъ пьянаго. Городовой съ озлобленіемъ рванулъ было руку, но Зубокъ держалъ его, какъ въ желѣзныхъ клещахъ.

На счастье самъ пьяный Савельичъ открылъ глаза и, безсмысленно улыбаясь, уставился на санитара.

— Оставь! и правда, можетъ, напрасно: ишь,

Digitized by Google

однимъ винищемъ! — совѣтовалъ второй городовой, обращаясь къ санитару.

Пьянаго взвалили на извозчика, и обрадованная баба увезла его.

— Что?! незадача?! осѣкся! И-и! душегубы! — съ злобнымъ визгомъ и потрясая кулаками, кричалъ изъ толпы вслѣдъ удалявшемуся санитару маленькій чахоточный человѣкъ, въ изодранной ситцевой рубашкѣ.

— А-а! Митрію Ивановичу — наше вамъ! — расшаркивался передъ Зубкомъ молодой парень лѣтъ двадцати, кланяясь и размахивая дырявымъ картузомъ.

— Митя — душа! — кричалъ, кидаясь къ нему въ объятія и силясь его расцѣловать, другой рослый парень, съ виду булочникъ или мельничный рабочій: вся его рубашка, лицо и картузъ бѣлѣли мукой. — Душа, молодецъ!

Зубокъ спокойно отстранилъ его: — Ну, что такъ обрадовался, дура!

По всему видно было, что Митька Зубокъ въ этой толпѣ — свой человѣкъ.

Изъ-за угла выѣхала парная коляска. Подъѣзжая къ толпѣ, кучеръ, покрикивая: сторонись! сдерживалъ лошадей. Толпа, медленно разступаясь, давала дорогу. Въ коляскѣ сидѣлъ князь Александръ Владиславовичъ; рядомъ съ нимъ — Леночка.

— Митя, Митя! Папа, вотъ Митя! — вскрикнула дѣвочка.

Digitized by Google

Князь остановилъ кучера. Зубокъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ экипажа.

Лицо князя болѣзненно передернуло.

— Митя! ахъ Митя! Опять здѣсь!—обратился онъ къ Митѣ,—опять въ средѣ этихъ...

Князь не находилъ выраженія.

Зубокъ неловко переступалъ съ ноги на ногу и глядѣлъ въ сторону.

— Право, гораздо бы лучше тебѣ быть дома, чѣмъ въ толпѣ этихъ... — Князь опять не подобралъ названія.

— А я-то что такое?—все глядя въ сторону, ворчалъ Зубокъ.—*Все единственно.*

— Ахъ, Митя, Митя! «Все единственно»,— прошепталъ князь, грустно покачавъ головою.

— Митя! а Ариша все плакала,—умоляющимъ голосомъ заговорила Леночка. Ей повидимому казалось, что она привела самый сильный аргументъ.—Митя! у тебя, смотри, все испачкано. Вотъ бѣлое.

И Леночка уже держала въ рукахъ свой платочекъ и тянулась къ Митѣ.

Митя взглянулъ на бѣлыя пятна, оставшіяся на пиджакѣ отъ объятій мучника и перевелъ глаза на Леночку. Что-то необыкновенно мягкое и ласковое блеснуло вдругъ въ его темныхъ глубоко сидящихъ глазахъ. Онъ повернулся отъ коляски и пошелъ къ троттуару.

Digitized by Google

Лошади тронулись. Леночка еще нѣсколько разъ озабоченно оглядывалась назадъ на Митю.

Когда онъ сталъ пробираться сквозь толпу, ему, молча, давали дорогу. Барская коляска, дружелюбное «Митя», съ которымъ обратились къ нему сидѣвшіе въ колескѣ баринъ и барышня, произвели на толпу впечатлѣніе: удивлялись, недоумѣвали. Митю разсматривали съ любопытствомъ, точно въ первый разъ его видѣли; разсматривали и въ то же время сторонились. Даже испачканный въ мукѣ парень, за минуту передъ тѣмъ кидавшійся къ нему въ объятія, угрюмо подался назадъ, когда Митя проходилъ мимо. Когда же одинъ мальчишка, въ неимовѣрно засаленомъ суконномъ сюртукѣ—на видъ трактирный подносчикъ—кривляясь ему въ спину, залепеталъ: — парле франсе, банжуръ, фрикасе — въ толпѣ послышалось хихиканье.

— А ты думалъ какъ? Шапку ломай, да дорогу давай!—подмигивая въ сторону Мити, иронизировалъ толстый, длиннолицый мѣщанинъ.

Митя подходилъ уже къ троттуару, когда на него навалился огромный, саженнаго роста, дѣтина. Совершенно изорванная рубаха держалась на какихъ-то ниткахъ; сквозь развалившіяся опорки виднѣлись пальцы громадныхъ ногъ. На затылкѣ—поярковая шляпа, какія носятъ верховые судорабочіе.

— А ты отвѣтствуй!.. Ты такъ?.. Врешь!..

Digitized by Google

Митя, отстранивъ его, ступилъ на троттуаръ. Но дѣтина не унимался. Покачиваясь на нетрезвыхъ ногахъ, онъ двинулся къ Митѣ:—у-у! вша!— и взмахомъ руки сшибъ съ головы его фуражку.

Митя на лету подхватилъ фуражку и на-отмашь двинулъ уже насѣвшаго на него парня. Этотъ отлетѣлъ и всею тя[illegible]гью своего огромнаго тѣла рухнулся на мостовую.

— У-у! у-гу! о-о-го-го-го!—раздалось со всѣхъ сторонъ въ толпѣ.

— А ты-бъ полегче падалъ, паря! Мостовую расшибешь!..

— Зубы-то, зубы подбери! За свиной клыкъ деньги платятъ!..

— И тушѣ тожъ не пропадать! Падаль нонѣ въ цѣнѣ, братцы!..

Митя, не оглядываясь, медленно удалялся по троттуару.

VI.

Членъ управы, казалось, былъ правъ. Какъ ни цѣлесообразны были мѣры противъ холеры, какъ ни энергично примѣнялись онѣ, но для настроенія населенія онѣ, какъ оказалось впослѣдствіи, были предприняты слишкомъ рановременно. Можетъ быть, было бы правильнѣе—дать народу сначала ознакомиться съ болѣзнью, почувствовать ея бичъ и затѣмъ уже придти къ нему на помощь.

Digitized by Google

Но стоять во всеоружіи и пассивно наблюдать, какъ эпидемія постепенно охватываетъ и душитъ населеніе, даже наиболѣе хладнокровнымъ казалось невозможнымъ, прямо преступнымъ. А между тѣмъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе выяснялось ненормальное настроеніе массы; каждый день то тутъ, то тамъ появлялись признаки, ясно указывавшіе, что масса гораздо больше страшится мѣръ, принятыхъ противъ холеры, чѣмъ самой холеры. Уже всѣ окрестныя селенія были охвачены эпидеміей, уже и въ самомъ городѣ она достаточно сильно свирѣпствовала, а межъ тѣмъ на глазахъ населенія ея смертоносные удары раздавались лишь изрѣдка. и вся ея ужасная работа сосредоточивалась преимущественно въ больницахъ и временно открытыхъ холерныхъ баракахъ Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда домашнимъ удавалось скрыть больнаго отъ бдительности санитаровъ, окружающіе убѣждались, что болѣзнь убиваетъ человѣка и безъ всякаго, такъ сказать, содѣйствія врача. Обыкновенно же, близкіе больному видѣли лишь первые приступы болѣзни: больныхъ немедленно забирали, увозили; они, за рѣдкими исключеніями, умирали уже въ больницахъ и поспѣшно, обыкновенно безъ вѣдома родныхъ, предавались землѣ.

Всякимъ толкамъ и подозрѣніямъ создавалась обильная пища. Каждый день рождались новыя легенды, и народъ съ жадностью прислушивался къ нимъ. Чѣмъ несообразнѣе и чудовищнѣе были

Digitized by Google

фантастическія измышленія, тѣмъ охотнѣе вѣрила имъ охваченная паникой суевѣрная толпа.

Одинъ плотникъ пришелъ вечеромъ съ работы и не засталъ дома ни жены, ни десятилѣтней дочери. Отъ сосѣдей на дворѣ онъ узналъ, что его Оленѣ что-то «попричиннилось животомъ и ее забралъ унтеръ-кварталъ», а дочка «урвалась» за матерью. Пятилѣтній сынъ только могъ рукой указать, куда повезли «маманьку». Плотникъ, конечно, кинулся разыскивать жену, хотя—недавно прибывшій деревенскій мужикъ—порядкомъ не зналъ, какъ и гдѣ ее искать. Ко всѣмъ полицейскимъ, ко всѣмъ встрѣчнымъ, почему либо казавшимся ему «начальниками», онъ приставалъ, кланялся, всѣхъ просилъ и умолялъ, причемъ для вящшаго убѣжденія совалъ имъ почтовую квитанцію объ отсылкѣ денегъ на паспортъ и полицейскую отсрочку, по которой проживалъ. Это обстоятельство ему представлялось на столько важнымъ, что онъ объ немъ говорилъ гораздо больше, чѣмъ о пропавшей своей бабѣ.

— Во, гляди, ваше благородіе: три сорокъ отдалъ! Не токмо что, и за брательника... Какъ есть въ аккуратѣ,—вопилъ онъ, кланяясь «начальнику» и держа передъ собою квитанцію и отсрочку.

— Безъ бабы чего! безъ бабы—крышка. Одно слово: аминь!

Одни «начальники» проходили мимо, не обращая на него вниманія; другіе, хотя и останавли-

Digitized by Google

вались, но не сразу понимали его. А толпа вокругъ него росла, двигалась за нимъ, на свой ладъ пересказывая и комментируя происшествіе и всячески помогая ему въ объясненіяхъ съ «начальниками».

Обѣгавъ такимъ образомъ чуть не весь городъ, онъ уже позднею ночью угодилъ въ часть, куда его забрали съ нѣсколькими, слишкомъ усердными помощниками его. Обезумѣвъ отъ горя, онъ въ части нагрубилъ, за что, конечно, тамъ «попридержали». Только на третій день вернулся онъ домой и узналъ, что дочь его прибѣгала и опять убѣжала куда-то. А объ Оленѣ—ни слуху, и слѣдъ простылъ.

Въ другомъ случаѣ больничные «катафальщики», сдавши два гроба на православномъ кладбищѣ, съ третьимъ покойникомъ, оказавшимся лютераниномъ, возвращались на нѣмецкое кладбище, лежавшее ближе къ городу.

Встрѣчные, конечно, интересовались узнать причину, по которой покойника везутъ не на кладбище, а обратно въ городъ. Веселый возница вздумалъ пошутить: «энти-то два остались въ гробахъ, какъ слѣдываетъ быть хорошимъ людямъ; а этому, видно, не охота: лѣзетъ вонъ, обратно, значитъ: пожить еще желательно».

Въ народѣ и безъ того носились слухи, что хоронятъ живыхъ. Шутка принята была гораздо серьезнѣе, чѣмъ желалъ этого шутникъ: народъ пожелалъ объясненій, сталъ напирать къ катафалку, требуя открыть гробъ и показать покойника. Катафаль-

Digitized by Google

щики струсили и ударили по лошадямъ. Разыгралась тяжелая, возмутительная сцена: похоронныя дроги катятъ на полныхъ рысяхъ; гробъ съ покойникомъ прыгаетъ и бьется, еле удерживаемый катафальщикомъ, а народъ несется за дрогами съ угрозами и проклятіями. Только благодаря ротѣ, которая производила ученіе за городомъ, удалось сдержать толпу.

Само собою разумѣется, что въ народѣ этотъ случай сильно подкрѣпилъ подозрѣнія и далъ матеріалъ для новыхъ легендъ. Нашлись такіе, которые якобы собственными глазами видѣли, какъ несчастный бился, подымалъ гробовую крышку и простиралъ руки, моля о помощи.

Были случаи, имѣвшіе и болѣе важныя послѣдствія. Къ городу примыкаетъ такъ называемая «Слободка», пріютившаяся у небольшой рѣченки Гуслихи. Жило въ Слободкѣ бѣднѣйшее населеніе города, наполовину изъ мѣщанъ-пахарей. И вода Гуслихи, и колодцы, вырытые по берегу рѣки, давно обращали на себя вниманіе санитарныхъ властей: всякія болѣзни тамъ, обыкновенно, появлялись раньше и держались дольше, чѣмъ въ другихъ частяхъ города, а дѣтскія, повидимому, свили себѣ тамъ постоянное гнѣздо.

Надвигавшаяся эпидемія усилила вниманіе къ этой окраинѣ и вызвала изслѣдованіе питьевой воды, какъ въ рѣчкѣ, такъ и въ колодцахъ. Слободчане смотрѣли, какъ «господа» пріѣзжали, черпали воду,

Digitized by Google

наливали въ стекляночки и трубочки, взбалтывали, разглядывали и затѣмъ уѣзжали, увозя и воду и стекляночки. Пока было благополучно, пріѣзды эти не вызывали никакихъ недоразумѣній. Но когда, вслѣдъ за холерой, возникли разные неблагопріятные слухи, эти занятія врачей показались слободчанамъ подозрительными: трубочки и стекляночки получили въ ихъ глазахъ весьма опасное значеніе: въ первый же пріѣздъ санитарнаго врача народъ къ рѣкѣ и колодцамъ его не допустилъ и, хотя безъ грубостей, но весьма внушительно потребовалъ, чтобы онъ удалился.

Возвратившись ни съ чѣмъ, санитарный врачъ вызвалъ насмѣшки, и къ вечеру того же дня ему вторично пришлось отправиться на Слободку, но уже въ сопровожденіи полицейскаго пристава и доктора Особеннаго, который вызвался «съ русскими людьми объясниться по-русски». Санитарный врачъ былъ нѣмецъ.

Объясненіе, дѣйствительно, произошло. Ученый докторъ, по послѣдней прочитанной брошюркѣ, поучалъ толпу о томъ, что такое *холерный ядъ*, какъ онъ вреденъ, какъ онъ развивается въ сырости, въ водѣ и проч. Толпа стояла молча, мрачно посматривая на доктора.

При словѣ: холерный ядъ—въ толпѣ прошелъ ропотъ, мелькнуло замѣтное движеніе. Но докторъ, увлеченный своимъ краснорѣчіемъ, этого не замѣтилъ и продолжалъ излагать ученіе о силѣ этого

Digitized by Google

холернаго яда, который «убиваетъ человѣка быстрѣе и рѣшительнѣе другихъ ядовъ». Ученый докторъ готовъ былъ уже перейти къ наблюденіямъ въ Испаніи и Италіи, но доѣхать ему туда не удалось. Изъ толпы выступилъ маленькій худенькій человѣкъ и, видимо, силясь сдержать озлобленіе, обратился къ нему:

— А ежели вы, *господинъ*, оченно хорошо это понимать можете, что касаемо этого яду, такъ ужъ вы, по вашей милости, и намъ, грѣшнымъ, откройте, потому неизвѣстны мы. А у каждаго тожъ ребятишки малыя, сироты...

А впереди стоявшій бѣлый, какъ лунь, старикъ, кланяясь и чуть не падая доктору въ ноги, дребезжащимъ голосомъ замолилъ:

— А ты откройся, откройся, отецъ! Господь видитъ, откройся, кормилецъ!

Озадаченный докторъ хотѣлъ было уже начать объясненіе, приставъ уже собирался грознымъ окрикомъ возстановлять порядокъ, какъ позади толпы раздался душу раздирающій вопль.

— Головушка-а бѣд-н-а-я! Си-ро-ти-нушка-и!— выла на всю Слободку баба. За ней мгновенно завыли и другія.

Толпа заколыхалась. Среди похороннаго воя бабъ и неистоваго галдѣнья мужчинъ слышались угрозы, ругательства и проклятія. Кончилось тѣмъ, что отъ «русскаго человѣка» впереди всѣхъ мчался на своемъ извощикѣ, блѣдный отъ страха, русскій

Digitized by Google

докторъ Особенный, забывъ даже захватить своего нѣмецкаго коллегу, котораго уже усадилъ на свою крайне узенькую пролетку приставъ.

И долго въ сумракѣ пасмурной, дождливой ночи двигались по Слободкѣ кучки народа и слышался безпокойный говоръ. А надъ самой рѣкой, въ камышахъ слонялся Микитка — полунагой, хромой маньякъ, оглашая воздухъ своимъ дикимъ хриплымъ голосомъ:—Упокой, Господи, упокой! Святые грѣшники! вѣчная память!.. Уже за полночь, когда народъ разбрелся по избамъ, на колокольнѣ небольшой деревянной церкви послышался слабый, протяжный звонъ. Пробрался-ли туда Микитка и скрылся потомъ съ свойственной психическимъ больнымъ своеобразной ловкостью, заколыхалъ-ли веревки колоколовъ сильно расходившійся вѣтеръ, — только слободчане вновь высыпали изъ своихъ избъ и въ страхѣ метались по улицамъ.

Передъ самымъ разсвѣтомъ на городскихъ каланчахъ подняли шары: съ Слободки показался дымъ пожара. Пока пожарная команда пріѣхала туда,— все было кончено: изба, въ которой жилъ фельдшеръ, сгорѣла до тла со всѣми медикаментами и инструментами, фельдшеру съ семьей еле удалось выскочить изъ огня.

Digitized by Google

VII.

Эти и подобные случаи обсуждались у княгини Софьи Никаноровны, куда члены благотворительнаго комитета собрались, чтобы окончательно обсудить вопросъ о чайныхъ для народа. На этотъ разъ общество было немногочисленно: холера уже успѣла всполохнуть жителей, и многія семьи бѣжали изъ города, тѣ же, которыхъ необходимость держала на мѣстѣ, въ страхѣ сидѣли, запершись, въ своихъ квартирахъ.

И настроеніе собравшихся было подавленное. Холера успѣла вырвать уже нѣсколько жертвъ изъ обезпеченной и интелигентной среды.

— И Брусковъ умеръ,—замѣтилъ кто-то.

Брусковъ былъ извѣстный земскій дѣятель, членъ губернской управы.

— А Василевскій? Помилуйте: третьяго дня сидѣлъ въ общемъ собраніи, веселый, беззаботный, здоровый, какъ всегда; а сегодня хоронили!—прибавилъ генералъ Сергѣй Сидорычъ.—Да, да, верхушки захватываетъ, по верхамъ начинаетъ гулять!— Лицо генерала за послѣднее время осунулось; онъ имѣлъ видъ обиженнаго человѣка.

— А быстрота какая! поразительная, неимовѣрная: три-четыре часа и—конецъ.

— Какое четыре часа!—воскликнулъ Ренчковскій. Съ двухмѣсячнымъ отпускомъ въ карманѣ, съ уложеннымъ чемоданомъ на квартирѣ, онъ имѣлъ

Digitized by Google

видъ гимназиста, отпущеннаго на каникулы, и очень игриво разсказалъ случай о купцѣ Слеткинѣ: — Только что собрался было проучить своего безпутнаго Алешку, уже и десницу родительскую простеръ, но не успѣлъ уцѣпить за волосы своего непокорнаго сына, какъ упалъ и—духъ вонъ. Алешка глазамъ своимъ не вѣрилъ, подойти боялся: «тятенька драться станутъ».

Разсказъ Ренчковскаго не произвелъ ожидаемаго впечатлѣнія.

— А онъ что-то очень веселъ, должно быть скоро удеретъ; пожалуй, завтра,—шепнула Копылину дѣвица Юлія Райская.

— Какое завтра! Увѣренъ,—сегодня-же съ ночнымъ поѣздомъ.

Князь, до котораго долетѣли слова Юліи, погрозился ей глазами: «а ты, пострѣлъ, не можешь, чтобы не ущипнуть!» Дѣвицу Юлію Райскую зналъ весь городъ. Ея высокая, сухощавая фигура, ея голубые, нѣсколько смѣлые, хотя и вѣчно смѣющіеся глаза знакомы были всѣмъ, отъ оборванныхъ уличныхъ мальчишекъ и голышей самыхъ отдаленныхъ трущобъ, до кавалеровъ, вальсировавшихъ на губернаторскихъ и предводительскихъ балахъ. Отецъ ея, отставной маіоръ, старый товарищъ князя по полку, давно управлялъ его имѣніями и теперь жилъ у него, въ Копьевкѣ. До двѣнадцати лѣтъ Юлія росла въ эскадронѣ, въ хохлацкомъ мѣстечкѣ, откуда на всю жизнь вынесла малороссійскій акцентъ.

Digitized by Google

Унаслѣдовавъ наружность и характеръ отца, въ молодости лихого гусара, и рано лишившись матери она маленькой дѣвочкой исправно и часто побѣдоносно дралась съ мальчиками и усвоила себѣ всѣ тонкости деревенскаго бокса. Перевезенная въ Россію, она сначала была отдана въ институтъ благородныхъ дѣвицъ; но удержалась тамъ недолго и въ шестнадцать лѣтъ уже жила на свободѣ въ деревнѣ, съ отцомъ и съ старшей сестрой вдовой.

Князя, стариннаго друга и пріятеля ея отца, она знала съ самаго своего дѣтства; цѣлыми мѣсяцами жила въ его семьѣ, говорила ему ты, звала: папой, папочкой, сильно его любила, но очень часто ссорилась съ нимъ. Князю нерѣдко привозили изъ деревни ея письма, адресованныя, смотря по ея настроенію, или: «милому, дорогому папочкѣ моему прелестному старичку Кейстутъ-Вилинскому, отъ его родной дочери, дѣвицы Юліи Райской», или «несносному, старому ворчуну, отъ дочери маіора и кавалера». Съ такими адресами она нерѣдко посылала письма и по почтѣ. Почтальоны знали, что эти адресы пишетъ Юлія Райская, не удивлялись и привыкли къ нимъ.

Никому не приходило въ голову обижаться на ея рѣзкія выходки, какъ никому не приходило въ голову ухаживать за ней. Одинъ нѣмчикъ, сынъ княжескаго лѣсничаго, увлекся было ея большими голубыми глазами, ея роскошной пепельной косой. Она его ласкала, сама называла своимъ женихомъ

Digitized by Google

и одинъ разъ расшкольничилась до того, что разряженная, въ лентахъ и въ вѣнкѣ прошла съ нимъ по всему селу, кланялась въ поясъ всѣмъ встрѣчнымъ, какъ это дѣлаютъ въ Малороссіи молодые наканунѣ свадьбы. Но когда обласканный нѣмчикъ вздумалъ не на шутку объясниться въ любви и просить ея руки, она ему въ глаза расхохоталась.

— А вы думали вправду? Да мы съ вами весь свѣтъ насмѣшимъ, Карлуша!

Карлуша обидѣлся и ушелъ: но черезъ недѣлю вернулся и опять принялся, по прежнему, ходить съ нею по ея больнымъ, голоднымъ и несчастнымъ. Она, по прежнему, называла его своимъ женихомъ.

— Никогда, никогда во вѣки не повѣрю я, чтобъ нельзя было убѣдить людей, разсказать и объяснить имъ. Вѣдь люди же не звѣри,—нервно жестикулируя, скороговоркой вскрикивала Юлія.

— Вы, дорогая моя, какъ хотите, вѣрьте, или нѣтъ, а фельдшера-то съ семьей, вѣдь, чуть живьемъ не сжарили,—говорилъ ей Сергѣй Сидорычъ.

— Мало-ли что! послали этого болтуна. Воображаю, что онъ имъ тамъ наговорилъ. Отъ его болтовни безъ холеры стошнитъ.

— Объяснилъ, какъ умѣлъ.

— А они поняли, какъ умѣли.

— Пусть понимаютъ, какъ хотятъ; а жечь и убивать все же нельзя, дорогая моя.

— Вѣдь имъ-то казалось, что они жизнь свою

Digitized by Google

спасаютъ. Поймите вы, ради Бога! Вѣдь они увѣрены, что въ этихъ стекляночкахъ ихъ смерть!— азартно доказывала Юлія.—Хотѣла бы я видѣть, ваше превосходительство, какъ вы бы приняли меня, если бы видѣли, что я иду на васъ съ ножомъ. Навѣрно, за три версты изъ пушки стрѣляли бы.

— О, моя дорогая, вы на меня съ ножемъ никогда не пойдете.

— Да, потому что вы знаете, что я въ васъ влюблена,—школьничала Юлія.—Кто ихъ любитъ и имъ добра желаетъ, тому и они вѣрятъ,—прибавила она послѣ нѣкотораго молчанія.

— Какъ же прикажете имъ втолковать и чѣмъ втолковать, что все это ради ихъ же пользы дѣлается?—вмѣшался Ренчковскій.

— Этого ужъ я не знаю. А по моему, если вы взялись за это, такъ ваше дѣло и знать, какъ это слѣдуетъ сдѣлать. Вы все хотите, чтобы они васъ понимали: а ихъ-то вы понимать не хотите и даже считаете лишнимъ. А вотъ вы поймите ихъ, какъ они сами себя понимаютъ, тогда, можетъ быть, и выйдетъ лучше.

— Понять ихъ, какъ они сами себя понимаютъ!.. Что же, назадъ въ звѣриную шкуру прикажете мнѣ влѣзть? Слуга, покорный!—иронизировалъ Ренчковскій.

На лицѣ Юліи мелькнуло особенное, ей свойственное выраженіе. Она быстро вскинула глаза на Ренчковскаго: въ нихъ свѣтилась и презритель-

Digitized by Google

ная насмѣшка, и веселая, чисто боевая удаль. Князь зналъ это ея выраженіе лица, зналъ, что въ такія минуты «шальная Юлька» способна на самую рѣзкую выходку. И онъ глазами остановилъ ее.

— У васъ въ Копьевкѣ Николай Андреевичъ, слышалъ я, успѣлъ, кажется, убѣдить крестьянъ не пить рѣчной воды?—спросилъ Ройеръ, сидѣвшій съ однимъ изъ «сиротскихъ секретарей» въ сторонѣ за счетами и книгами благотворительнаго комитета.

— Какимъ же масломъ умаслилъ ихъ вашъ батюшка?—язвительно обратился къ ней Ренчковскій.

— Умасливать и, вообще, нѣжничать мой отецъ не охотникъ. А вотъ на прошлой недѣлѣ нагайкой онъ одного убѣждалъ, такъ это я видѣла.

— Какъ такъ? за что это?—спросилъ князь.

— Папа запретилъ имъ рѣчную воду пить, вырылъ два новыхъ колодца и старый оправилъ. А чтобы не лазали туда грязными ведрами, особенно тѣ, которые пріѣзжаютъ изъ холерныхъ деревень, онъ сверху закрылъ ихъ досками и поставилъ насосы. Лѣнь имъ насосами... и насосы, правда, плохіе: они и срываютъ верхнія доски. Ѣдемъ мы съ папой по плотинѣ, папа верхомъ. Опять доски сорваны, и мужичекъ черпаетъ ведромъ изъ колодца. Папа озлился и—ну его нагайкой!..

— Ну, что жъ?

— Что? Ничего! Мужичекъ оретъ: «не я, Миколай Андреичъ!», а другіе стоятъ у сельскаго правленія, хохочутъ: «тебѣ бы, Митричъ, водицы

Digitized by Google

холодненькой испить; послѣ баньки оно хорошо». Ихъ же папа заставилъ выкачать всю воду изъ колодца и опять на глухо забить досками. Поставилъ караулить полѣсовщика Махметку. Теперь хорошій насосъ поставилъ; конечно, не станутъ срывать досокъ.

— И воду кипятить—тоже нагайкой?—спросилъ опять Ренчковскій.

— Нѣтъ, это было потруднѣе. Главное, бабы запротестовали «гдѣ намъ, батюшка! да какъ намъ, батюшка!» А мужики стоятъ, молчатъ. Какъ ни убѣждалъ ихъ папа, ничего, молчатъ.—Ну, не хотите, такъ околѣвайте, хоть всѣ до одного околѣйте,—мнѣ что!—закричалъ на нихъ папа.—Только смотри, и близко ко двору никто не подходи: я отъ васъ этой заразы не желаю и колѣть съ вами мнѣ неохота; у меня—внучата. Вы что-ли, черти, кормить станете послѣ? Хоть бы и захотѣли, сами съ голоду пухнете.—И впрямь пухнемъ, Миколай Андреичъ. Когда не пухнуть!..

Юлія старалась изобразить мужиковъ въ лицахъ, что однако, при ея малорусскомъ акцентѣ, ей не удавалось.

— Конечно, больше всего подѣйствовалъ чай да сахаръ,—продолжала Юлія.—Папа гдѣ-то разыскалъ чай въ восемьдесятъ копѣекъ фунтъ. Купилъ чуть не пятьдесятъ фунтовъ. Мы его два дня развѣшивали. Роздалъ бабамъ по осьмушкѣ чаю, по фунту сахару. Ну-съ сахаркомъ-то они чуть не ведра цѣлыя его варятъ и услаждаются.

Digitized by Google

VIII.

Солнце садилось. Въ открытыя балконныя двери и окна вѣяло легкой прохладой майскаго вечера. Пахло сиренью и черемухой.

Выйдя въ цвѣтникъ, гдѣ на скамеечкахъ сидѣли нѣкоторые члены благотворительнаго комитета, Юлія разслышала вдали звонкій голосокъ Леночки.

Въ густой чащѣ березъ и клена Леночка стояла у маленькаго навѣса, около котораго возился мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Навѣсъ на четырехъ жердяхъ былъ, какъ казалось, оконченъ; внутри его было устроено что-то вродѣ маленькаго диванчика, и мальчикъ прилаживалъ доску къ четыремъ столбикамъ, вбитымъ въ землю.

— Сюда къ столику ты ужъ принеси свои кресла, эти красныя. Я кресла дѣлать не умѣю,—говорилъ мальчикъ, кряхтя надъ неподатливой доской, не ложившейся ровно къ столбикамъ.

— Да, да, Вася! А на диванѣ будетъ сидѣть Рита; она большая, больше всѣхъ моихъ куколъ. А знаешь что? я и кроватку желѣзную Ритину сюда поставлю.

— Ну, зачѣмъ кроватку? Вѣдь это не спальня, это—гостинная.

— Ахъ да, Вася, да, я забыла... Смотри, Юля, какая у насъ бесѣдка! У насъ—гостинная!—Леночка въ припрыжку бѣжала на встрѣчу Юліи, которая приближалась къ аллеѣ.

Digitized by Google

— Что это—латинская грамматика у тебя, Леночка?—спросила Юлія, беря изъ рукъ дѣвочки книгу.

— Васина. Онъ училъ; у него—экзаменъ.

— Вотъ видишь: у него экзаменъ, ему нужно учиться, а ты его заставляешь здѣсь бесѣдку дѣлать.

Дѣвочка раскрыла глаза, озадаченная неожиданною мыслью.

— Ахъ, да, Юля; у него экзаменъ; я забыла.—А мы тутъ все время бесѣдку дѣлали... Вася, Вася! не надо бесѣдку, ты учи, у тебя экзаменъ.

— Не выдержишь, достанется отъ отца,—добавила Юлія. Вася, какъ будто не слыша, продолжалъ прибивать гвоздемъ доску.

— Право, оставь лучше, Вася. Отецъ вѣдь накажетъ, если обрѣжешься,—уговаривала Юлія.

— Ну! накажетъ! Ничего не накажетъ.

— А какъ же! А помнишь, какъ ты не зналъ pulvis, cinis и absolutus, и тебя оставили безъ обѣда?—возразила Леночка.—Митя тебя больно наказалъ, ты самъ говорилъ.—Леночка совала Васѣ латинскую грамматику.

— Онъ все равно дерется, когда вздумаетъ,—быстро проговорилъ Вася, вставая на ноги и вытирая рукою потъ, струившійся по его лицу отъ усиленной работы.—Вотъ сегодня чуть было не побилъ больно маму.

Мальчикъ былъ вылитый Митька Зубокъ въ

Digitized by Google

миніатюрѣ: та же коренастая широкая фигура, то же смѣлое, почти дерзкое выраженіе широкаго, но красиваго лица и тѣ же глубоко сидящіе глаза.

— Ну, а ты все же оставь бесѣдку и учи грамматику! — нѣсколько повелительно сказала Юлія, уводя Леночку.

Дѣвочка пошла за Юліей, но затѣмъ вернулась, нагнала Васю и, вынувъ изъ своего мѣшечка апельсинъ и нѣсколько шоколадинъ, положила ихъ на грамматику, въ которую уже успѣлъ воткнуться юный классикъ.

— Юля! а папа говоритъ,—мы скоро поѣдемъ въ Копьевку. Скоро? Я люблю, когда мы въ Копьевкѣ.

— Не знаю, Леночка. У папы еще есть здѣсь, кажется, дѣла. Чѣмъ здѣсь худо? Развѣ въ Копьевкѣ лучше?

— Лучше.

— Почему же? Или ты соскучилась за Дунькой Марихиной? Такъ ея нѣтъ уже въ Копьевкѣ, ее увезли въ Осиновку.

— Зачѣмъ, Юля?

— Ея мама, Мариха, умерла зимой, ее и увезли къ бабушкѣ въ Осиновку.

Леночка широко раскрыла глаза и испуганно глядѣла на Юлію.

— А кто жъ теперь будетъ Дунькиной мамой?— растерянно спросила она.

Леночка очень хорошо знала, что другой мамы

Digitized by Google

у Дуньки Марихиной быть не можетъ; но въ то же время не понимала, какъ это у Дуньки не будетъ мамы. Жизнь безъ мамы вообще не вмѣщалась въ головѣ у Леночки. Она видѣла въ Копьевкѣ много бабъ, которыя работали въ саду; видѣла при нихъ дѣтей; знала ихъ поименно; знала, кто чья мама; знала, что на деревнѣ есть и папа. Мариху, молодую, работящую бабу, потерявшую въ голодный годъ мужа, она встрѣчала чаще другихъ, съ ея восьмилѣтней Донькой, бѣлоголовой, миловидной дѣвочкой. Этой Донькѣ Леночка чаще, чѣмъ другимъ, носила лакомства, чаще, чѣмъ другимъ, дарила свои старыя игрушки и послѣднее лѣто даже читала ей сказочки. Она, со словъ своей няни Клавдіи, знала, что у Дуньки нѣтъ игрушекъ, что ея мама—бѣдная и не можетъ ихъ купить, какъ не покупаетъ конфектовъ. Но во всемъ остальномъ она не отличала жизни Дуньки отъ своей собственной. Ей казалось, что, уходя съ своими мамами вечеромъ на деревню, Донька и другія дѣти, какъ и она, ложатся спать, какъ и она, прощаются съ своими папами и мамами, какъ она, получаютъ отъ нихъ благословеніе и въ свою очередь, какъ и она, крестятъ и цѣлуютъ своихъ «паповъ и мамовъ», какъ она выражалась языкомъ своей няни Клавдіи. Ей казалось, что и всѣ эти дѣти передъ сномъ молятся на колѣняхъ за своихъ «паповъ и мамовъ», какъ молится она за родителей, за брата, за сестру, за няню, за всѣхъ.

Digitized by Google

До ушей ея часто долетали разговоры поденныхъ бабъ и дворовыхъ; изъ нихъ она узнавала, что тамъ, на деревнѣ, такая-то Ѳедосья умерла, такой-то Миронъ утонулъ въ зажорѣ или убился на мельницѣ, и въ ея головкѣ возникали представленія объ ихъ дѣтяхъ «безъ паповъ и безъ мамовъ».

Маленькое сердечко ея сжималось, но головка не давала никакихъ отвѣтовъ и не разъясняла тревожныхъ недоумѣній. Она иногда обращалась къ работавшимъ въ саду бабамъ съ неожиданнымъ вопросомъ:

— А какъ же безъ паповъ и мамовъ? — и получала ничего не объяснявшій ей отвѣтъ:

— А такъ же, барышня! Гдѣ жъ ихъ взять, коли померли?

— Да какъ же?—продолжала она спрашивать съ возрастающей тревогой и съ щемящей жалостью въ маленькой груди.

— Да такъ же, милая барышня! Чего подѣлаешь, когда нѣтъ.

И она, хотя не видала этихъ дѣтей, которыя остались безъ паповъ и безъ мамовъ, но знала ихъ заочно, знала ихъ имена. Всѣ эти Акульки, Апроськи, Васянки врѣзывались ей въ память. Она особенно чутко схватывала такіе факты и часто удивляла отца и мать своими свѣдѣніями о томъ, когда умерла Акулькина мама, когда утонулъ Васянкинъ папа. И этимъ дѣтямъ она посылала на деревню свои игрушки, лакомства и всѣми силами своей

Digitized by Google

дѣтской головки старалась проникнуть въ непонятное и, какъ ей казалось, невозможное существованіе ихъ безъ паповъ и мамовъ.

Часто, лежа въ кроваткѣ и пересиливая сонъ въ ожиданіи, когда папа и мама придутъ еще разъ перекрестить ее въ самой постелькѣ, она думала объ этихъ дѣтяхъ. Передъ нею носились незнакомыя ей лица Апросекъ и Акулекъ, которыя тоже лежатъ въ кроваткахъ, а паповъ и мамовъ нѣтъ, чтобы придти и ихъ перекрестить. И она, къ удивленію и досадѣ своей няни Клавдіи, внезапно, какъ бы обращаясь къ самой себѣ, спрашивала:

— А какъ же Афроська?..

Какъ у всѣхъ дѣтей, выростающихъ въ атмосферѣ ласки и любви, въ ней развивались добрыя чувства, преобладали свѣтлые порывы чистой младенческой души. Какъ у всѣхъ дѣтей, живущихъ среди взрослыхъ, у нея въ головѣ рано зарождались туманныя представленія и рѣяли неясныя мысли, незнакомыя другимъ дѣтямъ ея возраста. Семилѣтнимъ ребенкомъ она въ деревнѣ почти каждый день слышала объ ужасахъ голода, о тифѣ, о цынгѣ и проч., и не столько изъ смысла слышанныхъ ею словъ, сколько по настроенію говорившихъ, по ихъ отношенію къ этимъ явленіямъ, въ ней въ первые зародилось представленіе о какомъ-то, гдѣ-то живущемъ, ей незнакомомъ горѣ, о невѣдомыхъ ей мукахъ и страданіяхъ, гдѣ-то, почему-то терзающихъ то Павла Сафронова, то Антона

Digitized by Google

Миронова, то Васянькинаго папу, то Акулькину маму. И чувство жалости къ людямъ рано стало развиваться въ ней. Она живо схватывала и прочно задерживала въ своей дѣтской, памятливой головкѣ слова: тифъ, цынга, точно такъ же какъ и crinis, cinis, absolutus. Она знала, что одни отнимаютъ у Акульки папу, а другіе — причиняютъ горе Васѣ: его за нихъ бьетъ Митя, и Вася плачетъ. Слова эти ей представлялись реальными предметами, почти живыми существами. Absolutus ей почему-то представлялся въ видѣ бѣлаго кованаго ящика, котораго Вася никакъ не могъ донести. Она въ деревнѣ на постройкѣ видѣла, какъ такой же, какъ Вася, маленькій мальчикъ силился нести на плечахъ такой ящикъ съ гвоздями и не осилилъ: ящикъ упалъ, разбился, гвозди разсыпались, а мальчику остріемъ оторвавшейся желѣзной оковки прорѣзало плечо. Стоявшій тутъ же мужикъ («чужой папа», думала Леночка) хлестнулъ мальчика по плечу, и мальчикъ плакалъ, тоже, какъ Вася. Слыша крики Васи изъ подъ отцовской розги, Леночка испытывала непреодолимое влеченіе—куда-то бѣжать и откуда-то принести такой же ящикъ, своими руками и на своихъ плечахъ, хотя бы при этомъ и порѣзаться, какъ тотъ мальчикъ,—лишь бы Васю не били, и онъ бы не плакалъ. Ей не страшно было порѣзаться: она уже своей мотыжкой просѣкла себѣ какъ-то разъ ногу до крови; кровь тоже текла, но— «не было больно; мама арникой примочила».

Digitized by Google

Сверстниковъ для настоящихъ дѣтскихъ игръ у Леночки не было. Англичанка ея была слишкомъ пожилая и слишкомъ спокойная женщина. Ея братъ и сестра тоже были взрослые люди и притомъ не жили съ ней. Княгиня послѣ второго ребенка, дочери Ольги, заболѣла, долго лѣчилась у спеціалистовъ и болѣе двѣнадцати лѣтъ не имѣла дѣтей. Леночкѣ было всего пять лѣтъ, когда сестра ея вышла замужъ за барона, флигель-адъютанта, пріѣхавшаго въ провинцію по призыву новобранцевъ и въ три мѣсяца успѣвшаго влюбить въ себя и молоденькую Ольгу, и ея родителей. Старшаго брата, Сашу, Леночка почти совсѣмъ не знала. Она, какъ сквозь сонъ, помнила его пажомъ и потомъ нѣсколько разъ видѣла стройнаго, красиваго гвардейца, въ блестящей каскѣ съ орломъ. И эта блестящая каска врѣзалась въ ея память гораздо больше, чѣмъ лицо и фигура брата.

При такихъ условіяхъ росла Леночка, росла нервами, росла головой, тянулась костью; но, не смотря на свѣжій цвѣтъ лица — наслѣдіе матери, въ ея худенькомъ, легонькомъ тѣльцѣ было мало силъ, мало прочности...

— Кто же будетъ ея мама?—повторила Леночка свой вопросъ.

Юлія хотѣла было отвѣтить: «никто»; но, взглянувъ на встревоженное личико дѣвочки, воздержалась.

— Будь ты, Юля, мама Дуньки Марихи! По-

Digitized by Google

проси Боженьку, чтобъ тебѣ ангелъ ночью принесъ Дуньку въ кроватку.—Глазки Леночки на мигъ заблестѣли; Леночкѣ показалось, что она нашла рѣшеніе тяготившаго ее вопроса. Но, спустя минуту, она безнадежно покачала головкой.

— А только нельзя, Юля: ангелы приносятъ только маленькихъ бэби,—большихъ не носятъ.

Юлія, молча, цѣловала головку Леночки и гладила ея мягкіе, шелковистые волосы.

IX.

Солнце сѣло, весенній день догоралъ въ мягкихъ очертаніяхъ облаковъ, застилавшихъ послѣдній отблескъ заката. Тихій вѣтерокъ колыхалъ верхушки деревьевъ. Гдѣ-то далеко, внизу, въ зарослякъ тальника щелкнулъ соловей; сначала слабо и коротко, какъ бы будя и призывая еще дремлющаго сосѣда, потомъ, услышавъ откликъ, все чаще и сильнѣе, все рѣзче и громче... И ясные, звонкіе переливы, упругія отчетливыя трели понеслись съ разныхъ концовъ сада и, точно блестя и извиваясь, пронизывали воздухъ и лились въ замолкающую даль наступающей ночи.

Природа медленно засыпала, струясь и дыша ароматомъ весенней жизни. «Въ небесахъ торжественно и чудно», мирно и спокойно. Въ нихъ все, казалось, дышало правдой и истиной, любовью и справедливостью. А въ то же время внизу темная,

Digitized by Google

безпощадная сила сокрушала человѣческую жизнь, разметая въ прахъ именно то, что всего дороже человѣку, безъ чего онъ не понимаетъ, даже не мыслитъ ни правды, ни истины, ни любви, ни справедливости. Вѣковѣчныя противорѣчія, вѣковѣчные диссонансы!.. *Наши* противорѣчія, *наши* диссонансы...

Юлія съ Леночкой приближались къ дому. Обнявши дѣвочку и изрѣдка пожимая ея руку, Юлія медленно шла по широкой аллеѣ. Ея обыкновенно веселое и даже нѣсколько задорное лицо казалось грустнымъ и задумчивымъ. И Леночка смотрѣла невесело, не по дѣтски: она вскидывала свои глазки на Юлію, какъ бы все еще ожидая отвѣта на свои вопросы, на свои тревожныя недоумѣнія по поводу «Дунькиной мамы». Она ждала отвѣта отъ Юліи, а межъ тѣмъ—кто это могъ знать?—въ эту минуту она сама была ближе, чѣмъ Юлія, къ этому отвѣту; она сама стояла уже на рубежѣ, за которымъ, быть можетъ, ясны всѣ отвѣты, всѣ отвѣты на всѣ вопросы. за которымъ, быть можетъ, полное пониманіе, полное разумѣніе...

X.

«И ви... и видѣвши е... го такія пламе... пламенныя чувства благо... род... благороднаго милорда, на ко... лѣнкахъ сто... стоявши передъ нею, маркграфиня при... бли... приблизилась своею лич-

Digitized by Google

но... личностью къ нему, мя... мягкимъ голо... голосомъ вос... воскли... восклицаетъ...»

— А ты чти, Федя, чти, миленькій!—заискивающимъ голосомъ подбадривала маленькаго чтеца черная кухарка Авдотья, сидѣвшая, подпершись рукою, на концѣ стола и съ умиленіемъ слушавшая, чуть-ли не въ пятый разъ, трогательную исторію о самоотверженной любви аглицкаго милорда къ нассаусской маркграфинѣ. За свое необычайное увлеченіе этой исторіей, которая успѣла надоѣсть всей княжеской дворнѣ, сама Авдотья была прозвана маркграфиней.

Девятилѣтній Федя, сынъ конюха Вавилы, ученикъ одной изъ городскихъ школъ и чуть-ли не единственный грамотный человѣкъ въ людской, безпокойно задвигался на лавкѣ и, повернувъ голову, засмотрѣлся въ окно. Авдотья подошла къ печкѣ, пошарила въ ней и, повернувшись, положила передъ Федей красноватую, смазанную медомъ лепешку и посыпанную сахаромъ птичку, съ почерненнымъ клювомъ, съ двумя черными изюминами, изображавшими глаза. И жирной рукой она стала гладить Федю по бѣлокурой головѣ.

Федя, косясь на птичку, вновь принялся за маркграфиню.

Отмахиваясь сердито отъ мухъ, онъ продолжалъ на распѣвъ: «Какъ вы благо... родный милордъ съ тако... съ такою примѣ... примѣрною де... ли... к... катностью въ преда... предан-

Digitized by Google

ности... пламе... пламенныхъ чувствъ...» Вошелъ конюхъ Гришка, молодой черноволосый парень въ босовикахъ, въ загрязненномъ полотняномъ передникѣ поверхъ ситцевой рубашки. Рубашка эта и широкіе плисовые панталоны были сильно изодраны. По измятой физіономіи, по соринкамъ сѣна на всемъ его платьѣ и въ волосахъ видно было, что Гришка только что проснулся на сѣновалѣ.

— А ты, маркграфиня, все проклажаешься. Нѣтъ, чтобы обѣдать собрать.

— Что рано?

— Чего рано! Не видишь, гдѣ солнышко-то? Ну-у-у!—и Гришка широкой пятерней закрылъ страницу подъ самымъ носомъ Феди.

— Оставь! — вскрикнула Авдотья и стала бережно складывать разрозненныя страницы своей любимой книги. — Ишь, проголодался, всю ночь-то прошлявшись!

— А тебѣ какая забота?—прошлявшись!

— Такая забота, что вотъ возьму да скажу Антонычу, чтобъ князю доложилъ.

— Какая начальница сыскалась!

— А вотъ увидишь, какая начальница. Просто срамъ! Савишна, Господи благослови, ужъ коровъ подоила, а они только ввалились на дворъ, оборванные да черные, точно черти изъ болота, Господи прости! Тотъ (разумѣлся Митька Зубокъ) и посейчасъ дрыхнетъ, а она, сердечная, чай, со вчерашняго дня глазъ не просушила.

Digitized by Google

— Жалостлива больно!—дразнилъ Гришка, сидя на высокой лавкѣ и болтая ногами, съ которыхъ сбросилъ босовики.

— Это точно, что жалостлива. Другая бы съ вами давно не такъ. Я и то ей ужъ говорю:—вы бы, милая Арина Григорьевна, прямо князю въ ноги: спросилъ бы шалберниковъ, гдѣ ночи шлялися, что дѣлали?

— Очень просто: променажъ свой дѣлали,— подтрунивалъ Гришка, вытряхивая изъ кармана шароваръ мелкій табакъ и насыпая свернутую бумажную трубочку.—А можетъ и дѣло дѣлали. Аль прикажете вашихъ дозволеніевъ спрашиваться? Что-жъ, можно! А только, кажись, ростомъ маненько не вышли. Погодите малость.

Сподвижникъ Митьки Зубка, Гришка хорошо зналъ, что Ариша не посмѣетъ жаловаться князю на мужа. Кромѣ того, всѣмъ хорошо было извѣстно, что Митрій Иванычъ состоитъ въ особыхъ отношеніяхъ къ князю, и за спиною такого человѣка Гришка чувствовалъ себя вполнѣ безопаснымъ отъ всякихъ невзгодъ.

— Чего, ростомъ не вышли?—спросилъ кучеръ Елисей, входя вмѣстѣ съ другими дворовыми.

— А все ихъ милость, маркграфиня, серчать изволятъ.

— А ты бы «Галку» вычистилъ; неравно, княгинѣ закладывать. «Уборную» Вавила вытеръ.

— Успѣется.

Digitized by Google

— Да! Тебѣ все успѣется!—сердито откликнулся Вавила.—Всю ночь, небось, съ дѣвками гуляете, да винцо распиваете; а тутъ за васъ поспѣвай.

— А если я ни одной рюмки не выпилъ, не то что съ дѣвками.

— Небось, Богу молился до разсвѣта. Знаемъ мы ваши дѣла.

— А что-жъ и дѣла! — хвастливо заговорилъ Гришка, садясь за столъ, на которомъ уже стояли горячія щи, и внезапно лицо его распустилось улыбкой.—И-и! ну, и Митрій Иванычъ, молодецъ! сказано: Зубокъ. Съ нимъ, кажется, въ самое полымя; одно слово, на дно морское!

И Гришка разсказалъ, какъ, шатаясь съ Митькой Зубкомъ, они позднею ночью набрели на толпу, которая состояла изъ разнаго сброда: тутъ были и береговые рабочіе-поденщики, и солемолы, и судорабочіе, и разный бродячій людъ. Какой-то рабочій въ изодранномъ холщевомъ балахонѣ ораторствовалъ, привлекая общее вниманіе. Онъ разсказывалъ, какъ самъ чуть не сдѣлался жертвой докторской отравы и какъ его самого чуть не похоронили живьемъ.

— Пришелъ это я, говоритъ, въ больницу, — разсказывалъ Гришка, — зубами оченно маялся; а замѣстъ зубовъ взяли да самого уложили на койку и дали лекарства, этакъ не больше, какъ съ наперстокъ. Одначе, говоритъ, пришелъ въ омраченіе. Просыпаюсь въ гробу. Крышку должно не больно

Digitized by Google

приколотили, выперъ ногами. Гляжу, говоритъ:— кругомъ гроба; направо—гробъ, налѣво—гробъ. А самъ-то весь въ известкѣ, глаза залѣпило. Ну, испужался, выбрался какъ-то изъ подвала и — давай Богъ ноги. И на баржу-то весь бѣлый въ извести примчалъ. Вотъ и дядя Фадѣй видѣлъ. И дядя Фадѣй тутъ же стоитъ: «точно, говоритъ, видѣлъ: мертвецъ мертвецомъ; и по сейчасъ, говоритъ, изъ башки не всю известку вытряхъ». А старикъ одинъ: «такъ-то, говоритъ, у меня парня уморили окаянные, Миколушку мово».—Чаго тутъ парня! у меня большакъ со снохой, да еще старуха на придачу, всѣ Богу душу въ два дня отдали, вонъ какъ!»—загремѣлъ другой, а самого слеза прошибаетъ. «Сиротъ полна изба, печи истопить некому». И—всякъ свое. Стоимъ мы это съ Митрій Иванычемъ, а онъ себѣ ухмыляется: «эка, плутъ, враки разводитъ!» Подошелъ къ нему. «А скажи, говоритъ, почтеннѣйшій, зачѣмъ же это теперь известку сыплютъ въ гроба, когда болѣзни нѣтъ никакой, а только отрава отъ лѣкарей?» — «Какъ, говоритъ, зачѣмъ? нѣшто не понимаешь? А какъ слѣдствовать пріѣдутъ изъ Петербурга, а отрава-то выйдетъ, себя окажетъ? Безъ известки-то окажетъ; а ты думаешь не окажетъ?»— А прочіе галдятъ: «Какъ не окажетъ! безпремѣнно окажетъ! А то на что-бъ ее, известку-то. Знамо дѣло, со страху: слѣдствовать пріѣдутъ! Думаешь, нѣтъ? Такъ, что-ль, на изморъ отдадутъ? Нѣтъ, врешь!» «Чего пріѣдутъ! — говоритъ, значитъ, этотъ

Digitized by Google

самый опять, изъ гроба который убѣгъ,—пріѣхали ужъ говоритъ: два генерала. Только еще сами себя не объявляютъ. А вотъ побольше къ нимъ силы изъ Петербурга прибудетъ, они и примутся за окаянцевъ-то». «Пріймутся, какъ не приняться? Нѣшто можно такъ?» Видитъ Митрій Иванычъ: увертливъ плутъ. А скажите, говоритъ, почтеннѣйшій, въ какую больницу ходили вы зубы лѣчить, гдѣ васъ уморили-то? «Какъ въ какую? нѣшто не знаешь больницу?» Я-то знаю; у насъ ихъ три; а вы въ какую ходили? «Чего присталъ: въ какую, въ какую? А песъ ее знаетъ, какая она. Больница, больница она и есть».—А вы, по крайности, скажите, гдѣ она, эта самая больница, находится? «А тебѣ на что: гдѣ находится? Чего присталъ? Чай не на небѣ, на землѣ находится».—Какъ на что? Можетъ, тамъ въ гробахъ такіе еще, какъ вы, упокойнички: ихъ выручить надоть. А тутъ и другіе: «выручить надо! какъ не выручить сердечныхъ! — А онъ-то: «ну, выручай, коли охота!» А самъ назадъ, въ народъ, поглубже прячется, значитъ. — Нѣтъ, говоритъ, то-есть Митрій Иванычъ, вы, почтеннѣйшій, погодите! Вы должно, не здѣшній, когда больницы, гдѣ сами помирали, найти никакъ не знаете.—А тебѣ на что: здѣшній я, или нѣтъ?—«А въ Астрахани не бывали? какъ тамъ грабили, да народъ убивали, случаемъ бываетъ, не видали?»—Видитъ плутъ,—неустойка, некуда податься. — Э-э! кричитъ, да ты самъ, братецъ ты мой, должно, фершалъ, или лѣ-

Digitized by Google

карь какой! Православные! Этотъ самъ, должно, изъ окаянныхъ этихъ самыхъ!»—«Ну, фершалъ я, или нѣтъ,—говоритъ Митрій Иванычъ,—а ты вотъ, чѣмъ враки разводить да народъ булгачить, пойдемъ-ка больницу покажи, да генераламъ этимъ разскажи, какъ тебя живого хоронили». И сгребъ его, братцы мои, Митрій Иванычъ, какъ дитя малое.

Гришка до того увлекся, что, не смотря на голодъ, почти не ѣлъ и лишь изрѣдка хваталъ жадными глотками, перхая и кашляя.

— Ну-у! пошла катавасія! — продолжалъ онъ, немного передохнувъ. — Кто на Митрія Иваныча: «фершалъ! фершалъ! бей его!» Случились тутъ, кои его признали. «Какой фершалъ! это—Митя, Митька-Зубокъ! Митя-другъ! не сдавайся!»... Таково тутъ было, и-и-и! Сраженіе!.. И силища-жъ у него, братцы мои! Ломовикъ! Двинулись они это на насъ, своего, значитъ, выручать. Нашихъ-то всего пятка съ три, а ихъ—армія! Митрій Иванычъ впереди. Перваго, который приспѣлъ, какъ хватитъ, да что твой снопъ, себѣ черезъ голову—какъ ахнетъ! Другого этакъ еще раскачалъ, да назадъ имъ на сустрѣчь!.. Только ножки болтаются. Да этакимъ манеромъ третьяго, четвертаго... И смѣху, и горя!.. Сказано: одно слово—на дно морское.

— А молодца энтаго такъ и не отбили?—спросилъ кучеръ Елисей.

— Гдѣ отбить! сами какъ горохъ разсыпались.

— Что-жъ, приставилъ его, что-ль куда?

Digitized by Google

— Нѣтъ, самъ отпустилъ. Полиція нагрянула, трое конныхъ. «Ну, говоритъ, счастье твое, парень: самъ бы я тебя, бродягу, свелъ, куда знаю, чтобъ не вралъ, да народъ не булгачилъ; а этимъ архангеламъ не отдамъ. Провалива!й уноси животы!»

Кучеръ Елисей одобрительно кивнулъ головою.

Гришка не кончилъ еще своего разсказа, какъ вошелъ крестьянинъ, настоящій деревенскій мужикъ, въ синей изъ набойки рубахѣ и лаптяхъ. Онъ снялъ шапку, медленно перекрестился на иконы и отвѣсилъ низкій поклонъ сидѣвшимъ за столомъ.

— Съ праздникомъ Христовымъ! хлѣбъ-соль на доброе здоровье.

Въ звонкомъ и чистомъ голосѣ его слышалась нѣвучая нотка. Большіе голубые, нѣсколько выпуклые глаза его смотрѣли открыто и ясно.

— А! Фролу Терентичу! Здорово, Фролушка!— послышалось въ отвѣтъ.—Милости просимъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Доѣдали третью миску каши. Но Авдотья поспѣшно налила вновь миску щей, радушно приглашая Фрола занять мѣсто. Фролъ опять перекрестился на иконы, сѣлъ за столъ, вновь перекрестился и принялся медленно и осторожно набирать щи, бережно поднося деревянную ложку къ губамъ.

Разсказъ Гришки Фролъ слушалъ молча, лишь изрѣдка вздыхая. Когда Гришка кончилъ, онъ какъ бы про себя прошепталъ:

— Господи! Спасе!

Digitized by Google

— Ты съ чѣмъ, Фролъ Терентичъ?—спросилъ его Вавила.

— Съ сѣномъ.

— А какъ продажа?

— Семнадцать съ вѣсовъ.

— Что больно дешево?

— Не пырей какой; подлѣсное.

— Что-жъ, что подлѣсное? Нонѣ заливное, поди, не дешевше семнадцати. А далѣ, гляди, дороже будетъ.

— Нѣ, не будетъ: травами нонѣ грѣхъ жалиться; всю весну дождички перепадали, а передъ Троицей Господь какой ливень послалъ.

— А какъ у васъ насчетъ этой болѣзни?

— Пока, благодарить Господа, ничего. Да откуда ей къ намъ-то? У насъ, въ Копьевкѣ, ты знашь, лѣкаря нѣтъ; фершалъ тоже за двѣнадцать верстъ. Откуда ей? Не то, что въ Кувыкахъ.

— А что?

— Какъ мухи мрутъ! Тамъ—лѣкарь.

— Такъ чтожъ, что лѣкарь?—насмѣшливо спросилъ Гришка. — Частый собесѣдникъ Митрія Иваныча, онъ не вѣрилъ слухамъ о лѣкарскихъ отравахъ. Къ тому же къ деревенщинѣ, особенно къ Фролу, относился онъ нѣсколько свысока. Фролъ былъ родомъ изъ дальней деревни князя, въ лѣсистой окраинѣ губерніи. Въ числѣ другихъ природныхъ знатоковъ лѣсного дѣла, онъ былъ вызванъ въ Копьевку во время крупной лѣсной рубки и такъ

Digitized by Google

и остался здѣсь, получивъ отъ экономіи удобный клочекъ земли. Въ новомъ мѣстожительствѣ Фролъ сохранилъ простые обычаи своего захолустья, не соблазняясь цивилизаціей пригородныхъ селъ: зимой и лѣтомъ ходилъ въ лаптяхъ, не зналъ ситцевъ и кумачей, въ которые рядились копьевцы. Гришка, какъ вполнѣ цивилизованный горожанинъ, считалъ себя неизмѣримо выше этого лѣсного дикаря.

Фролъ только поднялъ на Гришку свои большіе глаза и ничего ему не отвѣтилъ.

— Не знаю, какъ дальше у нихъ будетъ, — продолжалъ онъ,—намедни прогнали.

— Кого? лѣкаря-то?

— Еле живой ушелъ, ночнымъ дѣломъ черезъ лѣсъ въ Воробьевку. Барыня Ахматиха, сказываютъ, цѣлый день въ подвалѣ хоронила, и опять же въ полночь, задами да межниками на станцію. Кабы не барыня эта, живому-бы не уйти. Народъ и къ ней подступался; всю усадьбу обшарили, а ужъ онъ уѣхавши... Солдатъ, слышь, пригнали; сказываютъ, велѣно розгами всѣхъ до единаго,—прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Такъ вамъ и надо, башку мало-мало провѣтрить. Больно ужъ мозговиты! — вставилъ Гришка, покуривая папироску.

— Что, по твоему, мозговиты, а? — энергично заговорилъ Фролъ и даже съ сердцемъ бросилъ ложку. — А ты вотъ что скажи: зачѣмъ Миколай Андреичъ не приказываетъ изъ Идолги никому ни

Digitized by Google

капли единой пить? Всѣмъ—запретъ! Зачѣмъ? Родникъ старый оправилъ, два новыхъ родника вырылъ, а чтобъ изъ рѣчки никому ни капли. Зачѣмъ? ты вотъ что скажи.

— А я почемъ знаю, чего тамъ вамъ Миколай Андреичъ приказываетъ? Мало-ли что Миколай Андреичъ! Вы тамъ у него, слышно, чай съ сахаромъ роспиваете, горяченькимъ да сладенькимъ нутро парите.

— То-то: «я почемъ знаю?.. Мозговиты!» А ты вотъ что подумай: въ Кувыкахъ-то Идолга средь самого села прошла. Кувычане, окромя какъ изъ ней, никакой воды не знаютъ. А Идолга, чай изъ Кувыкъ къ намъ, а не отъ насъ течетъ. Аль не знаешь? Вонъ вязовскій Спиридонъ, чай знаете, старикъ,—не уберегся, въ полѣ съ жару напился: къ разсвѣту Богу душу отдалъ... Мозговиты!.. А у насъ-то вотъ не пьютъ и пока—слава тебѣ Господи...

Аргументы Фрола всѣмъ показались очень убѣдительны. Наступило молчаніе. Самъ Гришка задумался, соображая, отчего бы могъ быть такой вредъ отъ рѣчной воды? Фролъ опять взялъ ложку и принялся спокойно ѣсть.

— А что насчетъ чаю,—говорилъ онъ уже совсѣмъ спокойнымъ тономъ,—такъ это точно: Миколай Андреичъ роздалъ бабамъ чай и сахаръ. Ну, извѣстно: бабамъ-то въ охотку, варятъ,—прибавилъ онъ съ улыбкой, самъ, очевидно, считая раздачу чая

Digitized by Google

и сахара, какъ и кипяченіе воды, пустой затѣей Миколая Андреича.

— Да вамъ Миколай Андреичъ сказывалъ, что-ль, что лѣкаря въ Идолгу отраву пустили?—азартно спросилъ Гришка, не желавшій сдаваться и въ то же время чувствуя, что запасъ его возраженій видимо истощается, а «деревня» побѣждаетъ его на глазахъ у всей дворни.

— Зачѣмъ сказывать? — спокойно отвѣчалъ Фролъ. — Миколай Андреичъ христіанская душа. Ему жалко сиротъ, онъ и упреждаетъ: не пей-молъ этой воды. А сказывать зачѣмъ? Ты самъ понимай.

— Пьетъ жескотина! — несовсѣмъ рѣшительно замѣтилъ Гришка.

— Тоже!.. Прировнялъ скотину! Животную!— послышались насмѣшливые возгласы. Эти насмѣшки еще больше задѣли самоувѣреннаго Гришку.

— Что, животная, животная! Болтаете вы съ пустыхъ головъ, сами не знаете чего, вотъ что! Отрава! въ рѣчку пустили отраву! А ты скажи: видѣлъли кто изъ васъ, пустоголовыхъ, эту самую отраву въ рѣчкѣ? Казалъ-ли кто вамъ эту отраву, что всѣ сдуру болтаете: отрава, отрава пущена!

Сидѣвшій до того молча приземистый, широкоплечій дворникъ, Антонъ Бирюковъ, или просто— Бирюкъ, медленно подошелъ и обратился къ Гришкѣ, спокойно отчеканивая каждое слово:

— А я вотъ что скажу тебѣ, милый ты человѣкъ, Григорій Тихонычъ. Матвѣвна намъ съ тобой

Digitized by Google

сегодня на обѣдъ щи варила; щи варила, ну и щи солила. А ты вотъ поди, да эту самую соль во щахъ найди, да намъ, пустоголовымъ, ее покажи, когда ты такой умный и всѣхъ умнѣе.

Раздался дружный хохотъ.

— Съ вами тутъ и самъ одурѣешь!—огрызнулся Гришка и, махнувъ рукой, быстро вышелъ.

— Чего захотѣлъ: отраву въ рѣчкѣ видѣлъ-ли кто? Дураки они: всѣмъ на видимость разсыпать станутъ. Такъ и волка не обманешь: капканъ, какъ въ снѣгъ не зароешь, и то сообразитъ. А то человѣка.

— А я, отцы мои, скажу вамъ, что и видѣли,—вмѣшалась Авдотья,—какъ есть видѣли, вотъ какъ я васъ вижу, этотъ ядъ самый.

— Ну-у-у!—послышались недовѣрчивые голоса.

— Нѣтъ видѣли, своими глазами видѣли,—настаивала Авдотья, выступая впередъ.—И не то, что одинъ человѣкъ, весь народъ видѣлъ. Пра, ей Богу! Третьево дни на базарѣ бабенка рыбница разсказывала. Пришелъ это лѣкарь въ квасоварню, квасъ, вишь, слѣдствовать. Ну, хорошо. Пришелъ съ нимъ полицейскій, околоточный. Слѣдствуетъ онъ квасъ этотъ самый и слѣдствуетъ, а самъ тростью въ чану все мѣшаетъ, все мѣшаетъ да побалтываетъ. Ну, хорошо. Долго-ли, не знаю, слѣдствовалъ онъ квасъ этотъ; а только хозяину, квасовару, сумлительно. А какъ сказалъ онъ ему: «весь квасъ выливай! безпремѣнно чтобъ весь квасъ сею минуту

Digitized by Google

на дворъ вылить»—хозяину пуще въ голову ударило. Ну, хорошо. Пошумѣли они, пошумѣли промежъ себя, лѣкарь, то-есть, съ хозяиномъ. Народъ слышитъ, а не знаетъ, чего шумятъ. Ну, хорошо. Только, отцы мои, хозяинъ этотъ самый выйди изъ квасной: «Православные! въ раззоръ раззоряютъ, на послѣдяхъ губятъ! Взойдите въ защиту!» У него, слышь, въ третье ужъ квасъ выливаютъ. Ну, полицейскіе за него. Онъ пуще. Полицейскіе его вязать; извощика кликнули. Ну, народъ не стерпѣлъ, отбилъ, и лѣкарь-то еле ушелъ.

— Да отраву-то, ядъ-то гдѣ видѣли?—нетерпѣливо спросилъ Елисей.

— А видѣли! какъ же не видѣли, когда видѣли? У лѣкаря-то трость эту самую изъ рукъ вырвали, сломали. Трость сломали, а въ трости-то ядъ!—почти патетически закончила Авдотья.

— Да кто видѣлъ?

— Какъ кто? всѣ видѣли, весь народъ видѣлъ.

— Ну-у, правда-ли? Не болтаетъ-ли твоя бабенка рыбница зря?

— Я самовидецъ!—громко и твердо сказалъ Антонъ Бирюкъ.

— Ты, Федотычъ, самовидецъ!—спросило нѣсколько голосовъ. Слова Бирюка произвели впечатлѣніе; онъ, видимо, пользовался довѣріемъ.

— Я о ту пору шелъ отъ телѣжника. Оглобля у полуфурка сломалась,—оглоблю несъ. Вижу на Цыганской, сюда поближе къ базару, народъ гал-

Digitized by Google

дить, метлешится. Подошелъ, а они квасника-то ужъ выручили и за тѣхъ было дружно принялись, да убѣжали какъ-то?

— А отраву-то, ядъ этотъ видѣлъ?

— Нѣтъ, я далече стоялъ. Кабы поближе, да бывши я при оглоблѣ, ну-у!—Бирюкъ злобно потрясъ головою.—Тутъ люди сказывали, кои видѣли; какъ трость-то сломали, онъ изъ трости сыпется: сѣрый, буроватый, точно песокъ.

— Такъ вотъ такъ-то, братцы!—съ тяжелымъ вздохомъ молвилъ Вавила.

— Господи, Спасе! — вздыхалъ и крестился Фролъ.

XI.

Послышался неопредѣленный шумъ, который, казалось, доносился черезъ садъ, съ бокового проулка. Сначала неясный, шумъ этотъ постепенно становился громче и явственнѣе и, наконецъ, сквозь несмолкаемый гулъ, отчетливо прорывались крики людскихъ голосовъ, взрывы хохота, свистъ и гиканье. Точно цѣлая облава наткнулась на звѣря и погнала его.

— Что это? Никакъ на слободкѣ,—спросила Авдотья.

— Не надо бы на Слободкѣ; это поближе.

Мимо оконъ людской съ гиканьемъ и крикомъ пронесся Федя по направленію къ воротамъ.

Вдругъ не то лязгъ падающихъ металлическихъ

Digitized by Google

листовъ, не то звонъ разбитаго стекла со страшною силою раздался довольно близко, и вслѣдъ затѣмъ загоготали сотни голосовъ.

Всѣ разомъ бросились изъ людской и побѣжали къ воротамъ. На крыльцѣ, у выходившаго во дворъ открытаго подъѣзда стоялъ князь, встревоженный и блѣдный; въ одномъ окнѣ—искаженное страхомъ лицо княгини; а въ глубинѣ галлереи няня Клавдія, сама дрожа отъ страха, успокаивала плачущую и трепещущую Леночку.

Шумъ оказался не съ той стороны, откуда онъ доносился въ людскую, а съ противоположнаго угла, въ большой и широкой улицѣ. Завернувъ за уголъ, дворовые князья увидѣли слѣдующую картину.

Во второмъ отъ угла длинномъ, одноэтажномъ зданіи помѣщалась аптека. Почти всѣ окна ея были уже выбиты. Сорванная на половину вывѣска висѣла однимъ концомъ внизъ и качалась отъ вѣтра. Изъ оконъ то и дѣло летѣли банки, стклянки, бутылки и пузырьки и, при шумномъ гоготаніи толпы, со звономъ и трескомъ бились о мостовую, разливая и разсыпая по ней разныя лѣкарственныя снадобья. Оборванный, почти полуголый парень, на видъ берговой носильщикъ, съ озвѣрѣлымъ, воспаленнымъ лицомъ, просунулъ какую-то слегу въ разбитое окно и уперъ ее въ уголъ косяка. Держась за другой конецъ, онъ, при помощи двухъ другихъ оборванцевъ, ворочалъ ею, какъ рычагомъ, производя страшное разрушеніе въ аптечной комнатѣ и

Digitized by Google

не щадя ни головъ, ни физіономій тѣхъ, которые туда ранѣе забрались. Сквозь грохотъ и трескъ падающихъ шкафовъ, этажерокъ слышались оттуда неистовая брань и крики. Два молодца вынесли какую-то большую бутыль съ зеленоватой жидкостью и, при одобрительномъ хохотѣ, съ размаху бросили ее на мостовую, обливая и обрызгивая толпу. Изъ другой половины дома летѣли на улицу разныя домашнія вещи, мебель и платье. Одинъ мальчикъ плясалъ на подоконникѣ въ женской тальмѣ. Старая баба съ остервѣненіемъ рвала подушку, выпуская на вѣтеръ перья и пухъ. Въ другой комнатѣ двое мальчишекъ упражнялись надъ клавишами фортепьяно, а третій, стоя на декѣ, выдѣлывалъ разныя фигуры. И среди этого хаоса, среди криковъ, шума и треска—вой и лай собакъ, то злобно кидавшихся на людей, то съ жалобнымъ визгомъ скрывавшихся подъ ворота. Въ окнахъ сосѣднихъ домовъ мелькали испуганныя, блѣдныя лица; людскія фигуры въ смятеніи и страхѣ метались по комнатамъ и то подбѣгали къ окнамъ и отворяли ихъ, то поспѣшно закрывали и опускали занавѣски, какъ бы ища за ними защиты.

Сосѣднихъ домовъ, впрочемъ, толпа не трогала; видно было, что все ея вниманіе сосредоточилось исключительно на аптекѣ. Какой-то мальчикъ пустилъ камень и попалъ въ оконную раму недалеко отъ аптеки стоявшаго одноэтажнаго домика. Нѣсколько стеколъ со звономъ полетѣло на тротуаръ

Digitized by Google

и въ окнѣ показалось испуганное лицо старушки въ бѣломъ чепцѣ.

— Извините, матушка, прощенья просимъ; это по нечаянности,—обратился къ ней стоявшій тутъ высокій парень, въ франтовской поддевкѣ и въ высокихъ «гармоникой» сапогахъ.—А ты, косой! вотъ я тѣ! что зря лукаешься?—крикнулъ онъ въ слѣдъ мальчику, который межъ тѣмъ юркнулъ въ толпу.

Раздались вдругъ крики: «аптекарь! аптекарь!»— и около десятка оборванцевъ пустились за молодымъ человѣкомъ въ свѣтлой лѣтней парѣ, съ широкой шляпой на головѣ.

Молодой человѣкъ, бѣлобрысый, съ небольшой бородкой во весь духъ мчался отъ своихъ преслѣдователей; но какой-то парень, забѣжавъ сбоку, налетѣлъ на него съ такою силою, что вмѣстѣ съ нимъ рухнулся на тротуаръ, причемъ оба разбились въ кровь. Молодой человѣкъ не успѣлъ подняться, какъ десять рукъ вцѣпились въ него, рвали его въ разныя стороны, немилосердно нанося удары. Въ одинъ мигъ вся одежда на немъ была изорвана, и по лицу струилась кровь.

— Не апотейкеръ! не апотейкеръ! гутмахеръ! шапке, шляпе!—отчаянно вопилъ несчастный, какъ мячикъ, перекидываемый съ рукъ на руки, пока одинъ мастеровой вцѣпился ему прямо въ горло и свалилъ на землю. Онъ неистово душилъ и рвалъ бѣдную жертву.

Нѣмецъ пересталъ уже кричать и, увидѣвъ надъ

Digitized by Google

своею головой другого оборванца съ камнемъ въ рукѣ, закрылъ глаза.

Ему, вѣроятно, и не пришлось бы ихъ ужъ больше открыть здѣсь на землѣ, еслибы рослый широкоплечій парень въ эту минуту не очутился между нимъ и тѣмъ, который занесъ камень.

— Что вы, дьяволы, дѣлаете? Не видите, что-ли, это—Карлуша, картузникъ съ Александровской!—и онъ такъ сильно рванулъ мастерового за воротъ, что тотъ скатился съ нѣмца, оставивъ половину своей рубашки въ рукѣ неожиданнаго защитника Карлуши.

— Развѣ картузникъ? Чего жъ шумятъ: аптекарь!—спрашивалъ мастеровой, поднявшись съ земли, межъ тѣмъ какъ кучка, терзавшая нѣмца, немного подалась назадъ. Полунагой, истерзанный, запыленный, самъ мастеровой еле переводилъ дыханье.

— «Развѣ, развѣ!» Идолъ ты проклятый! Какъ песъ бѣшеный вцѣпился, душишь, не разузнавши!

— Шумятъ: аптекарь!—виновато бормоталъ мастеровой, стараясь уцѣлѣвшими на немъ лоскутами рубашки прикрыть обнаженное тѣло.

Карлуша межъ тѣмъ продолжалъ лежать неподвижно, хотя его уже никто не трогалъ. Когда же парень дернулъ его кверху, онъ открылъ глаза, быстро глянулъ кругомъ, понялъ, что онъ свободенъ, вскочилъ и, какъ подстрѣленный звѣрекъ, помчался отъ толпы. Пробѣжалъ онъ, однако, не

Digitized by Google

болѣе двухсотъ шаговъ. Шатаясь, онъ прислонился къ забору, потомъ опустился на землю и заплакалъ, заплакалъ дѣтскимъ жалобнымъ плачемъ.

Еще тѣ, которые терзали Карлушу, кричали и галдѣли, укоряя и обругивая другъ друга, какъ съ другого конца улицы опять раздались крики и гиканья. Мимо аптеки, почти сквозь всю толпу, бѣжала и толкалась кучка людей, и мелькала фигура человѣка въ бѣлой блузѣ и форменной фуражкѣ.

Сначала трудно было разобрать, гонятся-ли за этимъ человѣкомъ, или онъ, вмѣстѣ съ другими, самъ гонится за кѣмъ-либо, и только, когда онъ выбрался изъ толпы и побѣжалъ по свободной сторонѣ улицы, ясно обозначилось, что преслѣдуютъ именно его. Человѣкъ этотъ, съ виду рослый юноша, должно быть, обладалъ значительной силой: онъ бѣжалъ съ такой быстротой и легкостью, что съ первыхъ же моментовъ отдѣлился отъ своихъ преслѣдователей на значительное разстояніе и, вѣроятно, очень скоро ушелъ бы отъ нихъ. Но неувѣренность-ли найти защиту въ сосѣдней улицѣ, къ которой онъ приближался, или страхъ попасться на встрѣчу двумъ оборванцамъ, которые показались изъ проулка впереди его, только онъ, вмѣсто того, чтобы бѣжать далѣе, къ центральной части города, вдругъ остановился у одного дома, сдѣлалъ прыжокъ и, какъ серна, перенесся черезъ заборъ. Число преслѣдователей его быстро росло, къ нимъ на пути приставали другіе, и когда они бѣжали

Digitized by Google

мимо той кучки, которая била нѣмца, то точно по тому же чувству, по которому собака кидается за бѣгущимъ мимо животнымъ, вся эта кучка тоже помчалась съ крикомъ: фершалъ! фершалъ! держи! лови! не зная даже, кто изъ бѣгущихъ фершалъ и гдѣ онъ? Толпа скоро достигла двора, въ которомъ скрылся молодой человѣкъ, и стала напирать на запертыя ворота.

Они казались довольно прочными и не уступали напору. Одинъ паренекъ уже успѣлъ взобраться на заборъ и перескочить во дворъ, какъ изъ калитки вышелъ бритый маленькій старичекъ, съ виду мелкій чиновникъ

— Фершалъ! у тебя на дворѣ фершалъ!.. Что ему смотрѣть въ зубы? Держи его! Можетъ, и онъ такой же!..—ревѣли въ толпѣ.

Испуганный и оторопѣлый старичекъ не успѣлъ сказать слова, какъ нѣсколько человѣкъ за его спиной шмыгнули въ открытую калитку, и черезъ минуту ворота раскрылись настежъ.

Показался дворъ, одинъ изъ тѣхъ дворовъ, которые можно встрѣтить еще только въ глуши нашей провинціи: чуть не цѣлая десятина земли, застроенная клѣтушками, амбарушками и навѣсами, заросшая травою и кустарникомъ; подальше, вглубь, за полуразрушеннымъ плетнемъ—довольно густыя, частыя деревья, а за ними—трубы и крыши строеній, выходившихъ уже на сосѣднюю улицу.

Десятка полтора оборванцевъ кинулись въ ворота

Digitized by Google

и разсыпались по двору, скрываясь за кустами и постройками.

Прошло съ полчаса. Во дворѣ было тихо. Толпа, видимо, стала остывать. Отдаленные возгласы и крики постепенно замолкали, и слышенъ былъ только общій неопредѣленный говоръ. Часть толпы, толкавшейся у аптеки, на крики двинулась уже было сюда, ко двору, и вся масса заколыхалась въ этомъ направленіи; теперь она опять медленно стала отливать обратно, къ аптекѣ. По срединѣ улицы откуда-то очутился козелъ. Человѣкъ двадцать, старыхъ и молодыхъ, занялись имъ, съ хохотомъ бѣгали и вертѣлись, дразня и направляя другъ на друга бодливое животное. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ воротъ двора приземистый, босоногій мужикъ показывалъ силу: онъ держалъ въ зубахъ что-то вродѣ обломка толстой желѣзной кочерги; середина ея была у него во рту, а на концахъ, ухватившись руками за желѣзо, повисли два здоровенныхъ парня. Поджавъ къ животу колѣни, они на вѣсу держались и покачивались, увеличивая тѣмъ и безъ того немалый вѣсъ здоровенныхъ тѣлъ. Мужикъ, разставивъ босыя ноги и закинувъ нѣсколько назадъ голову, ушедшую въ приподнятыя плечи, только вздрагивалъ: концы кочерги гнулись, но изо рта онъ ее не выпускалъ.

— Ишь, дьяволъ, какой тугоуздый!—слышались одобрительныя восклицанія удивленныхъ зрителей.

Чище другихъ одѣтый мѣщанинъ, съ совершенно

Digitized by Google

счастливой физіономіей, стоялъ передъ силачомъ съ полуштофомъ и стаканомъ въ рукахъ,—видимо призъ, выигранный тугоуздымъ акробатомъ.

Общее настроеніе было почти веселое.

Вдругъ въ глубинѣ двора раздались крики:

— А-а-а! а-га-га! ты во гдѣ!—Нѣсколько фигуръ межъ кустовъ мелькнуло по направленію къ какой-то постройкѣ въ саду, и вслѣдъ затѣмъ тамъ послышалась возня.

Какъ электрическая искра, пробѣжалъ этотъ крикъ по толпѣ, и она мгновенно насторожилась. Стоявшіе ближе ко двору двинулись было въ ворота; но въ это время изъ-за плетня показался молодой человѣкъ въ блузѣ; его тащили пять-шесть оборванцевъ. Люди, какъ бы сами подавленные грозою минуты, опять подались назадъ отъ воротъ, молча отступали и разступались, напередъ давая дорогу. Вся толпа какъ бы сгущалась и застывала въ ожиданіи. Тѣхъ, которые сзади и съ боковъ старались протискаться къ воротамъ, безъ крика и безъ шума, но съ злобнымъ шипѣніемъ отбрасывали назадъ.

Съ дикою радостью на лицахъ вели молодого человѣка запыхавшіеся оборванцы. Онъ шелъ, нѣсколько упираясь, но безъ особеннаго сопротивленія. На блѣдномъ безбородомъ лицѣ его видна была пыль и грязь; изо рта или изъ разбитой губы вытекала струйка крови. Темнозеленная суконная фуражка, съ желтымъ кантомъ, была сбита назадъ, и на околышкѣ ясно видѣнъ былъ мѣдный знакъ учеб-

Digitized by Google

наго заведенія. Несчастный, какъ впослѣдствіи было выяснено, оказался ученикомъ старшаго класса реальнаго училища, по фамиліи Поморскій. Разсказывали, что онъ возбудилъ противъ себя подозрѣніе тѣмъ, что старался оградить какого-то старика, выбѣжавшаго изъ воротъ аптечнаго двора, котораго толпа приняла за самого аптекаря и избила до полусмерти.

Когда Поморскаго вывели изъ воротъ, толпа встрѣтила его почти нѣмымъ молчаніемъ: изрѣдка лишь слышалось злобное шипѣніе и прорывались глухіе, сдавленные звуки:—«душегубы! христопродавцы!..»

Понялъ-ли несчастный юноша, что его ведутъ на казнь, и отъ ужаса оцѣпенѣлъ, или онъ не вѣрилъ, чтобы то ужасное и грозное, которое его страшило, могло въ дѣйствительности совершиться, только онъ молча озирался на толпу, странно улыбаясь своими блѣдными, посинѣлыми губами.

А межъ тѣмъ, каждое его слово было бы услышано среди нѣмого молчанія, и скажи онъ только что онъ—не фельдшеръ, а ученикъ реальнаго училища, онъ, можетъ быть, былъ бы спасенъ. Но онъ молчалъ и криво улыбался. Можетъ быть еще одна минута, и въ самой толпѣ нашелся кто-либо, кто по фуражкѣ узналъ бы въ немъ ученика училища и однимъ словомъ, однимъ окрикомъ разсѣялъ бы роковое заблужденіе обезумѣвшей массы. Но—судьба рѣшила иначе.

Digitized by Google

Люди не только разступались передъ нимъ, образуя довольно широкую дорогу, но даже какъ будто подавались отъ него назадъ, хотя это было очень трудно, такъ какъ стоявшіе сзади сильно напирали. Недалеко отъ воротъ, въ ряду другихъ, стоялъ Антонъ Бирюковъ. Онъ такъ же, какъ и другіе, подался назадъ, когда вывели Поморскаго изъ воротъ, и, стоя бокомъ, смотрѣлъ на приближавшихся. Маленькіе, глубоко сидящіе глаза его лихорадочно и быстро бѣгали по фигурѣ молодого человѣка, и правое плечо его судорожно подергивалось. Оборванцы уже провели несчастнаго мимо Бирюкова и стали углубляться въ толпу, какъ Бирюковъ вскрикнулъ или, правильнѣе взвизгнулъ, взвизгнулъ пискливо, жалобно и нанесъ сзади Поморскому ударъ. Ударъ пришелся по затылку и нанесенъ былъ съ такою силой, что несчастный рухнулся на мостовую, увлекши съ собою одного изъ тащившихъ его оборванцевъ.

Затѣмъ произошло что-то ужасное, что-то безобразное и вмѣстѣ съ тѣмъ до того неопредѣленное, до того безформенное, что понять его, уловить его глазомъ не представлялось никакой возможности. Точно какая-то живая куча ворочалась, барахталась, то подымаясь, то опускаясь; мелькали руки, спины, головы, затылки, и эта куча дышала, охала и стонала. Казалось, ея барахтанью не будетъ конца, хотя оно длилось не болѣе минуты. И какъ прежде ударъ Бирюкова, казалось, вызвалъ всю эту

Digitized by Google

свалку, такъ и теперь внезапный, жалобный дѣтскій крикъ, казалось, прошелъ по этой кучѣ и остановилъ ее: движенія ея стали замедляться; въ ней стали обозначаться отдѣльныя человѣческія фигуры, которыя постепенно и медленно отдѣлялись отъ нея. Вскорѣ на мостовой можно было видѣть мальчика лѣтъ десяти: онъ съ страшнымъ крикомъ метался въ пыли, хватаясь то за бокъ, то за ногу. Рослая молодая женщина подошла къ нему, подняла и повлекла къ тротуару. Очевидно, сломленная нога его болталась, и мальчикъ отъ боли неистово кричалъ: – не надо! не надо!—Подальше чернобородый мужикъ все силился подняться съ земли, но это ему не удавалось: отдѣлившись кой-какъ отъ земли, онъ каждый разъ опять молча падалъ на выставленныя назадъ руки. Ему никто не подавалъ помощи и никто, казалось, не обращалъ на него никакого вниманія.

Поморскій лежалъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ свалилъ его ударъ Бирюкова. Онъ лежалъ на правомъ боку, головой уткнувшись въ мостовую. Яблоко лѣваго глаза почти все было наружи и торчало, упираясь въ переносицу; лѣвая рука еще слабо вздрагивала.

Люди, запыхавшись, тяжело дыша, медленно разступались; кто оправлялъ свою изодранную одежду, кто на ходу подымалъ съ земли запыленную, затоптанную шапку. На потныхъ, покрытыхъ пылью лицахъ трудно было прочитать какую-либо мысль,

543095B
Digitized by Google

трудно было понять, какъ относятся эти люди къ только что совершенному ими звѣрскому убійству. Изрѣдка раздавались отдѣльныя, негромкія и нерѣшительныя слова:—то-то! не бойсь, больше не станешь! душегубы! и проч.—Но словъ этихъ никто не слышалъ; не слышали ихъ, казалось, и тѣ, которые ихъ произносили.

Изъ той толпы, которая была у аптеки и не участвовала въ свалкѣ, многіе бросились на шумъ. Теперь они, замѣняя отходившихъ, молча обступали убитаго. Какой-то маленькій тщедушный старикъ, съ желтымъ безбородымъ лицомъ, тяжело таща свои огромные сапоги, приблизился къ трупу и нѣкоторое время съ злобной усмѣшкой разсматривалъ его; потомъ, прошептавъ какое-то ругательство, онъ вдругъ тупымъ носкомъ сапога толкнулъ мертвеца.

Все кругомъ охнуло, и ничего одобрительнаго теперь не слышно было въ этомъ звукѣ...

Черезъ заднюю калитку княжескаго сада, неподалеку отъ котораго произошло убійство, еще въ началѣ свалки прибѣжалъ старикъ Антонычъ. Онъ былъ безъ фуражки и въ страхѣ и безпокойствѣ бѣгалъ около толпы.

— Господи! что вы это? Господи! — Когда же свалка окончилась, народъ раступился, и онъ увидалъ несчастнаго юношу въ судорожныхъ подергиваніяхъ на мостовой, онъ подбѣжалъ къ нему, нагнулся надъ его лицомъ и съ энергіей, несвой-

Digitized by Google

ственной его тихому нраву, набросился на окружающихъ, крича:

— Безжалостные! креста на васъ нѣтъ! за что убили человѣка! Изъ толпы послышалось: — фершалъ!—А кто знаетъ, что фершалъ? кто видѣлъ, что фершалъ? а коли фершаль, такъ что? Безжалостные!

И долго шумѣлъ и кричалъ въ толпѣ старикъ, нападая самъ и вызывая брань и озлобленіе противъ себя.

XII.

Фролъ Савосинъ долго и безучастно смотрѣлъ на разгромъ аптеки. Онъ слышалъ крики: «фершалъ! фершалъ!» видѣлъ, какъ бѣжали люди, какъ колыхалась и волновалась толпа по направленію этихъ криковъ, и все стоялъ, прислонившись къ забору. Среди ужаса разгрома, среди хаоса его щемило неопредѣленное чувство. Не смотря на то, что толпа состояла преимущественно изъ самаго простого люда, изъ такихъ же, какъ и онъ, рабочихъ и мужиковъ, Фролъ испытывалъ чувство чужести. Онъ сознавалъ, что онъ не у себя въ Копьевкѣ, а въ чужомъ ему, большомъ городѣ, гдѣ живутъ чужіе, ему неизвѣстные люди, гдѣ живетъ большое и важное начальство. Онъ видѣлъ разгромъ аптеки, сознавалъ его причины и, пожалуй, въ своей темной мысли, оправдалъ бы ихъ; но онъ ни о чемъ въ эту минуту не думалъ, а лишь боязливо смо-

Digitized by Google

трѣлъ на бушующихъ, незнакомыхъ ему людей и озирался по сторонамъ, какъ бы ища и ожидая появленія той силы, которая слилась у него съ представленіемъ о большомъ городѣ, о важномъ начальствѣ, о «губерніи». Онъ ясно чувствовалъ отсутствіе этой силы и ожидалъ ея появленія, ибо безъ нея онъ не понималъ самой «губерніи».

Но сила эта не появлялась. Войска были въ лагерѣ, а не привыкшая справляться съ движеніями массы, ошеломленная, испуганная внезапнымъ, неожиданнымъ взрывомъ, полиція стушевалась и скрылась.

Когда шумъ у двора, въ которомъ скрылся Поморскій, уже затихъ, Фролъ медленно поплелся въ ту сторону. Онъ подходилъ какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда изъ воротъ вывели Поморскаго. Съ противоположнаго троттуара черезъ толпу Фролу мелькало блѣдное лицо несчастнаго. Затѣмъ началась свалка. Фролъ, какъ вкопанный, стоялъ и въ оцѣпенѣніи слѣдилъ за тѣмъ, что происходило передъ его глазами. Онъ зналъ, что народъ расправляется съ «фершталомъ», хорошо понималъ, чѣмъ должна окончиться эта расправа, и дрожащей рукою крестился коротенькими крестами:—Господи, Спасе Милосердный!—Когда же свалка стихла и Фролъ, сквозь рѣдѣющую массу движущихся человѣческихъ фигуръ, увидѣлъ распростертое тѣло убитаго, онъ быстро двинулся по троттуару. Чужая «губернія» показалась ему еще болѣе чужой

Digitized by Google

и страшной. Какая-то огромная и—онъ ясно сознавалъ—враждебная ему сила гнала его прочь. И онъ спѣшилъ на Сѣнную, гдѣ остались его двѣ телѣги съ лошадьми, гдѣ, подъ присмотромъ односельцевъ, ожидалъ его пятилѣтній Васянька, который «увязался» за нимъ изъ Копьевки въ городъ. Фролъ шелъ быстро, не озираясь. «Ко дворамъ!»— Эта мысль, что онъ скоро будетъ въ Копьевкѣ, у себя дома, нѣсколько успокоивала щемящее чувство, которое онъ испытывалъ. На поворотѣ въ проулокъ ему послышался какъ будто барабанный бой. Онъ остановился, прислушался, и дѣйствительно: издали, еле слышно, доносился глухой, мѣрный рокотъ.

— Такъ-то лучше!—проговорилъ Фролъ, одобрительно кивнулъ головой.—А то что? Не порядокъ.

Фролъ былъ глубоко убѣжденъ, что народъ убилъ «фершала»—отравителя, но внутренне чувство его не мирилось съ такимъ самосудомъ. И въ отдаленномъ боѣ барабана ему слышалась именно та сила губерніи, которой не доставало при разгромѣ аптеки.

— А то что? одного изловили и рвутъ, какъ собаки, а ихъ, можетъ, десятокъ убѣгли, не знайгдѣ схоронились. Нѣтъ, ужъ всѣхъ, по реестру. Порядокъ закона... И на людей не похожи, Господи! Спасе! — припомнилъ онъ страшную картину убійства.

И онъ отъ времени до времени останавливался, съ довольнымъ видомъ прислушиваясь къ отдален-

Digitized by Google

ному бою барабана. Онъ прошелъ нѣсколько улицъ, и ему оставалось только свернуть въ проулокъ на Сѣнную, какъ мимо него пронеслись двѣ пожарныя бочки. Тутъ только онъ увидѣлъ столбъ дыма, который большими клубами взвивался влѣво, въ нѣсколькихъ кварталахъ отъ него. Погруженный въ себя, онъ ранѣе не замѣтилъ пожара, хотя дымъ былъ видѣнъ и съ тѣхъ улицъ, по которымъ онъ прошелъ.

Деревенскій мужикъ не можетъ не бѣжать на пожаръ, какъ не можетъ ласточка не взвиться за пролетѣвшимъ мимо ястребомъ. Деревенскій мужикъ родился и выросъ съ инстинктивнымъ сознаніемъ той страшной опасности, которою грозитъ ему огонь; онъ унаслѣдовалъ неодолимое чувство борьбы съ этимъ страшнымъ врагомъ. Забывъ свои телѣги и маленькаго сына, Фролъ кинулся по направленію пожара.

Горѣло длинное одноэтажное съ мезониномъ зданіе—временная холерная больница. Огромная тысячная толпа колыхалась на широкой улицѣ, наполняла сосѣдніе дворы и стѣной окружала горящій домъ. Пожарная команда тщетно старалась пробраться сквозь сплошныя массы живыхъ тѣлъ: заѣзжала съ разныхъ сторонъ, съ крикомъ кидала на народъ сытыхъ, разгоряченныхъ лошадей; но люди безстрашно останавливали ихъ на ходу, отгоняли или отводили назадъ. Видно было, что толпа рѣшилась не давать тушить больницу. Рослый

Digitized by Google

брандтмаіоръ кричалъ, грозилъ, ругался, направлялъ на толпу пожарную трубу. Все напрасно. Окачиваемые холодной струей, люди ухали, ахали, гоготали, смѣялись:—а вы еще, ваше благородіе! у-у-у-хъ! важно! съ жару-то пользительно!—и все-же тушить больницу не давали.

И въ то же время весьма бережно охранялись сосѣднія зданія. Замѣтивъ малѣйшую опасность, люди кидались къ нимъ, завладѣвая пожарными бочками, часто насильно ссаживая пожарныхъ. И ни одно зданіе, не смотря на страшный пожаръ больницы, не было задѣто пламенемъ.

Въ глубинѣ двора, за полуразрушенной оградой, подъ рѣдкими деревьями суетилось человѣкъ пятьдесятъ: здѣсь видны были подушки, матрацы, халаты, больничныя койки и проч. Сюда, еще до пожара, народъ вынесъ больныхъ и размѣстилъ ихъ, какъ и на чемъ попало. Около нихъ суетились больше бабы.

— На, пей, родименькій, пей! отъ него здоровъ останешься... Охъ, проклятые, охъ, душегубы, какъ заморили... Мотри, мотри! энтотъ отходитъ!.. Охъ, голубчики!.. Корчитъ, какъ корчитъ!.. Охъ, Господи!..

И больныхъ трясли, мяли, терли, растирали, поили водкой, молокомъ и другими жидкостями, неизвѣстно откуда появившимися. Несчастные, кто въ страхѣ, кто по слабости, не сопротивлялись: пили все, что имъ давали, выносили всѣ растира-

Digitized by Google

нія, стонали, кричали, а иные, въ судорогахъ и рвотѣ, тутъ же умирали.

Фролъ былъ здѣсь. Весь дрожа и со слезами на глазахъ, онъ кидался отъ одного больного къ другому и, не помня себя, поилъ, растиралъ, покрывалъ, мочилъ и съ ужасомъ замѣчалъ, что средства его никакого дѣйствія не производятъ.

Раздалась глухая дробь барабана.

Изъ боковой улицы выступала полурота. Народъ нѣсколько заколыхался было съ приближеніемъ солдатъ, но затѣмъ остановился на мѣстѣ. И только когда офицеръ, съ требованіемъ: «разступись», вплоть подошелъ къ толпѣ, она подалась и пропустила солдатъ на больничный дворъ.

— Раздайся! пропусти! — требовалъ офицеръ дороги для пожарныхъ бочекъ. Одинъ моментъ толпа, казалось, хотѣла было сопротивляться, но затѣмъ подалась.

— Пущай! нѣшто зальетъ? Она во-какъ пылаетъ.

И дѣйствительно, — брандтмаіоръ не дѣлалъ серьезныхъ попытокъ къ тушенію больницы, охваченной уже со всѣхъ сторонъ пламенемъ. Убѣдившись, что вода пожарныхъ трубъ не только не тушитъ, а больше усиливаетъ пламя, онъ отвелъ бочки и принялся ограждать сосѣднія строенія.

Вмѣстѣ съ полуротой прибылъ полицейскій приставъ и нѣсколько городовыхъ. Перебѣгая впереди солдатъ отъ одной кучки къ другой, приставъ, не

Digitized by Google

переставая, кричалъ и въ страшномъ возбужденіи требовалъ: то расходиться по домамъ, то помогать тушить, то не трогаться съ мѣста, то отстаивать сосѣднія зданія...

Народъ, повидимому, спокойно слѣдилъ за его движеніями. Съ разныхъ сторонъ слышались насмѣшливыя замѣчанія:

— Какой сердитый!.. Грудь-то, грудь! колесомъ!..

— Его бы на турку, всю дочиста сразу сничтожитъ!..

— Чего!.. званія бы не оставилъ!..

— А вы бы, ваше благородіе, пораньше сюда, поучить бы насъ, дураковъ, какъ ее палить-то: а то съ тѣхъ поръ пылаетъ, а все, проклятая, не сгорѣла, — съострилъ высокій, худосочный парень въ халатѣ.

Острота понравилась: кругомъ раздался смѣхъ. И приставъ съ городовыми кидался на дерзкихъ насмѣшниковъ, стараясь ихъ вырвать изъ толпы. Народъ, конечно, не давалъ. Однако, человѣкъ пять-шесть, преимущественно мальчишекъ, были такимъ образомъ переброшены къ солдатамъ и очутились окруженные штыками.

Вдругъ страшный крикъ раздался въ глубинѣ двора. Нѣсколько десятковъ голосовъ, точно по данному знаку, вырвались откуда-то и отчаянно потрясали воздухъ. Неистовая брань, проклятія, стоны, плачъ и похоронный вой—все слилось и смѣшалось въ какой-то безобразный хоръ.

Digitized by Google

Толпа сразу подалась туда, но солдаты быстрымъ движеніемъ преградили ей дорогу. Она остановилась, и лишь немногіе съ боковъ и черезъ сосѣдніе дворы прорвались и побѣжали по направленію криковъ. Офицеръ также направился туда, взявъ къ собою нѣсколько рядовыхъ.

Длинное, съ низкими каменными стѣнами строеніе было отведено подъ покойницкую временной больницы. Широкая, двустворчатая дверь посрединѣ была закрыта; сбоку — другая на тяжелыхъ замкахъ. Разсыпавшіеся по двору люди набрели на это зданіе и открыли дверь. Въ полосѣ свѣта, проникшаго внутрь, они увидѣли нѣсколько гробовъ, а дальше, въ тѣни на голой землѣ, виднѣлись трупы въ разныхъ положеніяхъ.

— Упокойники!—послышался шопотъ, и люди пріостановились у двери. — Царство небесное! — и нѣсколько человѣкъ, крестясь, боязливо прошли въ помѣщеніе. Осторожно ступая между гробами и покойниками, люди разсматривали лица умершихъ. Вдругъ молодой паренекъ съ испугомъ шепнулъ сосѣду:

— Мотри, Ваня, торкается, — и онъ указалъ на стоявшій въ сторонѣ гробъ.

Ваня уставился на гробъ. Этотъ шопотъ услышали другіе и приблизились. Гробовая крышка была значительно сдвинута; между нею и стѣнкой гроба зіяла широкая, темная щель. Когда стали прибли-

Digitized by Google

жаться къ гробу, крышка на немъ явственно дрогнула, и внутри послышался глухой стукъ.

— Сила крестная! — Люди подались назадъ, и тотъ самый малый, который ранѣе другихъ замѣтилъ движеніе крышки, опрометью выбѣжалъ изъ мертвецкой, крича: — живой! живой въ гробу! Батюшки! живой въ гробу!

Оставшіеся въ зданіи скоро оправились. Громаднаго роста, совсѣмъ сѣдой старикъ протискался впередъ.

— И впрямь живыхъ хоронятъ, окаянные! — и онъ сильнымъ толчкомъ сбросилъ гробовую крышку.

Въ гробу лежалъ живой человѣкъ. Онъ чуть слышно вздохнулъ, слабо шевеля рукою.

— Берись! чего смотришь!—загремѣлъ старикъ, и черезъ минуту гробъ былъ вынесенъ наружу.

Лежавшій въ гробу былъ въ грязномъ, больничномъ халатѣ, на которомъ, какъ и на доскахъ гроба, видны были обильные слѣды холерныхъ изверженій. Больной лежалъ на боку, повернувшись вверхъ темнымъ, почти уже посинѣлымъ лицомъ. Онъ дышалъ слабо; впалые, окруженные черной каймой, глаза его то открывались, то закрывались.

— Вотъ такъ-то, вотъ! Гляди, православные!— гремѣлъ старикъ народу, толпившемуся у гроба. — У-у-у! Окаянные! — Онъ потрясалъ сжатыми кулаками, и самъ весь трясся, какъ въ лихорадкѣ.

Произошло нѣчто невообразимое. Съ страшнымъ крикомъ отчаянія десятокъ человѣкъ ринулись въ

Digitized by Google

открытую дверь покойницкой, и черезъ минуту гроба были вскрыты и покойники вынесены во дворъ. Обезумѣвшая толпа, думая привести умершихъ въ чувство, качала, трясла ихъ, поливала и прыскала водой. Узнали-ли нѣкоторые родственниковъ своихъ и знакомыхъ между умершими, или просто по сочувствію — только среди всевозможныхъ криковъ, возгласовъ, ругательствъ и проклятій понесся душу раздирающій похоронный вой и плачъ. Кто-то указалъ на сосѣднюю запертую дверь и — вмигъ появилось громадное бревно; десятки рукъ его раскачали и высадили имъ дверь. Покойниковъ въ этомъ помѣщеніи не оказалось; были лишь разныя больничныя принадлежности и дезинфекціонные припасы. Все это было вынесено, разбито, розлито, изломано, изорвано и уничтожено.

Фролъ неистовствовалъ болѣе другихъ. Онъ кидался отъ одного мертвеца къ другому, трясъ ихъ, теръ, растиралъ, разжималъ окостенѣвшія челюсти, лилъ въ зіяющіе мертвые рты молоко, водку и все, что попадалось подъ руки, и въ безнадежномъ отчаяніи выкрикивалъ:—омрачились, голубчики, омрачились! Сумлѣли, сердешные! Господи! Спасе!..

Какъ могло случиться, что въ мертвецкой, среди десятка труповъ, очутился въ гробу еще живой, хотя видимо умиравшій человѣкъ? — этого никакъ выяснить не удалось. Впалъ-ли онъ въ глубокій обморокъ и, впопыхахъ, былъ сочтенъ за умершаго (смерть въ это время была явленіемъ обыденнымъ:

Digitized by Google

въ больницѣ ежедневно умирали десятки), или, что вѣроятнѣе, самъ, испугавшись нагрянувшей толпы, собралъ послѣднія силы и укрылся въ мертвецкой, гдѣ, накрывъ себя гробовой крышкой, медленно угасалъ, пока бушевала толпа? Несомнѣнно одно, и впослѣдствіи подтверждено очевидцами, въ томъ числѣ и командовавшимъ полуротой офицеромъ: толпа, дѣйствительно, въ одномъ изъ гробовъ нашла живого человѣка и въ этомъ получила потрясающее по своей очевидности доказательство ходившихъ въ народѣ нелѣпѣйшихъ слуховъ о томъ, что лѣкаря не только отравляютъ, но и живьемъ зарываютъ въ могилы.

Повидимому, и офицера озадачило это потрясающее зрѣлище. Онъ подошелъ къ мертвецкой какъ разъ въ тотъ моментъ, когда старикъ вновь поднялъ гробъ, чтобы вынести его на улицу къ народу.

— Гляди, ваше благородіе! гляди, батюшка, гляди, отецъ родной! Взойдите въ защиту!—Старикъ весь трясся и, нагнувшись, ловилъ губами руку оторопѣлаго офицера.

Между тѣмъ, больничное зданіе постепенно валилось. То съ той, то съ другой стороны, балка за балкой, обрушивались потолки, пока, наконецъ, съ трескомъ рухнулъ мезонинъ, пахнувъ громаднымъ столбомъ пламени и обсыпая дождемъ искръ. Больница сгорѣла до тла.

Толпа отхлынула и постепенно рѣдѣла.

Digitized by Google

Черезъ часъ громили другую городскую больницу, въ разстояніи версты отъ холерной, и, пока прибыли солдаты, квартира старшаго врача обращена была въ щепки. Самого зданія не тронули, убѣдившись, что холерныхъ больныхъ въ немъ не было.

Въ то же время на противоположной городской окраинѣ подступили къ губернской земской больницѣ и разгромили нѣсколько квартиръ. Въ числѣ бушевавшей черни были частью и тѣ, которые жгли холерную больницу. По крайней мѣрѣ, при погромѣ городской тотъ же огромный старикъ, который вынесъ гробъ, былъ видѣнъ въ первыхъ рядахъ, и его голосъ гремѣлъ надъ толпою.

Еще остатки толпы шатались около догоравшей больницы, вмѣсто уходившихъ появлялись новые, съ любопытствомъ разспрашивая и осматривая, какъ на одномъ изъ смежныхъ съ больницею дворовъ замѣтили человѣка, который, озираясь, пробирался межъ строеніями и плетнями. На немъ былъ форменный сюртукъ. Это былъ студентъ-медикъ пятаго курса Серединъ, приглашенный городскимъ управленіемъ на время эпидеміи въ холерную больницу. Скрывшись въ одномъ изъ амбарушекъ сосѣдняго двора, онъ просидѣлъ тамъ, въ смертномъ страхѣ, прислушиваясь къ шуму то удалявшейся, то у самыхъ стѣнъ его жалкаго убѣжища бушевавшей толпы. И ему казалось, что оглушительные крики народа относятся къ нему; что именно его, а не

Digitized by Google

кого другого, ищетъ эта толпа, и онъ ежеминутно ожидалъ, что она его откроетъ и растерзаетъ въ куски. Когда шумъ сталъ постепенно затихать, молодой человѣкъ не выдержалъ, выбрался осторожно изъ своего шалаша и сталъ пробираться къ площади, на которой не было скопленія народа.

Его замѣтили, но, къ счастью, лишь немногіе, шатавшіеся еще на заднемъ больничномъ дворѣ. Раздались крики:—Лѣкарь! лѣкарь! Молодой человѣкъ пустился бѣжать, какъ можетъ бѣжать человѣкъ, чувствующій, что за нимъ гонится сама смерть: ни плетни, ни заборы не задерживали его. За нимъ съ крикомъ погнались съ десятокъ человѣкъ.

Фролъ Савосинъ сидѣлъ, опустивъ голову около какого-то покойника, когда мимо него съ крикомъ пробѣжали люди. Онъ вскочилъ и понесся за ними, не зная, куда и зачѣмъ; но несся быстрѣе другихъ. Его свѣтлые волосы вѣеромъ развивались вокругъ головы; слетѣвшій съ ноги лапоть вмѣстѣ съ портянкой трепался, прыгалъ и бился на размотавшейся оборѣ. Шагахъ въ пятидесяти, перескакивая черезъ плетень, Фролъ зацѣпился, запутался и всею тяжестью тѣла рухнулся на землю. Очень-ли ужъ силенъ былъ ушибъ, или не выдержалъ организмъ сильныхъ потрясеній, испытанныхъ въ теченіе дня, только Фролъ остался на мѣстѣ.

Преслѣдуемый студентъ добѣжалъ до площади и наткнулся на раскрытыя ворота церковной ограды. Онъ бросился туда и самъ не помнилъ, какъ черезъ

Digitized by Google

какія-то двери очутился подъ бѣлымъ каменнымъ сводомъ, съ быстротою птицы поднявшись вверхъ по лѣстницѣ; онъ увидѣлъ себя прямо подъ церковными колоколами.

Его преслѣдователи проникли за нимъ въ ограду и въ первыя минуты разсыпались по церковному двору, ища его въ кустахъ акацій и сирени. Уже нѣкоторые готовы были проникнуть въ самое зданіе храма, какъ передъ ними, съ крестомъ въ рукахъ, появился настоятель церкви. Молодой, благообразный священникъ внушительно и строго обратился къ нимъ, требуя немедленно «отступиться отъ вратъ храма Господня». Люди кричали, ругались, указывали, что въ храмѣ скрылся убійца, грозили самому священнику; но пастырь не уступалъ, говоря, что если человѣкъ этотъ въ чемъ-либо виновенъ, то онъ «получитъ по закону осужденіе, а переступитъ порогъ Обители Христовой съ убійственнымъ намѣреніемъ» онъ не дозволитъ. И какъ ни волновались отдѣльные оборванцы, какъ ни кидались къ паперти, какъ ни подстрекали другихъ, но «переступить черезъ крестъ» не посмѣли. Люди остались въ церковной оградѣ и около нея, рѣшивъ, повидимому, караулить студента, въ ожиданіи прихода начальства.

Долго ожидали они здѣсь. Одни уходили, другіе приходили. Около сотни человѣкъ, какъ на бивуакѣ, лежало и сидѣло вокругъ церкви, когда уже къ вечеру пришла команда, освободила несчастнаго

Digitized by Google

Середина и, подъ охраной штыковъ, увела его къ дому полицейскаго управленія. Кстати забрала и всю караулившую его толпу.

Фролъ Савосинъ пролежалъ болѣе двухъ часовъ и, очнувшись, не сразу опомнился. Смутно носились у него въ головѣ пережитыя впечатлѣнія и событія дня, и онъ долго сидѣлъ неподвижно и смотрѣлъ на свою босую ногу, на валявшійся рядомъ на оборѣ лапоть, на продранные на колѣнѣ штаны. Наконецъ, всталъ и, тщетно поискавъ въ бурьянѣ свою шапку, медленно поплелся, и поплелся впередъ, потому что сзади былъ плетень. Пройдя широкимъ, густо заросшимъ дворомъ къ калиткѣ, выведшей его въ узенькій проулокъ, онъ затѣмъ черезъ другую улицу вышелъ на площадь. Здѣсь его вниманіе привлекли люди, лежавшіе бивуакомъ около церкви; онъ подошелъ и присѣлъ къ нимъ. Онъ молча слушалъ говоръ сосѣдей, молча поглядывалъ на колокольню, гдѣ спрятался «окаянный», и—все что-то припоминалъ. Ему казалось, что онъ забылъ или обронилъ что-то такое, что ему необходимо нужно было сейчасъ же поискать и найти. У кого-то изъ сосѣдей онъ увидѣлъ кувшинъ съ водою; онъ попросилъ и съ жадностью напился. Наконецъ, онъ вспомнилъ! Это былъ его Васянька, его порожнія телѣги, его односельцы на Сѣнной, съ которыми ему нужно возвращаться въ Копьевку «ко дворамъ». Онъ уже поднялся, чтобы идти на Сѣнную, какъ подошла команда и окружила церковь.

Digitized by Google

Фролъ не только не сопротивлялся, когда его забирали вмѣстѣ съ другими, но, напротивъ, находилъ это вполнѣ естественнымъ, даже необходимымъ. Какъ же? вѣдь онъ свидѣтель, свидѣтель-очевидецъ гроба, въ которомъ лежалъ живой человѣкъ!

Когда онъ увидѣлъ сведеннаго съ колокольни студента, окруженнаго штыками, онъ улыбнулся, и глаза его сверкнули побѣдоносно и злобно. — Такъ-то вотъ лучше! Порядокъ закона!.. Не бойсь, всѣхъ твоихъ милыхъ дружковъ сподручниковъ тожъ!.. Такъ-то прямѣй!.. Порядокъ закона...

И постепенно припоминая все видѣнное, онъ все болѣе оживлялся и возбуждался. Онъ всю дорогу, до самаго полицейскаго дома, кидалъ сосѣдямъ отрывочныя фразы, непонятныя для нихъ слова и два раза подбѣгалъ къ офицеру, ведшему команду, и возбужденно завѣрялъ его:—самъ видѣлъ, своими глазами видѣлъ, вотъ какъ тебя, батюшка, ваше благородіе, вижу! — И молодой офицеръ, не понимая, о чемъ такъ горячо толкуетъ ему этотъ оборванный, запыленный и, какъ ему казалось, выпившій человѣкъ, только строгимъ голосомъ покрикивалъ: — назадъ, въ кучу! не смѣть выходить за линію!

Фролъ былъ, правда, нѣсколько озадаченъ, когда его не пустили съ полицейскаго двора «сбѣгать на часокъ провѣдать мальчонку, Васяньку, да съ ребятами наказать бабѣ»; но скоро успокоился.—

Digitized by Google

«Что-жъ? тутъ тоже дѣло не малое! Васяньку ребята не бросютъ, а Домна, чай, сама свести стожокъ догадается, неравно здѣсь задержутъ».

«Ребята», дѣйствительно, не бросили Васяньку: и его, и двѣ пустыя телѣги Фрола они привезли въ Копьевку и сдали женѣ его Домнѣ. Васянька всю дорогу, до самого дома, ревѣлъ, повторяя за взрослыми: «тятяньку, должно, забрали».

XIII.

Какъ и съ чего началось буйство городской черни, съ точностью узнать не удалось. Одни указывали его начало на толкучемъ рынкѣ; другіе разсказывали, что на рынкѣ явилась уже толпа, собравшаяся гдѣ-то на одной изъ нижнихъ, прибрежныхъ улицъ. Поводомъ къ взрыву была, по разсказамъ однихъ, простая ссора у кабака, причемъ кто-то крикнулъ: караулъ! убили! Затѣмъ, уже, повидимому, безъ всякой логической связи и причины, народъ кинулся на амбулаторную пріемную, гдѣ обыкновенно сидѣлъ фельдшеръ и имѣлись медикаменты. Разсказывали также, что на какомъ-то дворѣ производили дезинфекцію: баба, съ крикомъ, что «оқаянные» отравили у ней мужа, выбѣжала на улицу и взволновала шатавшійся, по случаю праздничнаго дня, народъ.

Были и такія мнѣнія, что буйство подготовлено было еще наканунѣ и даже за нѣсколько дней; что

Digitized by Google

подстрекатели шныряли по кабакамъ и притонамъ, волнуя чернь и подготовляя ее къ имѣющему совершиться событію; приэтомъ будто народъ увѣряли, что избіеніе докторовъ и разрушеніе аптекъ кѣмъ-то предписано, такъ-какъ начальство не въ силахъ-де справиться съ «окаянцами».

Первыя движенія толпы были направлены исключительно на тѣ пункты, гдѣ, по ея мнѣнію, могла храниться отрава: аптеки амбулаторіи, больницы. Уже поднявшись до высшихъ предѣловъ возбужденія и не встрѣчая на своемъ пути никакого отпора, толпа накинулась на одну полицейскую часть и разгромила ее. Частныя помѣщенія остались, однако, не тронутыми, исключая тѣхъ немногихъ домовъ, гдѣ находились или предполагались квартиры врачей. Проходя мимо лавокъ и магазиновъ, толпа не только не кидалась туда, гдѣ имѣлось все для удовлетворенія грабительскихъ инстинктовъ, но успокоивала и ободряла торговцевъ, крича имъ, что ихъ она не тронетъ. И грабежа въ тѣсномъ смыслѣ слова, дѣйствительно, не было, если не считать незначительнаго количества вещей изъ разбитыхъ квартиръ, которыя затѣмъ оказались у разныхъ лицъ: толпа преимущественно уничтожала, а не похищала.

Уже далеко за полдень прекращены были безпорядки пришедшими изъ лагеря войсками, но почти всю ночь шатались еще по городу кучки народа, и шли толки о событіяхъ дня. Полиція, при помощи

Digitized by Google

солдатъ, усердно разгоняла эти кучки, причемъ, конечно, происходили недоразумѣнія, начинавшіяся съ остротъ и насмѣшекъ и кончавшіяся арестами: арестовано не мало народа, и, въ числѣ прочихъ, этой участи подверглись Гришка и Митька-Зубокъ.

Митька-Зубокъ, послѣ трудовой ночи на берегу, гдѣ ему пришлось выдержать свалку съ цѣлой толпой, проспалъ весь день. Послѣ полудня его разбудилъ Гришка, тоже не задолго передъ тѣмъ проснувшійся на сѣновалѣ, куда онъ ушелъ послѣ неудачныхъ преній въ людской.

— И-и-и! что было, Митрій Иванычъ, что было! Ужасти просто.—И Гришка вкратцѣ разсказалъ, что самъ успѣлъ узнать.

— Ты что же, дьяволъ, не разбудилъ меня?

— Да я самъ только сейчасъ глаза продралъ.

— А ты, принцесса,—обратился Митька къ вошедшей женѣ,—почему меня не разбудила?

— Будетъ съ тебя! За ночь довольно нагулялся. Тутъ и безъ тебя отъ страха не знаю, какъ душа въ тѣлѣ удержалась.

— У! Тварь!—и звонкая оплеуха раздалась въ маленькой уютной комнатѣ.

Ариша упала на диванъ и залилась громкимъ плачемъ.

— Какъ душа удержалась! Не бойсь, крѣпко, должно быть, сидитъ она въ тебѣ: дохнешь, дохнешь, а никакъ не сдохнешь.—Ариша еще громче залилась.

Digitized by Google

— За ночь нагулялся!—продолжалъ Митька, подойдя къ шкафу и нвливъ себѣ стаканъ водки.— Нѣтъ, съ тобой сидѣть, въ твои ясныя очи глядѣть!.. А человѣка-то тамъ убили.

И, смѣнивъ изорванный пиджакъ на другой, Митька, какъ былъ, грязный, немытый вышелъ въ сопровожденіи Гришки. У выхода онъ столкнулся съ Антонычемъ. Старикъ ничего не говорилъ, только укоризненно качалъ головою.

— Что мотаешь головой, монашка? Чего-жъ стоишь? Иди къ ней, утѣшай!

— Эхъ, Митя, Митя! Бога ты не боишься.

— А ты боишься! Плаксу жаль, а человѣка убили, не жаль. При тебѣ били, самъ видѣлъ, какъ терзали на куски. Это ничего? Митя! Митя!

— А она чѣмъ причинна?

— Чѣмъ причинна, чѣмъ причинна!—передразнивалъ Митька старика.—О, Господи, какъ опротивѣли, какъ всѣ опротивѣли!

— А ты Бога моли, что не былъ тамъ. Тому бы пользы не сдѣлалъ, а самъ бы безпремѣнно угодилъ, пожалуй, цѣлъ бы не остался. Чай, знаешь свой нравъ.

— Ну, остался бы или не остался, а этимъ баранамъ растерзать человѣка не далъ бы,—отвѣтилъ Митька, скрываясь за деревьями аллеи.

— Не отдалъ бы на терзаніе!—шепталъ, глядя ему вслѣдъ, Антонычъ.—А вотъ подраться случай

Digitized by Google

упустилъ, вотъ чего намъ жалко.—И Антонычъ вошелъ во флигель къ Аришѣ.

Митька пошелъ шататься по городу, переходя отъ одной кучки къ другой и прислушиваясь къ разсказамъ о событіяхъ дня. Не одно ругательство отпустилъ онъ по адресу буяновъ, и не одно проклятіе получили отъ него убійцы Поморскаго. Одинъ разсказчикъ, довольно игриво изображавшій сцену убійства, былъ неожиданно огорошенъ Митькой, бывшимъ въ числѣ слушателей.

— А тебя бы самого, скотина, вотъ на фонарный столбъ! Навѣрно, и самъ приложился: ужъ очень весело разсказываешь.

Разсказчикъ подался назадъ и смолкъ.

— А тебѣ что? Ишь какой! Фонарный столбъ!

— Вѣшайся самъ, коли хочешь,—послышалось съ разныхъ сторонъ.

— Расходись, расходись! не шумѣть тутъ! —раздался зычный повелительный голосъ, и человѣкъ шесть солдатъ съ приставомъ, тѣмъ самымъ, который былъ на пожарѣ холерной больницы, подошли къ кучкѣ.

— Расходись! что буянишь?—И приставъ сталъ передъ Митькой. Онъ, какъ и вся полиція, хорошо зналъ въ лицо извѣстнаго гуляку и буяна.

— Мы не буянимъ, ваше благородіе; мы такъ промежъ себя, — оправдывались люди, разступаясь.

— Ты чего стоишь, какъ дубина? — крикнулъ приставъ на Митьку, который не трогался съ мѣста.

Digitized by Google

— Я—ничего,—и Митька отпустилъ какую-то остроту.

— А, ты—дерзости!—и приставъ налетѣлъ на Митьку.—Взять его!

— За что меня брать? что я такое сдѣлалъ, что меня брать?—съ видимымъ спокойствіемъ возражалъ Митька, отстраняя руку пристава, теребившаго его лацканы. Недостаточно-ли мягко отстранилъ Митька эту руку, или произошло что-либо другое, только приставъ, почти не помня себя, кричалъ:

— А-а-а! ты еще... ты еще!.. Берите его!!.

Митьку окружили штыки.

— А этого, ваше бродіе?—спросили двое городовыхъ, державшіе бившагося у нихъ въ рукахъ Гришку. Приставъ вопросительно посмотрѣлъ на нихъ.

— А-аны, ваше бродіе, одинъ за одно; аны, ваше бродіе, другъ безъ дружки!..—пояснялъ городовой, рослый хохолъ Кондрачукъ, хорошо знавшій обоихъ пріятелей и не разъ испытавшій тяжелую руку Митьки-Зубка.

Арестовали и Гришку.

Въ числѣ инцидентовъ дня наиболѣе интереснымъ былъ арестъ Юліи Райской. Арестована она была при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Разгромивъ наполовину полицейскую часть, толпа двинулась по главной улицѣ, по направленію къ центральной городской площади. Куда собственно шла

Digitized by Google

толпа, — неизвѣстно. Шла она, конвоируемая съ обѣихъ сторонъ тѣмъ незначительнымъ числомъ солдатъ, которые спасли отъ разгрома городскую больницу, и появленіе которыхъ вынудило буяновъ оставить полицейскую часть. Толпа шла шумно и весело, не проявляя, повидимому, никакого желанія продолжать буйство. Можетъ быть, присутствіе хотя незначительной, но все же вооруженной силы ее удерживало. Производило впечатлѣніе, что тысячная толпа двигалась не по своему произволу, что ее вели эти два десятка солдатъ, которые шли позади и по бокамъ ея. Люди весело разговаривали межъ собою и съ массой любопытныхъ, пристававшихъ на ходу; а впереди мальчишки играли, прыгали и гонялись за какой-то небольшой комнатной собаченкой. Когда толпа приблизилась къ выходу, ее тутъ встрѣтило довольно внушительное число солдатъ, успѣвшихъ прибыть изъ лагеря. Здѣсь былъ и командующій генералъ, и губернскія власти, и большая масса любопытныхъ изъ разныхъ слоевъ общества, которыхъ, при всемъ стараніи, полиціи никакъ не удавалось удалить.

Произошли объясненія. Наиболѣе смѣлые изъ толпы выступили съ своими жалобами, не слушая ни упрековъ, ни увѣщаній. Эти смѣльчаки были взяты и переброшены въ ряды солдатъ. Толпа заволновалась; послышались угрожающіе возгласы.

Генералъ потребовалъ—разойтись. Потому-ли, что буяны окружены были посторонней публикой,

Digitized by Google

или по другой причинѣ, только та масса, которая стояла непосредственно передъ войсками, не двигалась съ мѣста. Требованіе было нѣсколько разъ повторено съ предупрежденіемъ, въ случаѣ неповиновенія, употребить въ дѣло оружіе, но толпа не двигалась...

Раздался залпъ. Въ паническомъ страхѣ побѣжала назадъ масса народа, толкая, опрокидывая и давя другъ друга. Но была это преимущественно посторонняя публика, любопытные. Буяны же, послѣ первыхъ минутъ испуга, увидѣвши, что залпъ былъ холостой, еще тѣснѣе сплотились и пріободрились.

— Врутъ, ребята! шутки! Не смѣютъ бить! За что? Нѣшто мы турки?

При второмъ залпѣ положено было нѣсколько боевыхъ патроновъ, и два или три человѣка въ толпѣ свалились.

Юлія Райская стояла у самаго выхода на площадь, прижатая къ дверямъ углового магазина. Впереди ея былъ мальчикъ лѣтъ десяти, босоногій, безъ шапки. Когда раздался залпъ, мальчикъ вскрикнулъ и упалъ. Пуля пробила ему мякоть ноги и прошла въ дверь магазина. Юлія кинулась къ мальчику.

— Убили! убили ребенка! Воды! доктора скорѣе! Ужасно, безбожно!—И Юлія, не помня себя, металась надъ мальчикомъ, рвала свой носовой платокъ, не знала, какъ остановить кровь, которая

Digitized by Google

лилась изъ раненой ноги и изо рта мальчика, расшибшаго себѣ при паденіи челюсть. Два солдата подняли раненаго. Отъ испуга-ли, или отъ ушиба онъ лишился чувствъ. Юлія бросилась за нимъ, продолжая волноваться, плакать и осыпать упреками военныхъ, стрѣлявшихъ въ народъ. Это усиливало возбужденіе массы. А такъ какъ Юлія не унималась, то ее вывели въ задніе ряды, а затѣмъ отвели въ полицейскую часть, которая находилась на той же площади.

Ее, конечно, въ тотъ же вечеръ освободили; но случай этотъ произвелъ сенсацію, и вызвалъ толки въ обществѣ. Серьезные и глубокомысленные люди покачивали головами и высказывали серьезныя и глубокомысленныя предположенія; легкомысленные и шутники—сочиняли анекдоты. Разсказывали, что Юлія предводительствовала толпой, дала сраженіе регулярнымъ войскамъ и, разбитая на голову, сложила оружіе и сдалась въ плѣнъ. Нашелся даже риѳмоплетъ, который сочинилъ стишки на веселенькій мотивъ, хорошо извѣстный посѣтителямъ лѣтняго увеселительнаго заведенія. Въ этой пѣснѣ изображалось затруднительное положеніе полицеймейстера, когда онъ увидѣлъ Юлиньку, которая носилась «Орлеанской Жанною передъ толпою пьяною».

Хоть храбрости испытанной,
Но—человѣкъ воспитанный —

Digitized by Google

Онъ драться вѣдь съ дѣвицею
Не могъ послать полицію.

И послѣ каждаго куплета отъ лица полицей-мейстера повторялся рефренъ:

Забрать ихъ въ часть могу-ли я,
Коль во главѣ ихъ Юлія?

Всѣхъ больше этимъ стишкамъ смѣялась сама Юлія и впослѣдствіи, подъ акомпаниментъ фортепьяно, сама ихъ распѣвала и заставляла пѣть другихъ.

На другой день послѣ безпорядковъ власти приступили къ слѣдствію. Черезъ нѣсколько дней добрались до Сергѣя Бирюкова, и вмѣстѣ съ нимъ были арестованы почти всѣ люди князя Кейстутъ-Вилинскаго, въ томъ числѣ старикъ Антонычъ и черная кухарка Авдотья, «маркграфиня».

XIV.

Холерные безпорядки и возникшее затѣмъ слѣдствіе непріятно отразились на князѣ Кейстутъ-Вилинскомъ и даже нѣсколько задѣли его общественное положеніе.

Князья Кейстутъ-Вилинскіе вели свой родъ изъ Литвы. Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ подъ Москвою служилъ въ чинѣ капитана отецъ нашего Александра Владиславовича, князь Владиславъ Казиміровичъ

Digitized by Google

Кейстутъ-Вилинскій, уже православный по матери, дочери какого-то секундъ-маіора.

Красивый, скромный капитанъ былъ вхожъ въ домъ извѣстнаго въ то время богача Злобкова, понравился матери и приглянулся дочери Варѣ. Съ этой Варей, послѣ смерти ея отца и единственнаго брата, къ капитану перешло все огромное состояніе Злобкова, которымъ онъ, однако, не долго пользовался: онъ умеръ въ холеру сорокъ восьмого года, оставивъ жену съ двумя дочерьми и десятилѣтнимъ сыномъ, Сашей. Саша росъ на рукахъ болѣзненной, религіозной матери, окруженный нянъками, гувернантками, приживалками и богомолками. Его готовили въ университетъ; но, вмѣсто университета, онъ въ двадцать лѣтъ, въ чинѣ корнета Б—ского гусарскаго полка, очутился въ большомъ малороссійскомъ мѣстечкѣ, Самойловкѣ, гдѣ стоялъ его эскадронъ. Пять лѣтъ прожилъ онъ тамъ. Скромный, молчаливый и застѣнчивый, онъ жилъ не по-гусарски и далеко ниже своихъ средствъ. Товарищи называли его княжной. У хозяина его квартиры была красивая дочка, Одарка. Въ концѣ пятаго года въ Самойловку пріѣхала княгиня Варвара Тихоновна и, послѣ долгихъ усилій при содѣйствіи старика эскадроннаго командира, сплавила Сашу въ городъ, въ полковой штабъ, а Одарку увезла съ собою. Одарка черезъ три мѣсяца родила сына Митю, а Саша черезъ три года женился на дочери директора гимназіи, Софьѣ Никаноровнѣ Бойченко.

Digitized by Google

Первые годы послѣ женитьбы князь провелъ въ чужихъ краяхъ, наѣзжая лишь не надолго въ столицы; затѣмъ поселился въ Копьевкѣ, а по зимамъ жилъ въ городѣ. Совершенно неожиданно для себя и помимо своей воли попалъ онъ сначала въ уѣздные, а потомъ въ губернскіе предводители.

Въ дворянской средѣ, послѣ холерныхъ безпорядковъ, нѣкоторую пищу чувству недовольства противъ князя дало то обстоятельство, что, по возникновеніи слѣдствія, почти всѣ люди его были привлечены и частью арестованы. Какъ-то вскорѣ распространился слухъ, что въ числѣ арестованныхъ самымъ главнымъ дѣятелемъ, подстрекателемъ и чуть не убійцею Поморскаго оказывается нѣкій Митька-Зубокъ; что этотъ Зубокъ — никто иной, какъ незаконный сынъ князя, прижитый съ какой-то полькой, и самъ чуть не скрытый католикъ.

Какъ чернь, потрясенная ужасомъ небывалой смертности, въ паническомъ страхѣ искала то «шмару», то «англичанку» и готова была вѣрить всякому нелѣпому слуху, такъ и общество, ошеломленное бунтомъ, пустилось въ область самыхъ фантастическихъ предположеній, догадокъ и подозрѣній. Оно не хотѣло видѣть въ безпорядкахъ простого проявленія темноты грубой, всегда и вездѣ подозрительной массы; напротивъ, оно готово было объяснять себѣ событія всѣмъ, чѣмъ угодно, только не этой простой и дѣйствительной причиной. Оно также, какъ и чернь, искало «шмару» и «англи-

Digitized by Google

чанку», только въ образѣ зловредныхъ подстрекателей всѣхъ возможныхъ наименованій и націй, цѣлей и стремленій.

— Нѣтъ, батенька, тутъ не холера! Не вчера родились: не проведете. Ищите поглубже!

— Не повѣрю я, что эти оборванцы не знаютъ, что такое холера. Пустяки! Развѣ они ее не видѣли въ сорокъ восьмомъ году?

— Какое въ сорокъ восьмомъ! Въ Т. въ 1871 была холера и почище нашей, а бунта не было. Нѣтъ, работали люди, по хитрѣе этихъ оборвышей.

— А вы развѣ не слышали, какъ при разгромѣ аптеки играли на фортепьяно, да еще что!..

— А что?

— Марсельезу, вотъ что.

— Нѣтъ, не марсельезу, Ѳедоръ Акимычъ; я слышалъ, что польскій гимнъ.

— Польскій гимнъ это—въ другомъ мѣстѣ. Ну, пускай и польскій гимнъ. Что жъ, по вашему, это береговые крючники да солемолы играли польскій гимнъ на фортепьяно?

— «Дубинушку» пѣли, когда шли на полицейскую часть! Это кто, по вашему, пѣлъ? Тоже крючники оборванцы?

— А вотъ этотъ Зубокъ или Зубковъ — главный зачинщикъ и руководитель: онъ, говорятъ, пофранцузски объясняется, что твой Тайлеранъ. Вотъ

Digitized by Google

и ихъ превосхидительство знаютъ. Не такъ-ли ваше пр-во?

— Говорятъ, что онъ жилъ у князя?

— Какое жилъ! Говорятъ, — онъ прямо сынъ его отъ какой-то шляхтянки и по сейчасъ, говорятъ, католикъ. Мать тоже, говорятъ, до сихъ поръ гдѣ-то у князя въ имѣніи живетъ. Не правда-ли, ваше пр—во?

— Да, кажется, князь этому Зубку приходится родственникомъ... что-то въ родѣ отца... съ материнской, знаете, стороны,—острилъ генералъ Сергѣй Сидорычъ.

Такъ говорилось въ буфетной дома дворянства, гдѣ засѣдало экстренное собраніе губернскаго земства, созваннаго вслѣдъ за безпорядками. Говорили, слушали и вѣрили, и никому не приходило въ голову всмотрѣться по ближе, убѣдиться—вѣрны-ли слухи о марсельезѣ, о польскомъ гимнѣ, и т. д.; вѣрили и съ нетерпѣніемъ ждали скорѣйшей защиты, скорѣйшаго освобожденія отъ давившаго всѣхъ страха, скорѣйшаго прекращенія и искорененія смуты и, въ особенности, наказанія, примѣрнаго строгаго наказанія. Одинъ сухой, какъ сталь упругій нѣмецъ, овцеводъ, долго служившій у богатаго барина и по смерти его женившійся на его весьма пожилой вдовѣ, заявилъ, что «безъ смертній казнъ нелзя приводитъ къ порядокъ: русскій человэкъ ни доволно лойалъ». И многіе соглашались

Digitized by Google

съ нимъ и готовы были просить смертной казни для русскаго человѣка.

При такомъ общемъ настроеніи росло чувство недовольства и недовѣрія къ князю. Это отношеніе къ нему общества сказалось даже въ преніяхъ гласныхъ. Одинъ извѣстный своими либеральными взглядами гласный высказалъ, что «въ холерныхъ безпорядкахъ извѣстную долю отвѣтственности несетъ само земство своимъ равнодушіемъ и небрежностью къ народному образованію».

Пошли пренія; оказалось, что бесѣды съ народомъ даже о пользѣ дезинфекціи имѣетъ право вести лишь одно непосредственное начальство и, въ извѣстномъ случаѣ, духовенство. Сдѣлано предложеніе: ходатайствовать, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, о дозволеніи постороннимъ лицамъ собирать для этой цѣли сельскіе сходы.

Князь находилъ такую мѣру весьма цѣлесообразной и высказалъ, что народъ, за рѣдкими исключеніями, дѣйствовалъ «слѣпо, какъ дитя»; что отсутствіе грабежей доказываетъ, что «эти ослѣпленныя дѣти» стремились, правда, въ дикой и безобразной формѣ, но, въ сущности, «лишь къ самозащитѣ», самозащитѣ, съ ихъ точки зрѣнія, «необходимой и справедливой»; что безпорядки могутъ повториться, и жалко, какъ «невинныхъ жертвъ, такъ и этихъ ослѣпленныхъ дѣтей»...

Поднялся гласный изъ консерваторовъ. Молодой, краснорѣчивый, съ высшимъ образованіемъ и со-

Digitized by Google

стоятельный человѣкъ, онъ обращалъ на себя общее вниманіе и своими воззрѣніями, и своею благовоспитанностью, и тактомъ. «Le beau Serge» называли его дамы; «нашъ будущій предводитель», говорили о немъ мужчины. Съ несвойственною ему запальчивостью заговорилъ онъ противъ предложенія, кидая вызывающіе взгляды въ сторону князя.

— Кто поручится,—говорилъ онъ,—что народу будутъ даны надлежащія разъясненія? Кто эти объяснители? Кто учители? Кто поручится, что затѣмъ послѣдуетъ именно успокоеніе, что разсѣется туманъ этихъ, какъ намъ говорятъ, наивныхъ дѣтскихъ мечтаній, что прояснится мракъ этихъ, какъ намъ говорятъ,—я, милостивые государи, едва рѣшаюсь повторить!—добросовѣстныхъ заблужденій? Кто поручится, что, напротивъ, не окрѣпнутъ нѣкія надежды, не окрылятся, можетъ быть, *съ извѣстной точки зрѣнія*, и добросовѣстныя, но ужъ никакъ не наивныя вожделенія? У насъ есть кому разъяснять: надъ нами есть, слава Богу, законная власть, у насъ есть и судъ. И этому дѣлу, вѣроятно, предстоитъ судъ. Будемъ же надѣяться, что съ Божьей помощью, разъясненія будутъ даны, и—разъясненія надлежащія!..

— Вѣрно! хорошо!.. правильно!.. браво! Будутъ даны!.. даны безъ насъ!

И предложеніе съ трескомъ провалилось.

— Прекрасно, мой дорогой другъ, прекрасно!—говорилъ генералъ Сергѣй Сидорычъ, крѣпко по-

Digitized by Google

жимая руку молодому оратору.—Конечно, дѣтей жалко, очень жалко, *въ особенности своихъ собственныхъ дѣтей!*—добавилъ онъ, съ значительной улыбкой оглядывая присутствующихъ.

Сергѣй Сидорычъ въ эти тревожные дни занялъ въ глазахъ общества выдающееся положеніе. Обыкновенно любезный, шутливо-снисходительный, онъ сталъ сдержаннѣе, молчаливѣе и важнѣе. Неудостоивавшій прежде земскаго собранія своими посѣщеніями, хотя и постоянно заочно избираемый въ гласные, онъ на этотъ разъ являлся каждодневно, сидѣлъ, слушалъ и загадочно молчалъ. И только въ перерывахъ, когда гласные кружками спорили, горячились, сѣтовали и въ особенности обвиняли безъ разбора всѣхъ и вся,—Сергѣй Сидорычъ, какъ бы мимоходомъ, процѣживалъ сквозъ зубы:—я вѣдь это *имъ* давно говорилъ, давно *имъ* предсказывалъ; или: *они* меня, конечно, поймутъ, но, можетъ быть, слишкомъ поздно.

Никто, конечно, въ точности не зналъ, кто такіе эти *они*, кому онъ говорилъ и предсказывалъ и которые его не послушали; но именно эта неизвѣстность, эта загадочность придавала его словамъ, словамъ «почти сановника» большой вѣсъ и значеніе. Его слушали, ему внимали, покачивали головами и даже вздыхали по поводу того, что *они* въ свое время его не послушали.

И Сергѣй Сидорычъ становился съ каждымъ днемъ все важнѣе и загадочнѣе и все болѣе фыр-

Digitized by Google

калъ, какъ въ сторону предводителя, такъ и губернатора. Къ этому фырканью относились съ тѣмъ большимъ вниманіемъ, что объясняли его отнюдь не какою-либо завистью, а именно высшими соображеніями государственнаго свойства. Онъ даже какъ-то разъ выразился:—у меня былъ одинъ такой губернаторъ,—и хоть всѣмъ извѣстно было, что онъ никогда не занималъ такого служебнаго положенія, при которомъ «у него» могъ быть губернаторъ, и все же слушали, внимали, ходили, ѣздили къ нему, совѣтовались съ нимъ и поучались.

— Не суды, не судебныя пренія и не адвокатское краснорѣчіе намъ нужны, а—мѣры, мѣры, мой дорогой!—сказалъ онъ однажды въ обществѣ. И всѣ согласились, что нужны «мѣры» и—ждали мѣръ.

— Не знаю, догадаются-ли *они тамъ* и достаточно-ли *они* освѣдомлены?—сказалъ онъ въ другой разъ.—И всѣ искренно желали, чтобы Сергѣй Сидорычъ *ихъ* надоумилъ и надлежащимъ образомъ *ихъ* ознакомилъ съ положеніемъ вещей.

А Сергѣй Сидорычъ многозначительно молчалъ, не отнимая, впрочемъ, надежды, что онъ, можетъ быть, и заговоритъ, гдѣ слѣдуетъ, и укажетъ, кому слѣдуетъ.

Mon Aldegonde
La blonde
Doit plaire à tout de monde...

напѣвалъ онъ, входя въ свою холостую квартиру,

Digitized by Google

старинную шансонетку, заученную имъ еще въ молодые годы:

Doit plaire, doit plaire
Doit plaire à tout le monde!..

выводилъ онъ, игриво раскачиваясь, и счастливо улыбался, припоминая, съ какимъ глубокимъ уваженіемъ внимало ему въ этотъ вечеръ довѣрчивое общество, съ какимъ упованіемъ взирали на него и чуть не молили о помощи...

Такъ росъ авторитетъ губернскаго «почти сановника», и значеніе его подымалось. Подъ конецъ онъ сталъ дѣлать намеки, «какъ бы самому не пришлось проѣхаться *туда*, хотя и очень не хочется», и въ концѣ лѣта онъ, дѣйствительно, уѣхалъ.

XV.

Князь не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣчать этого отношенія къ нему общества. Его гораздо больше заботили Митя и Антонычъ. О послѣднемъ онъ былъ убѣжденъ, что онъ арестованъ безвинно. Онъ зналъ, что старикъ «не способенъ мухи обидѣть», и былъ совершенно спокоенъ за него: «разъяснится и освободятъ».

Другое дѣло—Митя. Какъ ни увѣряла его Ариша, что Митя во время безпорядковъ весь день проспалъ, ему не вѣрилось: онъ зналъ, какъ Ариша любитъ своего грубаго буяна. И чѣмъ менѣе онъ ей вѣрилъ, чѣмъ болѣе сомнѣвался, чѣмъ яснѣе

Digitized by Google

представлялъ онъ себѣ Митю въ толпѣ дикой, бунтующей черни, тѣмъ болѣе становилось ему больно и за себя, и за Митю, тѣмъ болѣе подавляло его уже не разъ охватывавшее его сознаніе своей виновности передъ этимъ буйнымъ, необузданнымъ Митей. Не онъ-ли самъ виноватъ въ томъ, что Митя вышелъ такимъ человѣкомъ? Пусть первые годы его дѣтства онъ не обращалъ вниманія на его воспитаніе: самъ былъ молодъ и глупъ. А послѣ? Митѣ не было еще двухъ лѣтъ, какъ покойная княгиня выдала замужъ его мать, его же оставила при себѣ. Мальчикъ росъ, зналъ, что отецъ его—буфетчикъ Иванъ, мать—Одарка, и въ то же время старую княгиню называлъ бабушкой. Бабушка-княгиня его баловала, даже гувернантку взяла въ домъ, но скоро умерла. Въ семьѣ буфетчика Ивана Митя чувствовалъ себя чужимъ, въ особенности, когда умерла его мать, до самой смерти оставшаяся хохлушкой Одаркой, до самой смерти не привыкшая къ чуждой ей великорусской средѣ. Въ четырнадцать лѣтъ мальчикъ узналъ тайну своего рожденія, и—убѣжалъ отъ Ивана.—Бѣдный Митя! Прямо бы взять къ себѣ слѣдовало послѣ смерти матушки. Правда,—Софи... Ну, что жъ Софи? Немного настойчивости и характера, и—только. А главное, правду, правду не слѣдовало скрывать отъ него. Все равно узналъ, только узналъ отъ другихъ; родной же отецъ скрывалъ отъ него, отталкивалъ его! Бѣдный Митя!.. Развѣ это могло навсегда остаться

Digitized by Google

тайной для него? И запись изъ церковной книги какъ-то добылъ.

— Я, говоритъ, незаконнорожденный сынъ дѣвицы малороссіянки Одаріи Остапенковой.—Малороссіянка Одарія Остапенкова! Такъ перевелъ на русскій языкъ хохлацкую Одарку старичекъ священникъ, крестившій Митю. Лучше не съумѣлъ...

— И что за диво эти дебоши и это пьянство, и... эта женитьба на дочери сельского писаря! Какъ ему не ожесточиться? Другой бы на его мѣстѣ, можетъ быть... а у этого нравъ дѣда, и нравъ и сила казака Остапенка... Бѣдный Митя!.. А какой хорошій мальчикъ былъ, и—теперь въ душѣ совсѣмъ не злой человѣкъ... Какъ любитъ Леночку! Ко мнѣ—какъ-то желчно; къ Софи еще хуже; къ своимъ дѣтямъ будто совсѣмъ равнодушенъ, а къ Леночкѣ...

— Ты хотѣла бы быть моей сестрой, Леночка?

— Конечно, Митя, хочу!

— Но вѣдь ты княжна; а я, я... простой мужикъ.

— Такъ что жъ! Я тебя, Митя, люблю очень, ты хорошій!..

Думалъ,—никто его не слышитъ. И какъ цѣловалъ Леночку, какъ цѣловалъ!.. Бѣдный Митя!.. Теперь, можетъ быть, обвинятъ, заключатъ въ тюрьму, а то, пожалуй, засудятъ и... сошлютъ! Бѣдный мой Митя!..

. . . . . .

Digitized by Google

Вбѣжала Леночка, въ нѣсколько прыжковъ очутилась на колѣняхъ у отца и ручками обвила его шею.

— Миссъ говоритъ, что мы завтра переѣзжаемъ въ Копьевку. Правда, папочка?

— Да, милая; вы завтра ѣдете.

— А ты, папочка?

— Я пріѣду послѣ, черезъ нѣсколько дней.

— Нѣтъ, папа, поѣзжай и ты; я не люблю, когда ты не ѣдешь.

— Что жъ, дѣточка, нѣсколько дней пробудешь съ мамой, а послѣ и я пріѣду.

— Я не люблю; я люблю когда и папа и мама.

Князь цѣловалъ ея мягкіе, волнистые волосы. Леночка замѣтила грустное выраженіе его лица.

— А тебѣ, папочка, не скучно безъ мамы?— спросила Леночка, глядя на большой портретъ старой княгини, висѣвшій въ кабинетѣ князя.

— Что, Леночка?

— Безъ мамы тебѣ не скучно?

— Вѣдь я черезъ нѣсколько дней пріѣду къ тебѣ и къ мамѣ!—со вздохомъ отвѣтилъ князь.

— Нѣтъ! безъ твоей мамы, безъ этой, безъ бабушки,—пояснила Леночка. И вновь взглянувъ въ лицо князю, припала къ нему.—Бѣдный папочка! тебѣ скучно безъ твоей мамы.

— Нѣтъ, моя крошечка! нѣтъ, моя маленькая! съ тобою мнѣ не скучно. Ты—моя и мама, ты—моя и сестра, ты—моя и доченька.

Digitized by Google

Глаза князя подернулись влагой; въ голосѣ слышалось слабое, почти старческое дрожаніе, какого Леночка раньше не слыхала.

— Лошади поданы!—доложилъ лакей, и вслѣдъ за нимъ на порогѣ показалась княгиня.

— Я не знаю, Alexandre, зачѣмъ ты непремѣнно хочешь ѣхать *туда*? Мнѣ кажется,—предоставить, пока выяснится.

Князь молчалъ.

— У *нихъ* есть все, что нужно; каждый день посылается. А ты непремѣнно самъ добиваешься свиданія, пока не выяснено...

Князь продолжалъ молчать.

Подъѣхалъ экипажъ губернатора.

— Андрей Павловичъ, помогите, пожалуйста, мнѣ уговорить князя отложить свиданіе на время, пока выяснится.—По тону видно было, что княгиня не въ первый разъ объ этомъ говоритъ съ губернаторомъ.

— Да, я тоже полагалъ бы, пока...

— Не заподозрятъ-ли и меня въ сочувствіи и подстрекательствѣ?—нѣсколько рѣзко перебилъ его князь,—и, какъ бы самъ озадаченный тономъ своей фразы, мягко прибавилъ;—Простите, Андрей Павловичъ! Посидите съ женою, я скоро возвращусь. Мы вѣдь завтракаемъ вмѣстѣ, не правда-ли?

Но видѣть Антоныча и Митю князю не пришлось.—Приказано никому не дозволять свиданія, никому,—какъ бы извиняясь, доложилъ тюремный

Digitized by Google

смотритель.—А что касается до крестьянина Дмитрія Зубкова,—прибавилъ онъ,—такъ этотъ въ секретной камерѣ. Впрочемъ, для васъ, ваше сіятельство, вѣроятно будетъ исключеніе. Если прикажете, я спрошу по телефону.

Но князь поблагодарилъ смотрителя и уѣхалъ.

Digitized by Google

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Большое зданіе казармъ нарочно приспособлено къ засѣданіямъ военнаго суда. Оно тщательно охраняется. Еще съ утра, подъ строгимъ карауломъ, приведены сюда подсудимые, слишкомъ полтораста человѣкъ. На большой площади почти не видно народа, лишь у деревянныхъ навѣсовъ мелкихъ торговцевъ—небольшое движеніе, да съ десятокъ возовъ съ сѣномъ у городскихъ вѣсовъ. Взадъ и впередъ, по направленію къ городу и обратно, быстро проносятся отдѣльныя фигуры жандармовъ, казаковъ и конныхъ стражниковъ. Различные экипажи и извощичьи пролетки то и дѣло подъѣзжаютъ и отъѣзжаютъ, ссаживая у узкаго подъѣзда казарменнаго дома разное военное и гражданское начальство, а также и постороннюю публику.

Вдали, на самомъ концѣ площади, у выхода ея къ городской окраинѣ—десятка два пустыхъ крестьянскихъ телѣгъ. Полиція давно сюда оттѣснила съѣхавшихся съ разныхъ сторонъ родныхъ и близкихъ подсудимымъ. Отпряженныя лошади въ хому-

Digitized by Google

тахъ, жуютъ разбросанные клочки сѣна; деревенскіе бабы и мужики расположились кучками у телѣгъ. У одной изъ нихъ стоитъ жена Фрола, Домна Савосина. Подъ отдувающєюся полой кафтана, закутанный съ головой, попискиваетъ ея грудной ребенокъ. Она слегка треплетъ рукою по кафтану и, равномѣрно покачиваясь, старается усыпить безпокойнаго пискуна. Кругомъ—ни малѣйшаго шума. Молчаливыя, бородатыя лица издали смотрятъ на большое трехъэтажное зданіе суда, на сверкающіе около ряды штыковъ, на мелькающіе кепи и султаны. Лишь изрѣдка слышится не громкій говоръ, доносится короткая, отрывистая рѣчь.

— Пять годовъ въ ученьи былъ Съ Ѳоминой хозяинъ жалованье положилъ.

— Много-ль?

— Четыре двадцать.

— Помочь...

— Когда не помочь . . . . . .

. . . . . .

— Твово въ чемъ?

— Въ фершалѣ.

— Винится?

— Христомъ клянется: бывать не бывалъ, видать не видалъ. Весь день, говоритъ, на Острову съ ребятами гуляли.

— Какъ-же?

— Пьянаго въ полночь: пѣсни играли, они ихъ разгонять, а имъ, дуракамъ, смѣхъ . . . . . .

Digitized by Google

— Авдѣя-то пулей во гдѣ достигло! Хомутъ блияу каретника мазалъ.

— Ну?

— Пришелъ въ больницу: отколь, значитъ, пуля?.. Шабашъ!..

— А не былъ?

— Ни Боже мой! то-есть, званія... . . . . .

. . . . . .

— Ну, Савка что! отъ него и въ дому житья не было.

— Чего! старуха сколько разъ въ волостную водила.

— А нонѣ, поди, убивается.

— Пожалуй, убивайся . . . . . .

. . . . . .

— Сегодня, должно, отпущать еще не станутъ?— обратилась Домна къ одному мужику, постарше другихъ.

Старикъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на незнакомую бабу и ничего не отвѣтилъ.

Домна во время слѣдствія раза три всего, да и то сквозь тюремную рѣшетку, видѣлась съ своимъ мужемъ и, съ его словъ, все ждала его возвращенія. Прослышавъ объ открытіи суда, она съ ранняго утра пришла въ городъ и вмѣстѣ съ другими долго ждала на улицѣ, у тюремной ограды. Передъ тѣмъ какъ выводить арестантовъ, жандармы оттѣснили въ сторону всѣхъ постороннихъ лицъ, и Домна, какъ ни старалась, не могла, сквозь штыки и въ

Digitized by Google

массѣ подсудимыхъ, разглядѣть своего мужа. Ей какъ-то издали мелькнула знакомая фигура, длинная свѣтлая борода, очень побѣлѣвшее лицо; но, подъ арестантской шапкой, въ длинномъ арестантскомъ халатѣ, Домна не узнала своего Фрола... Вмѣстѣ съ другими пошла она за арестантами къ зданію суда и вмѣстѣ съ другими остановилась среди крестьянскихъ телѣгъ.

— Должно, сегодня еще не отпустютъ,—шопотомъ отвѣтила сама себѣ Домна и стояла, продолжая укачивать ребенка.

Она видѣла, какъ никого изъ постороннихъ близко не допуская, провели арестантовъ обѣдать въ острогъ, какъ затѣмъ ихъ провели обратно въ судъ,— и все стояла.

Кой-кто изъ мужиковъ запрягли лошадей и разъѣхались. Она все стояла и ждала.

Уже почти подъ вечеръ маленькій, корявый мужичекъ, который и ранѣе поглядывалъ на нее, тоненькимъ голосомъ обратился къ ней:

— Чья будешь?

— Изъ Копьевки.

— Кто, сынъ?

— Хозяинъ.

Онъ отрѣзалъ большой кусокъ ситнаго хлѣба, который въ это время ѣлъ, посолилъ и подалъ ей:— Что-жъ? развѣ весь день что-ль такъ, не ѣвши.

Домна взяла хлѣбъ и стала ѣсть, покачивая ребенка.

Digitized by Google

Уже сумерки спустились, когда она ушла съ площади и поплелась обратно въ Копьевку.

II.

Въ большомъ высокомъ залѣ, вдоль стѣнъ, въ три ряда, на скамьяхъ сидятъ подсудимые. Около длинныхъ, покрытыхъ сукномъ столовъ суетятся секретари; адвокаты ворочаютъ толстые томы дѣлъ, перелистываютъ, читаютъ, дѣлаютъ замѣтки и выписки. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ то и дѣло входятъ и выходятъ черезъ боковую дверь, передаютъ шопотомъ распоряженія то секретарямъ, то дежурнымъ офицерамъ. Двое рослыхъ рядовыхъ, безъ оружія, по домашнему, переставляютъ, по указанію офицера, кресла за судейскимъ столомъ и передвигаютъ самый столъ, заваленный грудою бумагъ. Немногочисленная и, судя по костюмамъ, избранная публика шопотомъ переговаривается, съ любопытствомъ разглядывая подсудимыхъ.

— На кра-а-а-улъ!—раздалась команда дежурнаго офицера. Изъ боковой двери показался предсѣдатель суда, высокій, худощавый, въ жирныхъ генеральскихъ эполетахъ. Онъ скромно прошелъ въ дверь, привѣтливо отвѣчая на поклоны окружающихъ.

— Здравія желаемъ, ваше ссство-о-о!—гулко пронеслось по залѣ.

Не смотря на скромную фигуру предсѣдателя,

Digitized by Google

на добродушную улыбку его симпатичнаго лица, на привѣтливость, съ которой онъ пожималъ руки представленныхъ ему защитниковъ, подсудимые, вслѣдъ за отрывистымъ стукомъ вскинутыхъ «на караулъ» ружей, за внезапнымъ привѣтственнымъ возгласомъ команды, сразу почувствовали себя въ обладаніи какой-то грозной, имъ незнакомой силы.

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!—шепталъ Антонычъ, свернувшись въ комочекъ у самой стѣны, за спинами другихъ арестантовъ.—Матерь Божія! Заступница! помилуй насъ!

Такое же настроеніе сообщилось, повидимому, и публикѣ: всѣ сразу смолкли, притаивъ дыханіе. Предсѣдатель, сдѣлавъ кой-какія дополнительныя распоряженія и указавъ что-то шопотомъ дежурному офицеру, опять скрылся за той же боковой дверью.

Спустя четверть часа, открылось засѣданіе суда Началась перекличка подсудимыхъ и, затѣмъ, чтеніе обвинительнаго акта, длившееся почти цѣлый день. Непривыкшіе къ продолжительному напряженному вниманію, подсудимые дремали, а иные прямо уснули и встрепенулись только тогда, когда монотонные звуки секретарскаго чтенія сразу затихли, и въ залѣ раздался голосъ предсѣдателя:

— Крестьянинъ Сидоръ Андреевъ Харьковъ! встаньте! Вы обвиняетесь въ томъ, что...—И предсѣдатель прочиталъ цѣлый рядъ обвинительныхъ пунктовъ.

— Признаете-ли себя виновнымъ?

Digitized by Google

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не признаю.

— Степанъ Андреевъ Грязновъ! Вы обвиняетесь въ томъ же. Признаете-ли себя виновнымъ?

— Не виноватъ.

— Антонъ Егоровъ Дубовъ! Федотъ Носовъ! Игнатъ Сердюковъ!..

И такъ далѣе. Изъ тридцати человѣкъ ни одинъ виновнымъ себя не призналъ.

— Крестьянинъ Фролъ Савосинъ! Вы признаете-ли...

— Какъ-же, батюшка, видалъ, своими глазами видалъ, вотъ какъ васъ, ваше благородіе, вижу.

— Да вы сначала отвѣчайте на вопросъ: признаете-ли себя виновнымъ?

— Признаюсь, ваше благородіе, признаюсь! Какъ не признавать!

— Теперь, если желаете, можете разсказать, какъ было дѣло.

— Желаю, батюшка.

— Ну, и разсказывайте.

— А какъ онъ его съ ребятами вынесъ, то есть изъ сарая...

— Кто вынесъ?

— А вотъ этотъ старикъ. — Фролъ указалъ на большого старика, сидѣвшаго недалеко отъ него, на одной изъ переднихъ скамеекъ.

— Ну, дальше. Только разсказывайте по порядку, толкомъ.

— Разскажу, батюшка, разскажу. Слышу: на-

Digitized by Google

родъ зашумѣлъ, шибко такъ шумитъ; а бабы—воемъ. А мой-то, вижу, кончается. Молокомъ поилъ, нѣтъ—кончается...

— Кто такой «вашъ» кончается?

— А кои тамъ лежали, еще не помёрши...

— Гдѣ лежали?

— А тамъ: садъ, огородъ, што-ль, у нихъ тамъ...

— Да вы о чемъ разсказываете?

— А про энтого, въ гробу который...

— Что въ гробу? О какомъ гробѣ вы толкуете? Вы не путайте, а говорите толкомъ, если желаете разсказать.

Фролъ замолчалъ, въ недоумѣніи глядя на предсѣдателя.

— Ну?

Фролъ продолжалъ молчать.

— Садитесь!

Предсѣдатель обратился къ слѣдующему подсудимому; но защитникъ Фрола Савосина прервалъ его, прося доставить его кліенту возможность разсказать все, что онъ знаетъ. «Въ протоколъ, — сказалъ защитникъ—занесено, что подсудимый Савосинъ призналъ себя виновнымъ. А между тѣмъ его слова: «признаю» врядъ-ли имѣютъ смыслъ признанія виновности. Сколько мнѣ извѣстно, обвиняемый желаетъ разсказать суду объ одномъ обстоятельствѣ, которое, хотя и не разъяснено на предварительномъ слѣдствіи, но, по моему мнѣнію, имѣетъ большое значеніе для дѣла».

Digitized by Google

— О какомъ же это обстоятельствѣ?

— Я не желалъ бы разсказывать за подсудимаго, я прошу лишь судъ дозволить ему самому разсказать все, что онъ знаетъ. Это необходимо для оцѣнки его признанія.

— Кажется, признаніе, учиненное подсудимымъ здѣсь, на судѣ, достаточно ясно и не требуетъ никакихъ комментарій,—замѣтилъ прокуроръ.

— Въ виду важности дѣла, въ виду тяжкихъ послѣдствій обвиненія, я все же прошу судъ дозволить подсудимому разсказать, что онъ хотѣлъ, о гробѣ. Можетъ быть, и судъ найдетъ, что его слово: «признаюсь» не имѣетъ смысла признанія своей виновности по обвинительному акту.

Прокуроръ представилъ суду еще замѣчаніе, защитникъ—еще возраженіе. Предсѣдатель, подумавъ нѣсколько, обратился къ Фролу.

— Подсудимый Савосинъ! Признаете-ли себя виновнымъ въ томъ, что, вмѣстѣ съ другими, участвовали въ поджогѣ и разгромѣ временной холерной больницы, въ домѣ Дамаева?

Фролъ молчалъ.

— Вѣдь вы сказали, что признаете себя виновнымъ.

— Чего это!

— Поджигали вы больницу?

— Мы-та?

— Ну, да: ты, ты самъ поджигалъ больницу, или участвовалъ въ поджогѣ?

Digitized by Google

— Чего ее поджигать? она во какъ пылала.

— А ты былъ тамъ, когда ее поджигали?

— Нѣ, ваше благородіе: я прибѣгъ, она пылала.

— Такъ ты не видалъ, какъ ее поджигали?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Въ чемъ же ты признавалъ себя виновнымъ?

— Чего это?

— На мой вопросъ ты отвѣчалъ: «признаюсь». Въ чемъ-же ты признавался?

— А то-есть, батюшка, насчетъ энтого, что въ гробу лежалъ.

— Да, кто это въ гробу лежалъ? — спросилъ, очевидно, потерявшій уже терпѣніе предсѣдатель.

— Я не знаю, чей онъ такой.

— Ну, довольно! Садись! Впрочемъ, погоди. А въ участіи въ убійствѣ воспитанника реальнаго училища Александра Поморскаго ты признаешь себя виновнымъ?

— Чей такой?

— Реалистъ Александръ Поморскій, который былъ убитъ на Никольской улицѣ?

— А-а? Фершалъ! Знаю.

— Онъ не фельдшеръ, онъ ученикъ реальной школы.

— Какъ не фершалъ? За что жъ его били, коли не фершалъ?

— А ты отвѣчай,—признаешь-ли себя виновнымъ?

Digitized by Google

Фролъ о чемъ то думалъ и, казалось, не слышалъ словъ предсѣдателя.

— А ты, ваше благородіе, вѣрно дознался, что не фершалъ онъ?

Предсѣдатель улыбнулся. Не всѣ, однако, видѣли въ вопросѣ Фрола одну наивность. Многіе опытные и догадливые люди ей не вѣрили: Сергѣй Сидорычъ, сидѣвшій, въ качествѣ почетнаго гостя, за судейскими креслами, перегнулся къ прокурору и съ усмѣшкой шепталъ ему свои замѣчанія по адресу лукаваго мужика.

— Вотъ ты лучше мнѣ скажи, — продолжалъ, все еще улыбаясь, предсѣдатель: — билъ ты этого человѣка, котораго приняли за фельдшера, или нѣтъ?

— Я-то? Гдѣ ужъ тутъ бить, ваше благородіе? Они ему, сердешному, чай, дыхнуть не дали.

— А ты былъ тамъ, видѣлъ?

— Какъ не видать! Середь улицы, мнѣ видать близехонько.

Только показаніе старика, на котораго указалъ Фролъ, выяснило то обстоятельство, которое не давало покоя Фролу. Старикъ этотъ подробно разсказалъ, какъ онъ громилъ квартиру старшаго врача городской больницы; но при этомъ не только не признавалъ себя виновнымъ, но заявилъ, что «имъ и не то-бы еще слѣдовало: живьемъ хоронятъ».

— Кого живьемъ хоронятъ? — спросилъ нѣсколько удивленно предсѣдатель.

Digitized by Google

— А вотъ, что копьевскій мужичекъ вамъ сказывалъ, да вы вниманія не взяли. — Старикъ указалъ на Фрола.

— О чемъ вы говорите, разскажите толкомъ.— Предсѣдателю ясно стало, что есть что-то такое, о чемъ хотятъ сказать подсудимые, чего не знаютъ ни онъ, ни другіе члены суда. Онъ рѣшился терпѣливо выслушать.

— Я, батюшка, и допрежъ слыхалъ, что они, лѣкаря то-есть, живьемъ хоронятъ. Да, признаться, не вѣрилъ. Только иду я площадью, вижу, — пожаръ. Ну, пожаръ, Господь съ нимъ. Мнѣ недосугъ было: подводы съ лещемъ нагружены стояли.

— Вы какъ сказали: чѣмъ подводы нагружены?

— Съ лещемъ, батюшка, лещъ—рыба... да. Мы, батюшка, приторговываемъ, въ селѣ Синодскомъ, много годовъ торгуемъ... Только вижу: горитъ. Что горитъ?—спрашиваю. Больница. Я съ задовъ этакъ подошелъ; вижу: въ саду, аль въ огородѣ у нихъ тамъ на травѣ не то больные, не то мертвые; а округъ ихъ народъ толпится. Не утерпѣлъ, перелѣзъ черезъ плетень. Сарай. Народъ туда, и я. Видимъ: гроба и тамъ покойники лежатъ, значитъ, которыхъ хоронить. На одномъ гробу крышка не вплоть, шевелится этакъ. Я—долой крышку, а въ гробу лежитъ еще живой... Значитъ, молъ, правда, живьемъ хоронятъ... Ахъ, Господи, Отецъ Милосердный! какъ земля-то ихъ носитъ, душегубовъ окаянныхъ...

Digitized by Google

Старикъ смолкъ, видимо стараясь справиться съ своимъ волненіемъ.

— Живой, говорите вы, въ гробу? Да зачѣмъ же онъ тамъ очутился? — спросилъ удивленный предсѣдатель.

— А знамо дѣло, зачѣмъ: хоронить. Може, и тѣ-то другіе живьемъ положены, да прикончились; а этотъ, сердечный, еще маялся.

— Да кто жъ это видѣлъ?

— Всѣ, батюшка, видѣли, какъ есть всѣ. И господину офицеру казали; я самъ казалъ.

— А кто этотъ офицеръ?

— Я не знаю, какъ ему фамилія; который тутъ съ солдатами стоялъ.

Предсѣдатель суда перелистывалъ нѣкоторое время лежащій передъ нимъ томъ дѣла, затѣмъ записалъ что-то.

— Ну, а потомъ участвовали вы въ разгромѣ городской больницы?

— Точно, ваше благородіе, былъ тамъ; только до больницы я не касался, а тутъ округъ квартиры лѣкаря.

— Вы разбивали и грабили квартиру старшаго врача?

— Грабить зачѣмъ! Мы хлѣбомъ насущнымъ, благодареніе Господу, не обижены. Зачѣмъ грабить!

Многіе, въ особенности бабы, никакъ не могли, повидимому, уяснить себѣ смыслъ поставленнаго противъ нихъ обвиненія. Менѣе всего понятно имъ

Digitized by Google

казалось обвиненіе въ распространеніи, съ цѣлью возбужденія населенія, ложныхъ слуховъ объ отравахъ. Одна старуха надѣлала по этому поводу не мало хлопотъ предсѣдателю: онъ не только не могъ добиться онъ нея отвѣта, но ему никакими пріемами не удалось ей уяснить смыслъ самого вопроса.

— Да ты скажи, наконецъ, матушка, распускала ты слухъ про эту *шмару*, что пускали-де въ народъ?—спрашивалъ окончательно терявшій терпѣніе предсѣдатель.

— Я, батюшка? Чтой ты, родной! Господь съ тобой!—почти вскрикнула старуха.

— Что жъ ты не отвѣчаешь?

— Да чего-же? Я, чай, тоже крещона, чтобъ мнѣ шмару пущать.

— Да не ты, не ты, матушка, я не про тебя, про лѣкарей спрашиваю.

— А-а! *Они?* Это точно!—обрадовалась старуха. — *Они*, это—точно, батюшка, пущали.

— Да ты сама видѣла?

— Какъ не видать? видѣла. Лѣкарей-то сама не видѣла, грѣхъ сказать; чего не видѣла, не видѣла. А барина въ Софьинкѣ видѣла.

— Что жъ ты видѣла?

— А какъ эту самую шмару пущаетъ.

— Какъ же?

— А какъ? Вышелъ это на вышку; а съ имъ трубка. Онъ эту самую трубку, перва на поле; въ

Digitized by Google

полѣ, значитъ, народъ. А посля повернулъ на село.

— Да вѣдь это зрительная труба! А шмару самую ты видѣла?

— Какъ не видать? Сказываю же тебѣ, батюшка: а онъ ее этакъ и пущаетъ.—Баба приложила къ глазамъ руку, сжала ее трубкой и показала, какъ баринъ пускалъ шмару. Въ залѣ послышался смѣхъ.

— Ну, что жъ ты разсказывала кому-нибудь, какъ баринъ шмару пускалъ?

— Чево сказывать? Чай, и такъ всѣ видѣли.

— А здѣсь въ городѣ, на базарѣ ты кому-нибудь объ этомъ говорила?

— Я-то? Говорила, батюшка, говорила. Кто пытаетъ, сказываю; ты пытаешь, тебѣ сказываю.

Встрѣтились, очевидно, два совершенно различныя міровоззрѣнія; каждое говорило своимъ языкомъ, жило своими понятіями и вѣрованіями. И такъ безконечно далеко расходились эти два міра, на такихъ противоположныхъ полюсахъ жили они, что, какъ ни старались, понять другъ друга, повидимому, не могли: ни тѣ, которые судили, казалось, не въ силахъ были проникнуть въ бездонную тьму, изъ которой звучалъ этотъ вполнѣ убѣжденный голосъ, увѣрявшій, что баринъ въ бинокль съ балкона пускалъ шмару въ народъ; ни тѣ, которыхъ судили, казалось, не могли понять, въ чемъ ихъ грѣхъ, и какая ихъ вина. На этотъ разъ, однако, встрѣ-

Digitized by Google

тившись лицомъ къ лицу, эти два міра не могли просто разойтись каждый въ свою сторону, какъ сходятся и расходятся они много лѣтъ въ разныхъ другихъ сферахъ жизни. На этотъ разъ они, силою закона, поставлены были въ необходимость не только объясниться, но и вполнѣ понять и выяснить себѣ: одни—всю напряженность преступной воли и неизбѣжность наказанія, другіе—всю великость своихъ прегрѣшеній и всю справедливость кары. Необычайная трудность этой задачи замѣчалась съ первыхъ опросовъ подсудимыхъ, ясна была изъ первыхъ отвѣтовъ ихъ. Прежде другихъ, какъ казалось, понялъ это самъ предсѣдатель суда. Но одновременно онъ понялъ и то, что не могъ же экстраординарный судъ, вызванный именно необычайностью и важностью преступныхъ дѣяній, логически закончить свое дѣло однимъ недоумѣніемъ, уйти, разводя руками въ виду этого, такъ сказать, заблудшагося стада. Такой исходъ былъ, очевидно, немыслимъ... Оставался одинъ выходъ: опереться на формальныя воззрѣнія закона. И предсѣдатель долженъ былъ рѣшиться не входить въ большія подробности при разспросахъ подсудимыхъ, не стремиться тщетно заглядывать въ душу каждаго отдѣльнаго обвиняемаго, а по необходимости ограничиться изслѣдованіемъ лишь тѣхъ внѣшнихъ дѣйствій, которыми законъ опредѣляетъ преступленіе и въ проявленіи которыхъ предполагаетъ наличность преступной воли.

Digitized by Google

Не всѣ, однако, смотрѣли такъ, какъ смотрѣлъ предсѣдатель. Многіе не вѣрили этимъ «сѣрымъ министрамъ» и не поддавались ихъ «лукавому притворству». Только старуха, показывавшая о шмарѣ, повидимому, нѣсколько поколебала даже самыхъ почтенныхъ, самыхъ заслуженныхъ скептиковъ.

— Фу! ка-кая ду-ура!—чуть не вслухъ откликнулся своимъ дѣтски капризнымъ голосомъ Сергѣй Сидорычъ, сильно огорченный отвѣтами старухи и, видимо, опасаясь за цѣльность своихъ воззрѣній и гармоничность своего настроенія.

Въ одномъ только пунктѣ, казалось, поняли другъ друга эти два міра; это—въ убійствѣ реалиста Поморскаго. Рѣшительно всѣ подсудимые, за исключеніемъ Сергѣя Бирюкова, упорно отрицали свое участіе въ этомъ дѣлѣ. Потому-ли, что не удалось розыскать и поставить на судъ непосредственныхъ участниковъ преступленія; или же тѣ люди, которые совершили это злое дѣло, сами считали его ужъ очень безнравственнымъ и безчеловѣчнымъ,—только никто не хотѣлъ быть изобличеннымъ въ немъ, ни причастнымъ къ нему. Даже самъ Бирюковъ сознавался какъ будто только на половину:—«Разъ ударилъ, говорилъ онъ, не отпираюсь, а больше не билъ».—Одинъ свидѣтель, видѣвшій изъ оконъ своей квартиры всю сцену убійства, довольно ярко изобразилъ передъ судомъ картину поимки и привода на казнь несчастнаго Поморскаго. Подсудимые слушали его съ напряженнымъ

Digitized by Google

вниманіемъ, вздыхали, иные крестились, произнося слова молитвы, когда-же онъ разсказалъ, какъ старикъ подошелъ уже къ умершему и носкомъ сапога толкнулъ покойника въ голову, вся масса подсудимыхъ пришла въ видимое волненіе. Свидѣтель долго отыскивалъ въ рядахъ того самого старика. Когда же, по его указанію, со скамьи поднялась маленькая, тщедушная фигура въ арестантскомъ халатѣ, многіе подсудимые повскакивали съ своихъ мѣстъ, силясь разглядѣть этого человѣка. И, судя по выраженію лицъ, ему было бы весьма рискованно въ эту минуту отдать себя на судъ своихъ, такъ сказать, единомышленниковъ и товарищей.

III.

Болѣе двухъ недѣль длилась томительная работа суда. Сотни свидѣтелей давали свои показанія; но изъ ихъ разсказовъ и суду, и публикѣ, въ лучшемъ случаѣ, удавалось убѣждаться лишь въ томъ, что такой-то подсудимый былъ и дѣйствовалъ въ толпѣ при пожарѣ временной холерной больницы, другой—при убійствѣ, третій—при разгромѣ аптеки или полицейской части. Ближайшія же роли и дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, за весьма немногими исключеніями, остались тайной, какъ для суда, такъ и для публики. О душевномъ настроеніи, о мотивахъ и побужденіяхъ, которыя толкали на преступленіе,—объ этомъ спрашивать не приходилось. Слиш-

Digitized by Google

комъ великъ былъ рискъ совсѣмъ запутаться въ эемныхъ, и безъ того едва проходимыхъ дебряхъ этого удивительнаго дѣла. Большею опредѣленностью и ясностью отличались показанія свидѣтелей изъ полицейскихъ чиновъ, и особенный интересъ возбудили показанія одного пристава, Синайскаго. Съ необыкновенной ясностью и подробностью разсказалъ онъ суду весь ходъ дѣла, отъ начала до конца. При этомъ онъ съ такою опредѣленностью очертилъ движеніе каждой отдѣльной толпы, такъ рельефно намѣчалъ и логическую послѣдовательность ея дѣйствій, и поставленную ею себѣ цѣль, что и суду, и публикѣ вдругъ все стало ясно: все, что до того представлялось безформеннымъ, хаотическимъ теченіемъ дикой, ослѣпленной массы, теперь превратилось чуть не въ стройныя, цѣлесообразныя движенія батальоновъ. И судъ, и публика съ величайшимъ вниманіемъ слушали его длинный разсказъ, даже подсудимые, видимо, заинтересовались его повѣствованіемъ, съ любопытствомъ выглядывали другъ изъ-за друга и слѣдили за каждымъ его словомъ. Правда, иные отъ времени до времени переглядывались, улыбались и пожимали плечами...

Показанія свои давалъ Синайскій медленно, осторожно и вдумчиво. Касаясь отдѣльныхъ подсудимыхъ, онъ прежде всего долго всматривался своими умными глазами въ фигуру и лицо подсудимаго, потомъ задумывался, какъ бы припоминая,

Digitized by Google

обдумывая и взвѣшивая, можетъ-ли онъ, по совѣсти, удостовѣрить то или другое обстоятельство и не ошибается-ли онъ самъ. О Дмитріѣ Зубковѣ онъ показалъ, что при пожарѣ больницы въ толпѣ его не видѣлъ. — Да, вѣроятно, его тамъ и не было; иначе я непремѣнно замѣтилъ-бы его,—добавилъ приставъ.

— Почему?

— Онъ не такой человѣкъ, чтобъ быть въ заднихъ рядахъ.

— А онъ вамъ раньше былъ извѣстенъ?

Синайскій улыбнулся. — Гм! Дмитрій Ивановъ Зубковъ или Митька-Зубокъ, какъ его зовутъ пріятели,—кто жъ его не знаетъ!

И приставъ изобразилъ почти легендарнаго героя. Тутъ было все: и необузданный разгулъ необыкновенной, «почти лошадиной» физической силы, и дикіе порывы неудержимаго своеволія, и великодушное заступничество за «яко-бы угнетенныхъ пьяницъ, оборванцевъ и воровъ» и, при случаѣ, немилосердное избіеніе ихъ. — И сверхъ всего, образованіе,—закончилъ приставъ.—Онъ говоритъ, какъ адвокатъ, знаетъ иностранные языки. При его озлобленіи противъ властей иной разъ просто удивительно, откуда взялось все это у человѣка, который по документамъ числится крестьяниномъ звенигородскаго уѣзда, Дмитріемъ Ивановымъ Зубковымъ.

Личность Мити возбудила интересъ; всѣ взоры

Digitized by Google

обратились въ ту сторону, гдѣ онъ сидѣлъ, и искали его въ средѣ подсудимыхъ. Когда-же, на зовъ предсѣдателя, поднялся широкоплечій красивый брюнетъ, въ публикѣ защелкали пенснэ и показались даже бинокли.

— Подсудимый Зубковъ! Вы слышали показаніе, данное г. приставомъ. Желаете-ли вы что-либо возразить?

Митя пожалъ плечами.

— Что-же я могу сказать, ваше пр—во? Я не знаю о чемъ.

— Вѣрно-ли то, что сказано было о вашемъ образованіи?

— Не знаю, какъ сказать. Я — не безграмотный.

— Напримѣръ, знаете-ли вы иностранные языки?

— Какіе языки?

— Напримѣръ, говорите вы по-французски?

— Немного понимаю.

Интересъ растетъ; нѣсколько дамъ даже привстали на своихъ мѣстахъ.

— Гдѣ-же вы получили образованіе?

Митя молчитъ.

Сергѣй Сидорычъ нагнулся къ прокурору и что-то сообщилъ ему шопотомъ. Тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на генерала, немного подумалъ и, сдѣлавъ небольшую замѣтку на бумажкѣ, передалъ ее ближайшему члену суда. Членъ суда прочиталъ и передалъ дальше, и въ нѣсколько минутъ бумажка

Digitized by Google

обошла всѣхъ, сидѣвшихъ за судейскимъ столомъ. Предсѣдатель, держа ее въ рукахъ, вопросительно смотрѣлъ на прокурора. Все это замѣтила публика, видѣлъ это и Митя и съ злобной усмѣшкой, исподлобья, глядѣлъ на Сергѣя Сидорыча.

— Что-же, вы не желаете отвѣчать? — повторилъ свой вопросъ предсѣдатель.

— Я думаю, ваше пр—во, что вамъ, вѣроятно, это *теперь* уже извѣстно.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что *теперь* вы, вѣроятно, уже знаете, что я съ дѣтства воспитывался въ домѣ покойной княгини Варвары Харитоновны Кейстутъ-Вилинской, — твердо произнесъ Митя, въ упоръ глядя на Сергѣя Сидорыча. — Покойная княгиня взяла меня сиротой и до самой смерти своей воспитывала. Въ память своей матушки, меня и теперь не оставляетъ князь Александръ Владиславовичъ.

Копылинъ не выдержалъ: —Молодецъ, Митя!— вырвалось у него такъ неосторожно и громко, что почти всѣ въ залѣ слышали эти слова.

— Все это, вѣроятно, знаетъ и г. приставъ,— продолжалъ Митя, — и могъ-бы разсказать самъ, не затрудняя *другихъ*, которые въ полиціи не служатъ и отъ полиціи жалованія, кажется, не получаютъ.

Митя продолжалъ смотрѣть на Сергѣя Сидорыча.

— Да, да хорошо!.. Садитесь! — поспѣшно за-

Digitized by Google

говорилъ предсѣдатель.—Введите слѣдующаго свидѣтеля!—обратился онъ къ дежурному офицеру.

— Позвольте, ваше пр—во, еще одно слово.

Предсѣдатель хотѣлъ было прервать Митю, но, замѣтивъ подымающагося съ мѣста его защитника, жестомъ остановилъ дежурнаго офицера и повернулся къ Митѣ.

— Господинъ приставъ говоритъ, что я озлобленъ противъ властей. Это—не вѣрно: я, можетъ быть, не особенно уважаю господина пристава Синайскаго...

— Подсудимый Зубковъ! Я не могу вамъ дозволить касаться личности свидѣтелей, особенно должностныхъ лицъ. Вы можете, если желаете, говорить объ ихъ дѣйствіяхъ, касающихся васъ въ этомъ дѣлѣ, а не оцѣнивать ихъ служебную дѣятельность.

— Виноватъ, ваше пр—во! Я не буду говорить о личности г. Синайскаго. Я—подсудимый, онъ—свидѣтель. Будь это наоборотъ, я, можетъ быть, имѣлъ-бы!..

— Подсудимый Зубковъ!.. — строго окрикнулъ предсѣдатель.

Въ публикѣ движеніе.

— Виноватъ! Но позвольте, по крайней мѣрѣ, узнать, за что арестовалъ меня г. приставъ? Вѣдь онъ самъ говоритъ, что я въ толпѣ не былъ.

— Зубковъ арестованъ мною въ день безпорядковъ, вечеромъ, въ толпѣ, гдѣ онъ самъ похва-

Digitized by Google

лялся своими дѣйствіями во время бунта,—мягко и съ улыбкой отвѣтилъ приставъ.

— Слѣдовательно, вы арестовали подсудимаго на основаніи его собственнаго признанія объ участіи въ безпорядкахъ?—спросилъ защитникъ Зубкова.

Приставъ отвѣтилъ любезнымъ наклоненіемъ головы.

— Не можете-ли намъ сказать, въ какихъ выраженіяхъ онъ учинилъ это признаніе или выражалъ похвальбу?

— Гдѣ-же припомнить выраженія? — пожимая плечами и улыбаясь, отвѣтилъ Синайскій.

— По крайней мѣрѣ ихъ смыслъ?

— Какъ сказать?.. При томъ-же его видъ: онъ весь былъ оборванъ, кромѣ пиджака, который уже успѣлъ, вѣроятно, смѣнить. Панталоны, жилетъ, рубашка—все было изорвано на немъ... согласитесь... Кромѣ того, тутъ-же было заявлено, что видѣли въ толпѣ во время безпорядковъ... при разгромѣ первой полицейской части.

— Кто вамъ заявилъ?

— Не могу съ достовѣрностью припомнить.— Синайскій потиралъ лобъ.—Кажется, бывшіе тутъ-же городовые или пожарные... не помню.

— А слышали-ли это, кромѣ бывшихъ при васъ городовыхъ, еще и рядовые команды, которая была съ вами?

— Не знаю... откуда-же? конечно, вѣроятно...

— А вы не помните, кто такіе были эти рядовые?

Digitized by Google

Приставъ пожалъ плечами и съ иронической улыбкой оглянулся на публику.

— Изъ дѣла видно, что при васъ были рядовые Звягиловъ, Филипьевъ и Алѣевъ. А бывшіе съ вами городовые, это — Степанъ Кондрачукъ, Савостьянъ Тырловъ и Абрамъ Лейзеровъ Шульманъ?—продолжалъ защитникъ.

Приставъ бросилъ на защитника нѣсколько озадаченный взглядъ; но тутъ-же оправился.

— Кажется... да... да... вѣрно, вѣрно: они самые.

Рядовые Звягиловъ и Алѣевъ на всѣ вопросы предсѣдателя отвѣчали только одно:—никакъ нѣтъ, ваше пр—во! а Филипьевъ прибавилъ, что «они ихъ взяли значитъ за грудки, а они ихъ за ручку».

— Зубковъ при арестѣ оказалъ сопротивленіе,—любезно пояснилъ Синайскій.

Ничего не выяснило и показаніе городового Тырлова, который все вздыхалъ, растерянно оглядывая то судъ, то пристава. А Абрамъ Шульманъ, уже уволенный отъ службы, въ засаленномъ старомъ пиджакѣ, уныло смотрѣлъ передъ собою, повторяя:—и ницаво не слисилъ, ницаво не видилъ.

Показаніе пристава Синайскаго, такъ понравившееся и суду, и публикѣ, начинало какъ будто стушовываться. Хотя ни противъ него лично, ни противъ его показаній ничего сказано не было, но чувствовалось, что довѣріе къ точности его наблюденій и его памяти колеблется. Онъ самъ это

Digitized by Google

замѣчалъ; видѣлъ странные взгляды, кидаемые въ его сторону, слышалъ странный шопотъ и чувствовалъ себя неловко. Даже городовой Кондрачукъ, прямо подтвердившій его показаніе, не только не вывелъ его изъ неловкаго положенія, но еще усугубилъ его смущеніе. Этотъ городовой произвелъ на нѣкоторыхъ прямо удручающее впечатлѣніе. Онъ началъ съ того, что, указавъ на Митю и сидѣвшаго рядомъ съ нимъ Гришку, слишкомъ раздраженно и—въ присутствіи столь важнаго начальства,—слишкомъ громко и развязно, заявилъ: «аны никогда ваше бродіе, другъ безъ дружки...» И три раза, не смотря на всѣ другіе вопросы, все повторялъ свое:—«никогда другъ безъ дружки, ваше бродіе, завсегда умѣсти...»

— Васъ, Кондрачукъ, спрашиваютъ о томъ, видѣли-ли вы Зубкова при разгромѣ полицейской части. Отвѣчайте!—не выдержавъ, тоненькимъ голоскомъ задребезжалъ Синайскій.

— Та кажу-жъ, выдилъ,—отвѣтилъ Кондрачукъ, водя глазами по полу.

— Кондрачукъ!! — раздался въ залѣ громкій окликъ. Кондрачукъ испуганно вскинулъ голову и встрѣтился съ сверкающимъ, пронизывающимъ взглядомъ Мити. Медленно, сдавленнымъ голосомъ и какъ-бы ударяя каждымъ отдѣльнымъ звукомъ, Митя произнесъ:

— Ты-ы? ты самъ своими глазами видѣлъ меня при разгромѣ полицейской части?!.

Digitized by Google

Неизвѣстно, какой послѣдовалъ-бы отвѣтъ, если-бы Кондрачукъ принужденъ былъ дать его тутъ-же подъ гипнотизирующимъ взглядомъ Мити. Но предсѣдатель прервалъ:

— Подсудимый Зубковъ! вы не должны говорить «ты» свидѣтелю... вообще такъ рѣзко и повелительно не должны обращаться къ нему.

Кондрачукъ оправился.

— Та вже-жъ, коли выдилъ, такъ *своими*, не чужими. — Кондрачукъ мотнулъ головой и даже усмѣхнулся.

— Не желаете-ли, подсудимый, отвѣтить, вѣрно-ли то, что при арестѣ все ваше платье было изорвано?—спросилъ предсѣдатель.

— Совершенно вѣрно.

— Гдѣ-же вы его изорвали, если, какъ вы говорите, не участвовали въ безпорядкахъ и весь день проспали дома?

— Меня г. приставъ называетъ ночнымъ гулякой и буяномъ, ваше пр—во! Я, дѣйствительно, буянъ и даже гуляка, хотя пью не особенно много. Мнѣ въ ночь передъ безпорядками пришлось сильно подраться: я съ нѣсколькими товарищами выдержалъ нападеніе цѣлой толпы.

— За что-же на васъ напали?

— Я не совсѣмъ вѣрно сказалъ: скорѣе я напалъ на другихъ... Но... ваше пр—во! прошу васъ мнѣ повѣрить хоть въ одномъ: я—не такой образованный человѣкъ, какимъ меня считаетъ г. при-

Digitized by Google

ставъ Синайскій; но я не такой глупецъ, чтобы вѣрить баснямъ, будто англійская королева подкупаетъ докторовъ. Я не пойду съ толпой жечь больницу и убивать фельдшеровъ и врачей.

— Но васъ могъ интересовать разгромъ полицейской части по другой причинѣ. При вашемъ отношеніи къ чинамъ полиціи, какъ вы сами здѣсь сказали...

— Можетъ быть, не знаю, если-бы я былъ въ это время тамъ, я не отсталъ-бы отъ тѣхъ, которые громили полицейскую часть. Но я... ваше пр—во! вѣрьте совѣсти, я не былъ тамъ и весь день проспалъ; даю слово честнаго челов...

Митя вдругъ оборвалъ и, горько улыбнувшись, опустилъ голову. Голосъ его звучалъ неподдѣльной искренностью и, видимо, дѣйствовалъ на судъ.

— Кто-же можетъ подтвердить ваши слова? Кто знаетъ, что вы спали дома?

— Кто-же?—съ грустью отвѣтилъ Митя, — это знаетъ моя жена. Но кто-жъ ей повѣритъ? Здѣсь есть два человѣка, но это — такіе же арестанты, какъ я...

— Но, можетъ быть, есть другіе свидѣтели! Назовите ихъ. Мы, съ согласія г. прокурора, можетъ быть, вызовемъ ихъ вмѣстѣ съ вашей женой, и дѣло разъяснится.

Митя нѣкоторое время молчалъ, какъ будто что-то соображалъ и колебался. Въ это время Сергѣй Сидорычъ, улыбаясь, наклонился къ проку-

Digitized by Google

рору. Его движеніе уловилъ Митя, и глаза ихъ встрѣтились. Сергѣя Сидорыча точно какая-то сила откинула назадъ къ спинкѣ кресла, а Митя, поднявши глаза на предсѣдателя, рѣшительно произнесъ:—Нѣтъ, никого не знаю!

Сочувствіе къ Митѣ слышалось въ тонѣ и въ голосѣ предсѣдателя, и шансы его росли. Черезъ три дня, однако, одинъ изъ свидѣтелей, маленькій, желтолицый мѣщанинъ совершенно неожиданно заявилъ, что, въ числѣ другихъ, при разгромѣ полицейской части, онъ видѣлъ и подсудимаго Зубкова. Бойкой скороговоркой разсказалъ онъ, какъ Митя работалъ оглоблей въ рукахъ, и даже показалъ, какъ онъ «этакимъ манеромъ высадилъ дверь въ кабинетѣ господина пристава». На вопросъ защитника, почему онъ ничего объ этомъ не сказалъ слѣдователю, когда перечислялъ всѣхъ, кого видѣлъ при разгромѣ части, бойкій свидѣтель отвѣтилъ, что «его объ Зубковѣ господинъ слѣдователь не спрашивали; а безъ приказанія какъ возможно? А, кромѣ всего изложеннаго, можетъ, и запамятовалъ этотъ моментъ».

Прокуроръ попросилъ показаніе этого свидѣтеля цѣликомъ занести въ протоколъ.

О «живомъ человѣкѣ въ гробу», который не давалъ покоя Фролу Савосину, показалъ офицеръ, приведшій команду во время пожара больницы; причемъ сказалъ, что того человѣка онъ не считаетъ злоумышленникомъ, нарочито залегшимъ въ

Digitized by Google

гробъ, чтобы волновать толпу; это былъ несомнѣнно больной, умирающій. По словамъ офицера, зрѣлище это произвело на него такое тяжелое впечатлѣніе и такъ его потрясло, что въ замѣшательствѣ онъ не замѣтилъ даже, какъ вынесли гробъ этотъ напоказъ толпѣ. Старика, гремѣвшаго передъ толпой, офицеръ узналъ, а о Фролѣ Савосинѣ показалъ, что его не замѣтилъ.

— Какъ-же, ваше благородіе! я самъ тебѣ казалъ упокойниковъ-то, — быстро возразилъ Фролъ.

— Что-жъ, ты тоже поилъ покойниковъ молокомъ?—спросилъ предсѣдатель.

— Поилъ, батюшка, поилъ.

— Никого не отпоилъ?—улыбнулся предсѣдатель.

— Оченно омрачились, замлѣли сердешные. Кабы ранѣ...

Въ залѣ послышался сдержанный смѣхъ.

Прокуроръ просилъ выяснить, какимъ образомъ Фролъ Савосинъ, будто невзначай и случайно, однако фигурируетъ почти на всѣхъ главныхъ пунктахъ: и при разгромѣ аптеки, и при убійствѣ Поморскаго, и въ той толпѣ, которая караулила студента, спасшагося на церковной колокольнѣ. «Не можетъ-ли подсудимый Савосинъ объяснить это поистинѣ удивительное совпаденіе случайностей?»

«Поистинѣ удивительнаго совпаденія случайностей» подсудимый Савосинъ объяснить не съумѣлъ.

Въ числѣ подсудимыхъ оказался и тотъ самый

Digitized by Google

субъектъ, который наканунѣ безпорядковъ, въ присутствіи Мити, разсказывалъ толпѣ, какъ его самого въ больницѣ отравили и чуть было не похоронили живьемъ. По документамъ онъ значился черноярскимъ мѣщаниномъ, по имени Андрей, но со странной не то татарской, не то нѣмецкой фамиліей—Бирманъ. Документы оказались дѣйствительными. Его въ тюрьмѣ призналъ Гришка и замѣтилъ, что онъ все время сторонился и отъ него, и отъ Мити. Забрали его на берегу, какъ забирали многихъ другихъ; при немъ оказался небольшой ящикъ съ хирургическими инструментами и микроскопъ. Собственника этихъ вещей въ городѣ не оказалось, а Бирманъ заявилъ, что «нашелъ ихъ межъ пятериковъ дровъ». Кромѣ этихъ инструментовъ и микроскопа, противъ него никакихъ уликъ не было. Полицейскіе и даже самъ приставъ Синайскій не узнавали его. Погубилъ его другой подсудимый, калмыкъ Тохта.

Въ слѣдственномъ производствѣ имѣлось очень пространное показаніе этого калмыка, данное, какъ сказано, черезъ переводчика. Но на судѣ, не смотря на присутствіе переводчика, ничего нельзя было понять, какъ ни бился переводчикъ и какъ, повидимому, ни старался самъ Тохта, призывая на помощь все богатство своихъ лингвистическихъ познаній въ русскомъ, киргизскомъ и татарскомъ языкахъ. Выяснилось только, что въ городъ онъ пришелъ изъ степи — неизвѣстно зачѣмъ; что на

Digitized by Google

пути присталъ къ народу—неизвѣстно какому; что около воды таскалъ на спинѣ дрова, вѣроятно, разгружалъ дровяную баржу: и при этомъ «Тохта ѣлъ, хорошо ѣлъ: днемъ ѣлъ, вечеромъ ѣлъ»; потомъ пересталъ таскать дрова, и—«Тохта не ѣлъ». Онъ тоже съ народомъ ломалъ домъ; «много ломалъ» (Тохта показалъ на окна, столы и стулья). О себѣ, впрочемъ, хитрый дикарь замѣтилъ, что самъ онъ «нѣтъ ломалъ, кушалъ, горячъ, у-у-у! горячъ кушалъ» (пробрался въ кухню и стащилъ, что было на плитѣ). Того народа, который ломалъ домъ, здѣсь нѣтъ. «Айда»!—ушли! одни—направо, другіе—налѣво, показалъ руками калмыкъ. Только троихъ узналъ онъ, и въ числѣ ихъ оказался и Андрей Бирманъ. Тотъ отпирался, увѣряя, что калмыкъ «показываетъ по насердкамъ».

— Что такое вы сказали?

— По насердкамъ показываетъ, ваше пріосходительство; въ сердцахъ, значитъ, сердитъ на меня.

— За что?

— А я его, извините, ваше пріосходительство, двѣстительно, избилъ. Мы ночевали межъ пятериковъ; онъ съ нами. Перва ходилъ на разгрузъ, этакъ день съ пять ходилъ; а посля приволокъ откуда-то бычачью ногу, что-ли, и улегся съ ей. Вонище! глядѣть противно, съ души воротитъ, ваше пріосходительство! Мы его—гнать, а онъ отойдетъ за другой пятерикъ и опять свое—грызетъ... Ну,

Digitized by Google

двѣстительно, извините, избилъ его, ваше пріосходительство...

Тохта подтвердилъ, что его били; но только билъ его «другой бачка», а *этотъ* не билъ.

IV.

Наконецъ, наступилъ роковой день объявленія приговора. Передъ зданіемъ суда — рота солдатъ. Конные стражники и казаки употребляютъ всѣ усилія, оттѣсняя народъ подальше, и, не смотря на это, отдѣльныя кучки съ разныхъ сторонъ пробираются къ центру площади, стремясь къ зданію, гдѣ въ этотъ день рѣшается участь подсудимыхъ.

Въ судебномъ залѣ — сдержанный, тревожный шопотъ. Не смотря на то, что судебныя пренія длились три дня, ни подсудимые, ни публика въ точности не знали, чѣмъ грозитъ та страшная 279 статья свода военныхъ постановленій, о которой такъ много говорили и прокуроры, и защитники. Прокуроры, хотя и требовали примѣненія этой статьи къ нѣсколькимъ десяткамъ подсудимыхъ, но не касались ея содержанія и какъ-бы страшились подымать завѣсу, за которой скрывается ея роковой смыслъ. И защитники много говорили о ней: три дня доказывали они, что въ холерныхъ безпорядкахъ нельзя видѣть ни бунта, ни возстанія противъ властей, ни сопротивленія имъ; что въ своемъ ослѣпленіи суевѣрная масса, если не вся, то въ значительной

Digitized by Google

части, была, напротивъ, вполнѣ искренно убѣждена, что, разрушая хранилища отравы и наказывая отравителей, она дѣйствуетъ въ согласіи съ властью, даже прямо помогаетъ ей, а не идетъ противъ ея благихъ предписаній. Много разъ произносились слова: «279 статья», «грозное содержаніе этой статьи», «страшная репрессія, установленная этой статьей», «ужасное наказаніе по этой статьѣ» и проч.; но самое наказаніе, страшная эта репрессія, ужасное слово: «смерть» ни разу не было произнесено въ преніяхъ и каждый разъ какъ-бы застывало на губахъ говорившаго. Лишь немногіе изъ публики понимали, въ чемъ дѣло, и болѣе смышленные изъ подсудимыхъ догадывались, что рѣчь идетъ о ихъ жизни, что одни—обвинители ихъ хотятъ отнять у нихъ право на эту жизнь, а другіе — защитники отстаиваютъ его. Догадывался, конечно, и Митя, догадывался, но не вѣрилъ. Онъ не вѣрилъ, что такое наказаніе можетъ грозить людямъ, съ которыми онъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ жилъ въ тюрьмѣ, гдѣ многихъ успѣлъ узнать, гдѣ успѣлъ убѣдиться, что это — такіе-же люди, какъ и всѣ; что есть между ними и глупые, и умные, и честные, и плутоватые, и пустые, и серьезные; что въ общемъ большая часть изъ нихъ—темные, простодушные, вѣрующіе и любящіе отцы, мужья, сыновья и братья. Онъ ушамъ своимъ не вѣрилъ и думалъ, что ослышался, когда прокуроръ потребовалъ примѣненія этой статьи къ старику Антонычу

Digitized by Google

и къ Фролу Савосину! Фролъ въ теченіе всего суда не переставалъ считать себя чѣмъ-то вродѣ свидѣтеля или жалобщика, призваннаго разсказать начальству все, что онъ видѣлъ, пріѣхавъ изъ своей деревни въ городъ. Когда, послѣ одного засѣданія, гдѣ Фролъ самъ всѣми мѣрами силился доказать свое присутствіе на пожарѣ больницы и самъ напоминалъ о себѣ неузнававшимъ его свидѣтелямъ, защитникъ сказалъ ему: — «ты что, Фролъ, самъ суешься, когда другіе тебя не тащатъ, не узнаютъ?» — Фролъ ему отвѣтилъ: — «Эхъ, баринъ, ты ребятъ вотъ спроси: я пищи рѣшился, сна рѣшился, и все то они, голубчики, всю ночь плачутся: поди да разскажи, какъ насъ мучили, какъ тиранили... Ну, вотъ и «разсказалъ»... И Митя понималъ, что мысль объ отравѣ до того глубоко засѣла въ слабой головѣ Фрола, до того охватила все существо этого темнаго, добродушнаго мужика, что довела его отуманенный мозгъ до галлюцинацій; Митя понималъ, что Фролу въ дѣйствительности чудятся замученные будто-бы врачами покойники и слышатся ихъ молящіе, жалобные стоны. Или Антонычъ! Неужели же и этотъ старикъ, который въ теченіе своей долгой жизни врядъ-ли нанесъ кому серьезную личную обиду, неужели и онъ долженъ быть наказанъ по этой страшной 279 статьѣ? Въ безпорядкахъ-то вѣдь онъ никакого участія не принималъ; даже тотъ старикъ, который наблюдалъ изъ окна своей квартиры убійство Поморскаго, объ Антонычѣ показалъ

Digitized by Google

лишь, что видѣлъ его у трупа несчастнаго молодого человѣка. Неужели-же судьи не поймутъ, что этотъ старикъ не могъ участвовать въ кровавомъ дѣлѣ? Вѣдь, достаточно взглянуть на него, чтобъ понять, что одно лишь чувство жалости могло привлечь его къ трупу. А эти слезы, эти упреки, а то озлобленіе, съ которымъ старикъ Антонычъ накинулся на убійцъ! Неужели-же *они* не поймутъ?.. И даже о немъ самомъ, о Митѣ! Неужели же *они* повѣрятъ свидѣтелю, который тутъ такъ очевидно вралъ про него, такъ несвязно разсказывалъ объ оглоблѣ и Богъ знаетъ о чемъ? Неужели-же *они* сочтутъ его, Митю, способнымъ на такое глупое, дикое дѣло?

— «Нѣтъ, это невозможно, этого не будетъ! *Они* увидятъ, *они* поймутъ; это такъ просто, такъ ясно!..»

И Митя надѣялся и вѣрилъ, что *они* поймутъ то, что, какъ ему казалось, было такъ просто, такъ ясно... А межъ тѣмъ, когда-же человѣкъ понималъ человѣка? . . . . . .

Внятно, громко раздались, среди почти мертвенной тишины, первыя строки приговора..... «временный военный окружный судъ, въ составѣ... разсмотрѣвъ дѣло...» Но, чѣмъ дальше, голосъ предсѣдателя, начиналъ какъ-будто меркнуть, точно что-то застилало его и уносило его дальше и дальше отъ напряженнаго вниманія окружающихъ. Скороговоркой, безъ запинки прочиталъ предсѣдатель фа-

Digitized by Google

миліи нѣсколькихъ десятковъ подсудимыхъ:... «признать виновными въ томъ, что... причемъ совершено было убійство ученика реальнаго училища Александра Поморскаго...»

Предсѣдатель спѣшилъ, а всѣмъ казалось, что онъ совершенно напрасно медлитъ перечисленіемъ совсѣмъ ненужныхъ и всѣмъ извѣстныхъ подробностей...

«..... учинено разграбленіе квартиры старшаго врача городской больницы коллежскаго совѣтника Колымскаго... квартиры экономa, запаснаго фейерверкера...»

Будетъ-ли конецъ? Неужели онъ хочетъ повторить все, что говорилось на судѣ?..

«..... не смотря на требованіе командовавшаго полуротой резервнаго батальона капитана Ягодина...»

Напряженіе и нетерпѣніе достигли высшей степени. Нѣкоторые изъ публики, особенно дамы, съ трудомъ держатся на ногахъ, дрожащими руками хватаются за спинки стульевъ.

«..... посему, на основаніи 279 ст. свода военно-уголовныхъ...»

Предсѣдатель пригнулся ближе къ бумагѣ, точно силился разобрать ему хорошо знакомыя и имъ-же написанныя слова:

«По лишеніи всѣхъ правъ состоянія,—подвергнуть...»

Еще нѣсколько словъ было произнесено; но

Digitized by Google

произнесено особымъ голосомъ; слова раздались какимъ-то рѣзкимъ, но въ то же время едва внятнымъ звукомъ. Точно самъ предсѣдатель хотѣлъ уйти, убѣжать отъ трехъ-четырехъ словъ.

Тѣмъ не менѣе всѣ отлично разслышали эти слова. Публика, безмолвная и нѣмая, какъ будто пригнулась, не смѣя дохнуть. Нѣсколько дамъ опустились на свои стулья, и не смотря на то, что чтеніе приговора еще продолжалось, никто изъ дежурныхъ офицеровъ не потребовалъ, чтобы онѣ встали, никто не обратилъ, повидимому, никакого вниманія на это нарушеніе порядка, на неуваженіе къ суду.

— Господи! Да будетъ воля Твоя! — шепталъ, набожно крестясь, старикъ Антонычъ, прижавшись къ стѣнѣ, съежившись въ своемъ арестантскомъ халатѣ. Если-бы не сѣдая борода, отросшая за два мѣсяца въ тюрьмѣ, его издали можно было бы принять за десятилѣтняго ребенка.

Члены военнаго суда стояли, мрачно насупившись.

— Былъ подъ Зевиномъ, былъ при Авліарѣ, бралъ въ ночномъ штурмѣ Канлы, а такого ужаса не испытывалъ!—говорилъ въ послѣдствіи увѣшанный орденами полковникъ, припоминая тѣ невообразимыя крики отчаянія, которые, за первыми моментами оцѣпенѣнія, раздались въ рядахъ подсудимыхъ.

— Батюшка! отцы родные!.. не повиненъ!.. не ви-

Digitized by Google

далъ! Сироты бездомныя!.. Пожалѣйте!—вопили несчастные, ползкомъ на колѣняхъ прорываясь къ судейскому столу, хватаясь за ружья и цѣлуя руки у оттѣснявшихъ ихъ солдатъ. Понадобилось нѣсколько энергичныхъ окриковъ предсѣдателя, чтобы возстановить порядокъ, необходимый для окончанія чтенія приговора. Но все остальное, что читалъ предсѣдатель, интересовало, повидимому, лишь тѣхъ, до кого относились тѣ или другія слова: заслышавъ свое имя, подсудимые какъ-бы собирали въ одну точку всѣ свои силы, напрягаясь и ухомъ и всѣмъ существомъ схватить слова, которыя говорили о наказаніи. Для публики-же всѣ прочитанныя предсѣдателемъ каторжныя работы безъ срока и на сроки, всѣ ссылки въ Сибирь, арестантскія роты безслѣдно прозвучали въ воздухѣ.

— Вотъ и дано «надлежащее разъясненіе!»— обратился, выходя изъ суда, Сергѣй Сидорычъ къ le beau Serge'y, припомнивъ ему его рѣчь въ земскомъ собраніи. Молодой консерваторъ посмотрѣлъ на генерала своими красивыми глазами молча, холодно, недружелюбно.

Сергѣй Сидорычъ мысленно упрекнулъ себя за слишкомъ большую фамильярность «съ этими молокососами».

Digitized by Google

V.

Народъ на площади, еще до выхода осужденныхъ, точно по какому-то наитію, узналъ, что осудили на смерть: кто говорилъ двадцать, кто—тридцать, кто—пятьдесять человѣкъ. Съ быстротою молніи разнеслась эта роковая вѣсть, и народъ сталъ напирать къ зданію суда. Усилія казаковъ оказались недостаточны, пришлось выдвинуть впередъ роту.

Сквозь неопредѣленный гулъ прорывался вой женскихъ голосовъ.

— Скончанія! скончанія. Пропадай, православные! — хриплымъ голосомъ, размахивая руками, кричалъ въ одной кучкѣ высокій мѣщанинъ, съ раскраснѣвшимся, потнымъ лицомъ, грозно косясь мутными нетрезвыми глазами.—Одно слово—скончанія.

— А правда гдѣ? правда-то гдѣ?—спрашивали другіе.

Деревенскіе мужики стояли вокругъ, молча и мрачно потупившись.

— А правда гдѣ?—чаще и энергичнѣе раздавались вопросы маленькаго, худенькаго человѣка.

— Христосъ Спаситель пострадалъ и намъ велѣлъ, — проговорилъ высокій, осанистый старикъ, на видъ изъ зажиточныхъ мѣщанъ.

— И намъ велѣлъ, говоришь?—рѣзко и задорно вскрикнулъ ему маленькій человѣкъ.—Это точно: и

Digitized by Google

намъ велѣлъ. Самъ пострадалъ Господь Милосердный и намъ велѣлъ. Это — точно. А ты вотъ что скажи! что есть, по твоему, Крестъ Святой? Вотъ то-то-же. Одно слово: Крестъ Святой. А тутъ-то что? Петля на шею, да на перекладину,—а?

— И не петля, а разстрѣлъ,—авторитетно вставилъ бритый, обрюзглый толстякъ. — Не простой, чай, судъ,—военный...

— Фа! прелесть! Разъ, два, три и—трахъ! Какъ стройно, почти художественно стройно,—вскликивалъ Ройеръ, идя съ Копылинымъ по площади. Копылинъ съ недоумѣніемъ посматривалъ на Ройера, не понимая ни его словъ, ни его странной улыбки.

— Да, да,—просто художественно. Какое стройное соотвѣтствіе въ проявленіи невидимой могучей силы!—продолжалъ Ройеръ, какъ-бы говоря съ самимъ собою.—Вышелъ человѣкъ, не большой, скромный, добродушный человѣкъ, прочиталъ нѣсколько словъ, написанныхъ на простомъ клочкѣ бумаги, и—нѣтъ людей на свѣтѣ! Нѣсколько словъ на простомъ клочкѣ бумаги, и—нѣтъ двадцати человѣкъ, нѣтъ двадцати жизней! Художественно стройно! Сама природа, кажись, не въ состояніи проявить свои могучія, невидимыя силы съ большею стройностью, съ большимъ соотвѣтствіемъ...

Копылинъ сталъ какъ-будто вникать въ смыслъ словъ Ройера, и посматривалъ на него, ожидая продолженія тирады. Но Ройеръ шелъ молча, изрѣдка

Digitized by Google

нервно встряхивая своей большой головой и странно улыбаясь.

— А слышали, помните?—заговорилъ Копылинъ, когда они, пройдя площадь, зашли въ пустой и тихій проулокъ, ведущій къ большей центральной улицѣ.—Помните? «Судъ разсматриваетъ преступленіе толпы, а не отдѣльнаго лица, даже не отдѣльныхъ лицъ,—толпы. Субъектъ преступленія въ данномъ случаѣ, это—толпа. Она и должна подлежать наказанію. Судъ не можетъ и, *строго теоретически разсуждая*, даже не долженъ останавливаться на изслѣдованіи злой воли каждаго отдѣльнаго лица; достаточно констатировать, что данный подсудимый былъ въ бушующей, буйствующей толпѣ, и—только». Помните?

— Да, да, какъ-же, помню. «Разсуждая строго теоретически», нѣтъ людей, есть толпа, нѣтъ своей жизни у каждаго отдѣльнаго человѣка, а есть одна жизнь — толпа. Что-же, когда такъ должно выходить по строго теоретическимъ разсужденіямъ?!... И одновременно съ этимъ—старуха, которая собственными глазами видѣла, какъ пущаютъ шмару въ бинокль!—продолжалъ Ройеръ.

— А какъ вы думаете, — спросилъ послѣ небольшаго перерыва Ройеръ, и глаза его насмѣшливо и почти злобно блеснули Копылину:—живутъ-ли и здравствуютъ еще и донынѣ «Подлиповцы»? А Пила уяснилъ-ли себѣ, наконецъ, родство, съ дочкой своей Апроськой, или и до сихъ поръ про-

Digitized by Google

должаетъ пребывать съ нею по прежнему въ кровосмѣсительной связи? И до нынѣ, быть можетъ, благодушно обладаетъ ею совмѣстно съ своимъ молодымъ другомъ—Сысойкой? Какъ вы думаете?... Тонъ его становился насмѣшливѣе и злѣе, и голосъ рѣзко скрипѣлъ.

— «Разсуждая строго теоретически»! Ха! Тохта, калмыкъ Тохта! Вѣдь несомнѣнно-же существуетъ, живетъ бокъ о-бокъ съ нами этотъ европейскій гражданинъ, съ кускомъ падали въ зубахъ! Вѣдь несомнѣнно-же такъ. И — гражданинъ, конечно, гражданинъ! Онъ обязанъ имъ быть, обязанъ стоять на высотѣ строго теоретическихъ разсужденій, обязанъ понимать 279 статью, обязанъ отвѣчать по ней. Конечно! Тахта—и 279 ст.! Ха-ха! Тахта—и статья закона!...

Слова и тонъ Ройера кололи Копылина. Онъ испытывалъ нѣчто похожее на обиду, почти на личную обиду. И это чувство, ему самому непріятное, онъ старался подавить въ себѣ: онъ очень цѣнилъ и уважалъ Ройера, цѣнилъ въ немъ, какъ онъ говорилъ, «неподдѣльнаго европейца».

«Что жъ, вѣдь онъ въ сущности правъ, — думалъ Копылинъ. Обидно-то оно, обидно, но вѣдь правда. Что-жъ подѣлаешь! И во мнѣ-то заговорилъ дѣдушка—борзятникъ, обижается! — острилъ надъ собою Копылинъ. Но какъ ни старался онъ отостриться отъ непріятнаго настроенія, въ которое привелъ его Ройеръ, глухое чувство недоволь-

Digitized by Google

ства и раздраженія шевелилось у него гдѣ-то далеко въ глубинѣ, «въ мозгахъ». И онъ ясно сознавалъ, что никогда европеецъ — Ройеръ не казался ему такимъ далекимъ, такимъ чужимъ ему человѣкомъ.

Копылинъ съ Ройеромъ уже были на большой городской улицѣ, когда ихъ нагнали три крестьянскія телѣги. Съ одной изъ нихъ соскочилъ лѣтъ шестнадцати мальчикъ, въ черной суконной блузѣ, и подбѣжалъ къ Копылину. Копылинъ узналъ въ немъ одного изъ помощниковъ садовника князя Кейстутъ-Вилинскаго. Мальчикъ усердно просилъ сообщить ему, «какое рѣшеніе вышло Митрію Иванычу».

— Плохо, голубчикъ, плохо: осудили на смерть.

— Охъ, Господи! — мальчикъ схватился за животъ. — А дѣдушкѣ Антонычу?

— Тоже!

— А Фролъ Копьсвскій? — уже почти плача, спрашивалъ мальчикъ.

— И его, и его,—махнувъ рукой, на ходу, отвѣтилъ Копылинъ.

Мальчикъ побѣжалъ обратно къ телѣгамъ.

Мужики слушали его и, снявши шапки, медленно крестились.

Копылинъ съ Ройеромъ пошли по направленію къ дому князя Кейстутъ-Вилинскаго.

Князь быстрыми шагами ходилъ по ковру своего обширнаго кабинета. Онъ всей своей статной,

Digitized by Google

дородной фигурой нервно вздрагивалъ на ходу; бѣлой, пухлой, по формѣ женской рукой онъ то пощипывалъ свою окладистую сѣдую бороду, то теръ широкую, раскраснѣвшуюся плѣшь. На диванѣ сидѣла княгиня Софья Никаноровна, а дальше, вглубь комнаты, у письменнаго стола, во фракѣ со значкомъ, адвокатъ, защитникъ Мити и Антоныча, своими близорукими глазами слѣдилъ за движеніями князя. Онъ то надѣвалъ пенснэ и подавался впередъ, какъ-бы собираясь отвѣчать князю на его быстрые, отрывочные вопросы, то опять снималъ пенснэ и откланялся къ спинкѣ стула.

— Да какъ-же это? какъ это возможно? Антоныч! Антонычъ—преступникъ? Антонычъ убійца? Антонычъ мухи на своемъ вѣку не обидѣлъ! А Митя? — продолжалъ князь порывистымъ, почти пискливымъ голосомъ.—Я прежде самъ думалъ, не вѣрилъ Аришѣ, полагалъ, — лжетъ, скрываетъ. Послѣ узналъ, убѣдился: онъ вѣдь дѣйствительно весь день проспалъ, тамъ совсѣмъ не былъ... Какъ же это?

Князь, не дожидаясь отвѣта, кидалъ вопросъ за вопросомъ, говорилъ съ несвойственной ему быстротой и плавностью. Въ голосѣ его слышалась сухая, точно скрипъ, жесткая нотка.

Княгиня съ безпокойствомъ глядѣла на мужа. Она знала, что, охваченный сильнымъ волненіемъ, князь говоритъ не такъ, какъ всегда: его рѣчь, въ такія минуты, льется плавно, горячо. И эта плав-

Digitized by Google

ность и горячность его рѣчи, и своеобразный сухой скрипъ его голоса — признакъ сильнѣйшаго волненія — пугали ее. И въ то же время его «Митя», его «Ариша», въ присутствіи посторонняго, почти незнакомаго человѣка, казались княгинѣ совершенно лишней интимностью и коробили ее.

Когда вошелъ Копылинъ, князь обратился къ нему съ тѣми же вопросами.

— Почему-же, Митя меня?.. — Князь недоговорилъ и ближе подступилъ къ Копылину. — Помилуйте! Вѣдь я знаю, — его тамъ не было, я могъ сказать, — онъ не виновенъ... Почему же?..

— Не знаю, князь, — не сразу отвѣтилъ Копылинъ, — не знаю, вѣроятно, не желалъ... не хотѣлъ васъ...

— Да! публичный допросъ! Щадилъ меня... Бѣдный Митя! Бѣдный мой Митя!

При послѣднихъ словахъ княгиня быстро опустила глаза. Всѣ замѣтили это движеніе, кромѣ князя.

— Но чѣмъ-же доказано? какъ доказано?

— «Субъектъ преступленія въ данномъ случаѣ это — толпа». Такъ, по вашему, кажется? — обратился Ройеръ къ адвокату — «Въ движеніяхъ массы нѣтъ возможности съ точностью опредѣлить дѣятельность каждой отдѣльной единицы. Достаточно доказать, что тотъ или другой подсудимый находился въ толпѣ и принималъ участіе въ ея дѣйствіяхъ». Такъ, кажется?

Digitized by Google

— Но позвольте, какъ-же?—горячился князь:— Достаточно доказать, что былъ въ толпѣ. Но вѣдь одинъ больше, другой меньше. У каждаго своя, какъ сказать? отдѣльная воля, отдѣльная жизнь. Это вѣдь, какъ сказать? совершенно субъективно...

— Не знаю, князь, я не юристъ. Когда поднимается тифонъ,—продолжалъ Ройеръ,—и несется на насъ, грозя затопить нашъ корабль, мы стрѣляемъ въ него, не разбирая, куда попало, лишь бы разбить. Тутъ нѣтъ времени думать объ отдѣльныхъ капляхъ, изъ которыхъ состоитъ этотъ смертоносный столбъ. Когда-же онъ упадетъ и опять сольется съ волнами, опять, вмѣстѣ съ ними, спокойно несетъ нашъ корабль,—какъ его найти? какъ отыскать тѣ самыя капли, которыя грозили нашему кораблю?..

VI.

Домна Савосина стояла у своей избы, когда на трехъ телѣгахъ изъ города возвратились мужики. Она въ теченіе трехнедѣльнаго засѣданія суда еще два раза ходила въ городъ; оба раза долго простаивала у зданія суда, но ничего не добилась и даже не видѣла мужа. Ею уже начинало овладѣвать сомнѣніе; непонятная ей задержка Фрола вызывала тревогу за его участь. Но она все же надѣялась, крѣпкая его увѣренностью и тѣмъ полнѣйшимъ спокойствіемъ, съ которымъ онъ, при послѣднемъ

Digitized by Google

кратковременномъ свиданіи, дѣлалъ распоряженія по хозяйству, «неровно еще тутъ задержутъ».

Поровнявшись съ Домной, мужики сняли шапки и поклонились ей медленнымъ, низкимъ наклоненіемъ головы. Непривычная къ такой почтительности, Домна не приняла поклоновъ на свой счетъ и, не отвѣтивъ мужикамъ, оглядывалась кругомъ, ища того, къ кому эти почтительные поклоны могли относиться. Убѣдившись же, что односельцы поклонились именно ей, она сильно смутилась, и ее охватила неопредѣленная тревога. Она хотѣла было уже бѣжать за проѣхавшими телѣгами, какъ изъ избы раздался слабый голосъ ея сына Васяньки:

— Мама, мама!

Домна вошла въ избу. Васянька лежалъ на широкихъ доскахъ кутника, быстро и тяжело дыша. Отъ его воспаленнаго, кирпичнаго цвѣта личика несло жаромъ.

— Испить!..

Домна подняла ковшъ къ его губамъ; но мальчикъ пить не могъ: глотанье причиняло ему боль, и онъ, сдѣлавъ съ усиліемъ два глотка, вновь отвалился на изголовье.

Мать въ раздумьи стояла надъ нимъ и прикладывала смоченную водою тряпочку къ его горячему лбу.

Вошла маленькая, сморщенная старушка, извѣстная въ селѣ Марѳа-Модница, долгіе годы жившая прежде на барскомъ дворѣ.

Digitized by Google

— А ты, слышь, Домнушка, не убивайся, милая: все въ Божьей волѣ; никто, какъ Богъ!—заговорила старушка. Но по вопросительному, недоумѣвающему взгляду Домны сейчасъ замѣтила, что исходъ суда и участь Фрола ей неизвѣстны.

— Были въ городу?—робко спросила Домна о проѣхавшихъ мужикахъ.—Обсчетъ суда...

— Нѣтъ, милая, должно еще не прикончился—поспѣшно перебила ее Модница.—Тебѣ бы сходить самой...

— И то сходить, да вотъ Васянька.

— А что? — Марѳа-Модница подошла ближе, внимательно всматриваясь въ больного мальчика и прислушиваясь къ его дыханію.

— Вотъ третій день головкой жалится, жаръ по емъ, по всему тѣлу. Все-бы пить, ѣды — ни Боже мой.

— Вотъ этакъ-же у Акулины Липатовой, что въ Сосновку отдана; мать-просвирня, — пояснила Марѳа-Модница: — дѣвочка ужъ большенька, годковъ восьми иль девяти; головка, да головка, жаръ и опухъ округъ шеи. На третій день кончилась.

Почти до полуночи просидѣла Марѳа-Модница у Домны, помогая ей ухаживать за больнымъ и укачивать грудную дѣвочку, которая то и дѣло просыпалась въ люлькѣ, висѣвшей у печки.

За полночь жаръ у Васянькн сталъ спадать и къ разсвѣту почти совсѣмъ упалъ. Но Васянька казался еще слабѣе: онъ уже не просилъ пить; не-

Digitized by Google

движно лежалъ на спинѣ, безсильно откинувъ на бокъ головку.

Домна замѣтила, что руки и ноги у него начинаютъ холодѣть.

— Никакъ помирать хочешь, Васяня? — тихо шептала мать, наклонившись къ лицу сына.

Васянька молчалъ, уставясь въ нее неподвижными мутными глазами.

Домна поправила ему волосы, сбившіеся на лобъ, и тихо гладила его бѣлокурую головку.

— Помирать хочешь, сыночекъ?..

— По-ми-лать! — еле слышно шепталъ Васянька.

Сквозь мутныя оконныя стекла слабо сквозилъ отблескъ разсвѣта. Корова стояла у избы, закрывая своей сѣрой массой окно, мычала, вытянувъ морду черезъ низкую калитку. Вдали раздался рожокъ мірского пастуха.

— О-охъ! еще не доена! — Домна вскочила и быстро вышла изъ избы.

Когда она, спустя полчаса, съ полной доенкой вернулась въ избу, Васянька лежалъ мертвый, закинувъ назадъ уже побѣлѣвшее личико и повернувъ къ подбородку крѣпко сжатую въ кулачокъ руку.

Домна поставила доенку и выбѣжала. Она бѣжала къ барскому двору. Выглянувшій въ ворота парень, почесываясь и зѣвая, сообщилъ ей, что «господа вечоръ уѣхали въ городъ». Домна мимо барскаго двора побѣжала въ городъ.

Digitized by Google

Солнце яснаго, прохладнаго сентябрьскаго утра стояло еще не высоко, когда Домна подошла къ тюремному замку. Часовой медленно ходилъ передъ входною дверью тюрьмы; рѣшетчатыя ворота тюремнаго двора были еще заперты. Домна долго стояла у воротъ, пока одинъ изъ тюремныхъ служителей не обратилъ на нее вниманія.

— Васянька померъ. Хоронить отпустютъ, что-ль?.. Утресь померъ...

— Да тебѣ кого?—вторично съ нетерпѣніемъ спрашивалъ ее старый унтеръ.

— Фрола, хозяина... Не пущаютъ развѣ?.. Утресь только...

— У насъ только два раза въ недѣлю допущаютъ свиданія арестантовъ, — авторитетно объявилъ унтеръ и прошелъ дальше.

Языкъ суроваго стража оказался слишкомъ оффиціальнымъ для пониманія Домны. Она продолжала стоять и ждала до тѣхъ поръ, пока тотъ же унтеръ, проходя вторично мимо воротъ, не окрикнулъ ее:—Чего-жъ стоишь попусту? Сказано: сегодня не допущаютъ; только два раза въ недѣлю.

Домна направилась къ дому князя.

Леночка, свѣжая, здоровая, съ распушенными волосами, въ синенькой теплой тужуркѣ съ утра играла въ саду съ Катей. Четырехлѣтняя Катя восхищенно бѣгала за колясочкой, въ которой три большія куклы дѣлали визиты, переѣзжая отъ одной бесѣдки къ другой. Няня Клавдія ходила по

Digitized by Google

аллеямъ за дѣтьми, сдерживая слишкомъ пылкую ихъ бѣготню. Она съ вечера уже знала о приговорѣ военнаго суда и о судьбѣ Мити, и увела Леночку съ Катей въ дальнія аллеи, всѣми мѣрами стараясь отдалить дѣтей отъ флигеля, гдѣ, на попеченіи Юліи Райской, въ конвульсивныхъ рыданіяхъ билась Ариша.

— А ты, Леночка, не такъ шибко; колясочка-то не легенькая; спотѣешь, простудишься, дѣточка.

— Мы, няничка, только поѣдемъ съ визитомъ къ баронессѣ, туда, туда-а-а, дале-е-ко, и вернемся обѣдать... Мы не очень побѣжимъ.

И Леночка легкой рысцой повезла колясочку внизъ, къ людской избѣ. Свернувши по боковой тропинкѣ, она увидѣла сидѣвшую за избой Домну и остановилась, вопросительно глядя на незнакомую ей деревенскую женщину.

— Тебѣ кого, милая?—издали спрашавала подходившая няня Клавдія.—А-а, Домнушка! Я издали тебя не признала. Ты...—Няня хотѣла было что-то сказать, но остановилась, вспомнивъ о Фролѣ.

— Васянька,—глухо проговорила Домна, вставая и подходя ближе къ Клавдіи.

— Васянька? А что такое?

— Померъ, утресь померъ; хоронить...—не говорила, а шептала Домна. Правая щека ея конвульсивно вздрагивала и ирыгала.

— Померъ? о, Господи!—Няня прижала руку къ груди; въ глазахъ ея показались слезы.

Digitized by Google

При видѣ этихъ слезъ и Домна заплакала; заплакала тихо, робко.

Леночка слышала слова: «Васянька померъ», видѣла слезы няни и Домны, и стояла, тревожно оглядывая то свою няню, то незнакомую ей женщину.

— А меньшенка?—спросила няня.

— Анютка? дома,—всхлипывая, отвѣтила Домна.

Услышавъ слово «Анютка», Леночка бросилась къ своей колясочкѣ, вынула изъ нея самую большую куклу и, подбѣжавъ къ Домнѣ, всѣми силами старалась ей втиснуть въ руки игрушку.

— Возьми! возьми!—дрожащимъ голосомъ настаивала Леночка.

Домна машинально взяла куклу и стояла, утирая рукавомъ слезы.

Вдругъ Леночка схватила руку Домны, горячо прильнула къ ней губами и зарыдала.

— Леночка! Что ты, дѣточка? что ты, голубчикъ мой?—спохватилась няня Клавдія, поспѣшно уводя дѣвочку.

Домну снабдили всѣмъ необходимымъ и отвезли обратно въ Копьевку.

Возвратясь домой, она увидѣла своего Васяньку уже въ гробу. Сосѣди, съ ранняго утра привлеченные крикомъ грудной дѣвочки, вошли въ открытую избу, увидали умершаго и, до возвращенія Домны, сколотили гробикъ и обрядили маленькаго покойника.

Только здѣсь, увидѣвъ въ гробу уже осунув-

Digitized by Google

шееся, исхудалое личико, бѣлый, почти блестящій лобикъ своего единственнаго сына, Домна дала волю своему горю. И полились тѣ сердце надрывающіе вопли, тѣ ничѣмъ не сдерживаемые вопли деревенской матери, которые, разъ услышавъ, не скоро забываютъ даже наиболѣе самоувѣренные, наиболѣе самодовольные люди...

VII.

Черезъ нѣсколько дней за Васянькой послѣдовала и Леночка. Тотъ страшный недугъ, который, какъ говорятъ, еще Фараону Богомъ Израиля посланъ былъ въ видѣ послѣдней и самой страшной казни, унесъ Васяньку, унесъ и Леночку.

Два-три дня кряду послѣ посѣщенія Домны Леночка проявляла особенно оживленное, игривое настроеніе: цѣлый день прыгала, пѣла, рѣзвилась.

— Канареечка ты моя!—радовалась на нее няня Клавдія.

— А у тебя опять печень болитъ, папочка?—спрашивала Леночка, привыкшая этимъ, часто при ней произносимымъ, словомъ объяснять себѣ удрученное состояніе князя.

— Да, печень, дѣточка.

— Хочешь, папочка, я тебя полѣчу, какъ прежде?—И Леночка обвила руками шею отца и силилась, какъ можно крѣпче, прижаться къ его груди.

Digitized by Google

Легкія, мимолетныя вспышки капризовъ и раздраженія, которыя въ эти дни проявлялись у Леночки, какъ-то проходили не замѣченными.

На третій день, въ Копьевкѣ, она съ утра попросилась въ лѣсъ собирать опенки и, на возраженія няни, раздраженно и капризно настаивала. И эта настойчивость, такъ мало отвѣчавшая послушному, мягкому характеру дѣвочки, не остановила ничьего вниманія.

Пришлось уступить: взяли нѣсколько дворовыхъ дѣвочекъ и, подъ руководствомъ Юліи Райской, отправились въ лѣсъ, прилегавшій къ парку копьевскаго дома.

«Ужъ я золото хороню, хороню,
Чисто серебро берегу, берегу...»

хоромъ пѣли взрослые и дѣти, и громче всѣхъ звенѣлъ голосъ Леночки.

«Палъ, палъ перстень
Въ калину-малину...»

выводила Леночка мелодичныя, заунывныя ноты.

Весело, оживленно и неутомимо прыгала она межъ деревьевъ, съ особеннымъ искусствомъ высматривая и разыскивая знакомые ей грибы. Она уже разъ наполнила свою маленькую корзинку, и все еще продолжала искать, радуясь, что нашла и собрала больше другихъ. Но, среди этого веселья, Леночка вдругъ, безъ всякой видимой причины, горько расплакалась.

Digitized by Google

— Пойдемъ, пойдемъ, Леночка, домой: ты устала, дѣвочка, довольно!—заторопила ее Юлія.— Неопредѣленная тревога щемила ей сердце.

Послѣ обѣда Леночка жаловалась на головную боль и, противъ обыкновенія, уснула, сидя на диванѣ. Объяснили утреннею усталостью.

Къ вечеру секретарь князя привезъ ему отвѣтъ отъ предсѣдателя военнаго суда. Удивляясь, что князь проситъ разрѣшенія видѣться съ подсудимыми, «тогда какъ для его сіятельства и безъ этого во всякое время входъ въ замокъ свободенъ», предсѣдатель просилъ его «пользоваться этимъ правомъ по своему усмотрѣнію». Князь рѣшилъ на другой день посѣтить Митю и Антоныча, а княгинѣ захотѣлось посмотрѣть гастролировавшую столичную знаменитость, и она уѣхала въ городъ.

Ночью у Леночки жаръ усилился; появилась тошнота и боль въ горлѣ.

— Папочка, отчего ты не поѣхалъ въ театръ? Поѣзжай, папочка!—уговаривала Леночка.

— Какъ-же, Леночка? Ты больна, дѣточка.

— Я съ Юлей, съ няничкой и съ миссъ. Поѣзжай, папочка.

— Нѣтъ, Муличка; какъ-же я тебя оставлю, больную?

— А мама?—И недоумѣніе выразилось на лицѣ у дѣвочки: незнакомая и ей самой непріятная мысль вдругъ встревожила ее.

Digitized by Google

Князь замѣтилъ тревожное выраженіе лица дѣвочки.

— Видишь-ли, дѣвочка, я уже много разъ видѣлъ эту пьесу и эту актрису видѣлъ въ Петербургѣ,—совралъ князь.—Мнѣ неинтересно. А мама еще ни разу не видѣла. Она скоро пріѣдетъ.

— Ну да, папочка... да... да!..—кивала головой Леночка. Глаза ея улыбались и радостно смотрѣли на отца. Непріятное чувство недоумѣнія сразу разрѣшилось...—Ну, да, папочка... да, ты уже много, много видѣлъ театровъ, а мама немного...

Передъ разсвѣтомъ примчалась изъ города княгиня; пріѣхали и врачи. И князю пришлось услышать страшное, безпощадное слово: дифтеритъ...

Десятки средствъ, изъ которыхъ каждое рекомендовалось, какъ радикальное, были примѣнены; но положеніе дѣвочки все становилось хуже и труднѣе.

— Не хорошо!.. Сердце ослабѣло... пульса почти нѣтъ,—мрачно ворчалъ старый докторъ. Князь, послѣ трехъ безсонныхъ ночей, слушалъ, но не вполнѣ понималъ и не вѣрилъ.

И онъ самъ сталъ щупать пульсъ у Леночки. Его собственное сердце билось; онъ въ концахъ своихъ пальцевъ ощущалъ это біеніе, и ему казалось, что онъ ощущаетъ пульсъ у Леночки.

— Что-же вы говорите? у нея пульсъ сильно бьется...

Врачи молча переглянулись...

Digitized by Google

Блѣдные осенніе лучи, какъ сквозь дымку, свѣтили въ высокія окна и слабо мерцали на тяжелой бронзѣ камина. Большіе, старинные часы заиграли маршъ и ударили три четверти. Князь, подъ тактъ марша, шагалъ по большой, высокой гостиной, уставленной тяжелой, старинной мебелью. Часы перестали бить, а онъ шагалъ, кивая въ тактъ головой, мысленно напѣвая съ дѣтства знакомый ему маршъ. Толкнувшись колѣномъ объ ножку стола, князь споткнулся и опустился на широкій малиновый диванъ. Онъ ушелъ въ мягкія пружины и прислонился къ высокой спинкѣ. Ему показалось удобно и покойно. Передъ его глазами бѣлѣлъ широкій, круглый циферблатъ часовъ, и онъ машинально уставился въ вычурныя, на старинный ладъ вырѣзанныя цифры.

...Пятьдесятъ минутъ... пятьдесятъ... пятьдесятъ двѣ минуты... пятьдесятъ три...

У князя рябитъ въ глазахъ; часовая стрѣлка удлиняется...

Пятьдесятъ пять... Часовая стрѣлка все длиннѣе... выше, двоится...

Нѣтъ!! это только такъ кажется!

П...я...ть...де...сятъ... ш...е...с...

. . . . . .

И князь видитъ не стрѣлку, а дерево, тополь, не одинъ тополь, много тополей... Вотъ бѣлая акація, кусты... деревья... знакомый балконъ... И какіе-то отрывки давняго прошлаго,

Digitized by Google

когда еще ничего этого не было, ни холеры, ни суда, ни даже Леночки,—встаютъ въ умѣ князя съ раздражающе безсвязной яркостью. Знакомыя, давно забытыя фигуры выскакиваютъ, точно маріонетки; слова, годами затерявшіяся въ памяти, звучатъ отчетливо и ясно; оттѣнки ощущеній проходятъ въ душѣ.

Вотъ вертится передъ нимъ на балѣ Анюта Величковская. Провинціальная красавица, дочь предводителя, весь полкъ съума сходитъ по ней. А она намѣтила себѣ богатаго и родовитаго князя. Онъ застѣнчивъ, она, по провинціальному развязна, прыгаетъ, вертится около него, ревниво дразнитъ его Сонечкой Бойченко, дочерью директора гимназіи, Сонечкой.

— Вотъ вашъ предметъ любви, вотъ вашъ предметъ любви!

Какъ надоѣдаетъ! до неприличія надоѣдаетъ! Что ей до Сонечки Бойченко? А Сонечка, въ самомъ дѣлѣ, какъ выровнялась за эти пять лѣтъ, смугляночка! Давно-ли маленькой дѣвочкой, съ ридикюльчикомъ въ рукахъ и съ книжечками бѣжитъ бывало мимо квартиры князя.

— А кому у васъ сегодня языкъ надѣвали, Сонечка?

— У насъ сегодня не было языка въ *пинсіонѣ*.

— Въ пинсіонѣ! Какъ они здѣсь говорятъ въ хохландіи.

Сонечка Бойченко!.. Вотъ гимназическій садъ.

Digitized by Google

Весенній вечеръ, тихій, теплый, ароматный вечеръ... Она прильнула къ нему на грудь...

— Папочка! папочка! — кричитъ откуда-то Леночка. Откуда она? Вонъ она бѣгаетъ, прыгаетъ за кустами, прячется маленькая шалунья.—Папочка! ѣдемъ скорѣе. Вонъ, какія тройки.

И тройки несутся одна за другою: весь полкъ, весь городъ провожаетъ князя съ молодой княгиней.

Тупъ-тупъ-тупъ-тупъ! Эй вы соколы!

— Прощай, дорогой товарищъ! Дай тебѣ Богъ!.. Полковникъ съ бокаломъ въ рукахъ, всѣ съ бокалами.

Трамъ-тамъ-тамъ-тамъ. Трубачи гремятъ, весь полковой хоръ.

Трамъ-тамъ-тамъ...

Маршъ? да, маршъ! А-а! это играютъ часы въ копьевскомъ домѣ, въ гостинной.

Трамъ-тамъ-тамъ.

Дай тебѣ Богъ! Дорогой товарищъ.

Ура! ура! ура-ра-ра-ра!..

—Баринъ! Баринъ! баринъ! ради Господа, баринъ! Скорѣе, идите!—кричитъ няня Клавдія, рыдая и ломая руки.—Баринъ! скорѣй, баринъ!..

Князь открылъ глаза. Часы доигрывали послѣдніе такты марша, длинная черная стрѣлка стояла на двѣнадцати.

— Скорѣе, ради Господа, скорѣе,—Клавдія чуть не тащитъ его.

Digitized by Google

Князь вскочилъ. Няня Клавдія на бѣгу направила его въ ту комнату, гдѣ лежала Леночка.

— Наша Муличка...—Слышится чей-то глухой хриплый голосъ... Жена?..

Около кровати—спины, бороды... А — а! доктора!

Чей это затылокъ на кровати?

Леночка лежитъ на боку съ закрытыми глазами; быстро, отрывисто дышетъ и какъ-то странно при этомъ вскидываетъ головкой.

Зачѣмъ она такъ вскидываетъ головкой?..

Но вотъ Леночка медленно потянулась на спину и—перестала вскидывать головкой...

Кто-то страшно вскрикнулъ...

Чья-то сильная рука обхватила князя, и онъ послушно идетъ за этой рукой...

Что за звуки? Визгъ, стукъ, бѣготня...

Онъ сидитъ или лежитъ на чемъ-то мягкомъ. Ему удобно и хорошо; только голову давитъ что-то холодное, тяжелое. . . . . .

. . . . . .

Когда князь очнулся, онъ лежалъ на диванѣ; около него стоялъ одинъ изъ докторовъ. Тотъ-же на немъ легкій пиджакъ, въ которомъ онъ былъ съ утра; но галстуха нѣтъ; воротъ рубашки разстегнутъ и шея открыта. Пахнетъ какимъ-то противнымъ лѣкарствомъ.

Князь пристально посмотрѣлъ на доктора, будто что-то припоминая, и вдругъ поднялся съ дива-

Digitized by Google

на и почти бѣгомъ бросился въ комнату Леночки.

У самой двери на него пахнуло холодомъ изъ открытаго окна.

— Какъ?! окно! Кто смѣлъ? простудить!..

И на полу, у кровати, онъ увидѣлъ Леночку. Вся бѣлая лежала она, съ раскинутыми руками, на голыхъ доскахъ пола, и двѣ незнакомыя князю женщины обмывали ея нагое тѣльце.

— Что вы? какъ?..

Князь оттолкнулъ женщину, схватилъ Леночку на руки и приподнялъ ее къ себѣ. Мертвая головка дѣвочки свисла на бокъ, и тѣло ея мертвеннымъ холодомъ обдало ему лицо, грудь и все существо...

И князю показалось, что не то изъ рукъ его падаетъ Леночка, не то онъ самъ падаетъ, летитъ куда-то внизъ, въ темный, холодный колодезь...

VIII.

Не смотря на всю свою убѣдительность, приговоръ суда не произвелъ особеннаго впечатлѣнія на Фрола Савосина. Его не трогали ни слезы и рыданія однихъ подсудимыхъ, ни серьезное, молитвенное настроеніе другихъ, въ особенности Антоныча, который готовился принять позорную смерть съ христіанскимъ смиреніемъ. Фролъ ходилъ по камерѣ и по тюремному двору молчаливый, сосредоточен-

Digitized by Google

ный; лицо его не выражало ни печали, ни угнетенности. Напротивъ, временами на этомъ красивомъ лицѣ мелькало что-то задорное, въ большихъ сѣрыхъ глазахъ сверкалъ вызывающій огонекъ: погоди-молъ, посмотримъ еще! дай срокъ!

Только, когда на третій день послѣ объявленія приговора онъ узналъ о смерти своего Васяньки, его прижало: нѣсколько дней ходилъ онъ съ опущенной головой и напѣвалъ церковное. Словъ нельзя было разобрать, но скорбные, молитвенные звуки гудѣли непрерывно въ теченіе цѣлаго дня. Когда-же, спустя три недѣли, было объявлено, что осужденнымъ на смерть дарована жизнь, и смертная казнь замѣнена каторжными работами, Фролъ, выслушавъ это объявленіе, окинулъ стоявшихъ рядомъ осужденныхъ торжествующимъ, побѣдоноснымъ взглядомъ и почти насмѣшливо посмотрѣлъ на начальство. Сосредоточенный и молчаливый, онъ продолжалъ ходить по камерѣ и по тюремному двору. Ничто, казалось, не въ состояніи было поколебать какой-то твердой увѣренности его, ничто не въ состояніи было отвлечь его отъ какой-то мысли, овладѣвшей всѣмъ его существомъ. Онъ совершенно безучастно смотрѣлъ, когда ему перебривали половину головы, какъ будто это касалось вовсе не его, а кого-то другого. Онъ хладнокровно смотрѣлъ на Домну, когда она, приходя въ острогъ, заливалась слезами; не слушалъ сообщаемыхъ ею хозяйственныхъ свѣдѣній, рѣдко отвѣчалъ на ея во-

Digitized by Google

просы. Всѣ его мысли, всѣ его интересы, казалось, сосредоточены были на чемъ-то другомъ, не имѣвшемъ ничего общаго ни съ хозяйствомъ, ни съ Домной, ни даже съ умершимъ Васинькой.

— Такъ какъ-же велишь?

— Чего эта?

— А объ телкѣ, объ рыжей: продавать, что-ль? Максимиха десять сорокъ даетъ...

— А что развѣ?

— А не молочено. Свезти—свезла, а молотить чѣмъ стану?..

Фролъ смотритъ на нее и молчитъ.

— Погоди, дай срокъ...

«Когда-же годить»?—думаетъ Домна. «Осень на дворѣ, дожди пойдутъ, а не молочено».

Но, уходя, она все же рѣшается рыжую телку не продавать и годить, пока велитъ Фролъ. Ей, правда, это распоряженіе кажется страннымъ и непонятнымъ; но, за двадцатилѣтнюю жизнь съ Фроломъ, она такъ привыкла вѣрить основательности и сообразительности своего хозяйственнаго мужа, что въ самой этой странности и непонятности его распоряженія ей мерещится нѣчто утѣшительное, свѣтится еще слабый лучъ надежды; ей еще вѣрится, что вотъ-вотъ Фролъ вернется домой и самъ распорядится объ рыжей телкѣ и обо всемъ остальномъ.

Митя въ первый день объявленія приговора проявилъ злобное, почти буйное настроеніе. Онъ неистово ругался, кричалъ, рычалъ и кидалъ такіе

Digitized by Google

свирѣпые взгляды, что осужденные на смерть люди боялись подходить къ нему, сторонились и давали дорогу.

— Эй ты, монашка! стучи покрѣпче!—кричалъ онъ Антонычу, погруженному въ молитву.—Шиби лбомъ доски! Авось вымолишь: веревка лопнетъ. Только не больно надѣйся, дурья голова: одна лопнетъ, найдутъ другую...

Но черезъ два дня онъ сталъ замѣтно стихать, а узнавши о смерти Леночки, совсѣмъ затихъ. Нѣмой и недвижный, сидѣлъ онъ на нарахъ; по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ камеры и сидѣлъ почти безъ пищи. Онъ не выходилъ даже, когда къ нему приходила Ариша съ дѣтьми.

«У меня было большое желаніе, — писалъ онъ князю,—прежде чѣмъ... увидѣть еще разъ Леночку; очень большое желаніе... Я только не зналъ, какъ это сдѣлать. Теперь... нѣтъ. Я васъ прошу изъ за меня не ѣздите въ Петербургъ, не хлопочите,—не надо»...

И онъ продолжалъ недвижно сидѣть на нарахъ.

Былъ одинъ мимолетный взрывъ. Это было, когда онъ увидѣлъ себя съ перебритой головой, въ кругу такихъ-же, какъ и онъ, перебритыхъ каторжниковъ. Онъ закрылъ глаза судорожно сжатыми кулаками и съ минуту простоялъ въ такомъ положеніи. Потомъ послышался не то стонъ, не то мычанье, и— раздался ударъ объ стѣну. Какъ подъ пудовой ги-

Digitized by Google

рей, смялась и отлетѣла стѣнная штукатурка, а изъ разбитой руки Мити полилась кровь. Но онъ тутъ-же оперся объ эту самую стѣну и медленно опустился на полъ.

— Мала — мала кружалъ, — пояснилъ калмыкъ Тохта, вертя растопыренной пятерней надъ своей перебритой головою и вглядываясь въ мертвенно блѣдное лицо и закрытые глаза Мити.

XI

....«Князя увозятъ въ его литовское имѣніе,— писалъ Ройеръ Крулинскому, который, вскорѣ послѣ суда, оставилъ службу и уѣхалъ въ Малороссію.— Тамъ у него родовое, дѣдовское владѣніе, выкупленное, кажется, отцомъ его изъ чужихъ рукъ. Говорятъ, что-то вродѣ стариннаго замка, среди вѣковыхъ лѣсовъ, замѣчательный паркъ. Надѣются, что лѣсной воздухъ будетъ ему полезенъ. Везутъ его черезъ мѣсяцъ, въ апрѣлѣ. Пока тамъ производятъ какіе-то ремонты.

«Бѣдный Кейстутъ! ѣдетъ, куда везутъ, безпрекословно подчиняется, какъ дитя! Противъ заграницы, впрочемъ, запротестовалъ. Юлія Райская— безотлучно при немъ. Что за прелесть эта Юлія!

«Да! любилъ князь свою несчастную Леночку! И особенной любовью, должно быть, любилъ онъ эту несравненную дѣвочку. Должно быть, не той горячей, ключемъ бьющей любовью, которою любятъ

Digitized by Google

дѣтей своихъ молодые родители, полные жизни и силъ, а тою исключительностью и безраздѣльностью чувства, которымъ привязываются къ своимъ малюткамъ пожилые люди, на склонѣ лѣтъ... тою общностью уцѣлѣвшихъ душевныхъ силъ, тою неизмѣнностью настроенія, когда въ жизни уже не остается времени для колебаній и нѣтъ срока для выбора... когда остается лишь одинъ путь, одно направленіе... Закроется этотъ путь, закроется сама жизнь; померкнетъ лучъ, освѣщающій даль, погаснетъ съ нимъ и жизнь... И счастливъ, кому, за туманомъ этой дали, еще мерцаетъ свѣтъ, рѣютъ образы, улыбается вѣчность... Но...

«Лучше разскажу вамъ послѣднюю, довольно пикантную новость. Сообщилъ мнѣ ее,—вы, конечно, догадываетесь, — Копылинъ. Это о Ренчковскомъ. Кстати, онъ получилъ переводъ, повышеніе; на дняхъ уѣзжаетъ. Такъ вотъ, мѣсяца два назадъ... Нѣтъ, не до копылинскихъ новостей мнѣ... Впрочемъ, кстати, о Копылинѣ. «Болтунъ, безъ души, легкомысленный человѣкъ!» Вчера зашелъ ко мнѣ этотъ легкомысленный человѣкъ, безъ души. Разговорились о Кейстутахъ; вспомнили Леночку. Разрыдался, какъ баба, разрыдался. Поди, узнай человѣка. И о князѣ Кейстутѣ тоже, послушайте, что теперь говорятъ. Помните, пока предводительствовалъ, члены той, другой партіи, *настоящіе*, что толковали? И скроменъ слишкомъ, и сварливъ недостаточно, и насчетъ престижа ихъ не удовлетворялъ. Теперь

Digitized by Google

ушелъ, оказывается, замѣстителя нѣтъ! И злѣйшіе враги, изъ *настоящихъ настоящіе*, поняли и оцѣнили. Такъ—всегда.

«Прощайте... Ахъ да... забылъ. На-дняхъ ко мнѣ пришла Домна Савосина, жена Фрола, помните, на судѣ: высокаго длиннобородаго копьевскаго мужика? «Омрачились... замлѣли сердешные»... помните? Такъ вотъ, пришла просить даровой билетъ, куда-бы вы думали? на «Соколиный островъ». Провѣдала откуда-то, что ея мужъ на «Соколиномъ острову» и пришла просить о даровомъ проѣздѣ. «Ужъ вмѣстѣ-бы вернулись. А то, что мнѣ тутъ безъ него!» Какъ ни увѣрялъ я ее, что на «Соколиный островъ» желѣзной дороги нѣтъ и билетовъ нѣтъ; она все свое: «Мнѣ-бы, батюшка, хоть какъ-нибудь. Всего я, да дѣвочка семилѣтка. А при насъ, окромя что на тѣлѣ одеженка...»

«Съ тѣмъ и ушла. Должно быть, не повѣрила».

XI.

Въ столичныхъ газетахъ появились публикаціи о продажѣ имѣній князя Александра Владиславича Кейстутъ-Вилинскаго. Продавались имѣнія въ четырехъ губерніяхъ, дома въ Москвѣ и еще кое-что. Люди, знавшіе состояніе князя, считали, что опубликованное къ продажѣ составляетъ болѣе трети, почти половину всего, чѣмъ владѣлъ князь. За болѣе подробными свѣдѣніями — сказано въ

Digitized by Google

публикаціи — обращаться къ главноуправляющему князя, отставному маіору Николаю Федоровичу Райскому, —ской губ, въ село Копьевку.

Княгиня, жившая въ Петербургѣ у дочери, была непріятно поражена этими неожиданными публикаціями. Она знала, что князь не нуждается и никогда не нуждался въ деньгахъ, и понять не могла, зачѣмъ ему понадобилась продажа такой значительной части его имѣній. Княгиня заволновалась.

Не такое впечатлѣніе произвели эти публикаціи на ея сына: онъ почти не обратилъ на нихъ вниманія. Беззаботный, добрый и еще очень молодой малый, онъ выросъ съ несокрушимымъ сознаніемъ, что все, что ему нужно, у него было, есть и всегда будетъ. Онъ не считалъ денегъ, хотя и не склоненъ былъ къ мотовству; не думалъ о средствахъ отца, никогда не считалъ ни чужихъ, ни своихъ доходовъ, и мысль о нуждѣ ему никогда не приходила въ голову. Возможность очутиться когда-либо въ положеніи человѣка нуждающагося, а тѣмъ болѣе бѣднаго, показалось-бы ему прямо противоестественной, какъ противоестественной показалась-бы мысль въ одно прекрасное утро проснуться не корнетомъ—ского полка, княземъ Александромъ Александровичемъ Кейстутъ-Вилинскимъ, а тѣмъ мѣщаниномъ Слойкинымъ, который торговалъ въ мелочной лавочкѣ противъ оконъ его квартиры, или той толстой бабой, которая всегда стояла

Digitized by Google

передъ воротами каретника, пока его кучеръ закладывалъ лошадей и усаживался на козлы.

Когда мать показала ему публикацію, онъ разсѣянно пробѣжалъ ее и положилъ газету на столъ. Ему и раньше попадались публикаціи о продажахъ лѣса, шерсти, овецъ и проч. въ имѣніяхъ его отца, и также мало останавливали его вниманіе.

Видя, что сынъ слишкомъ небрежно отнесся къ прочитанному, княгиня ему подробно сообщила, какія имѣнія продаются и насколько нѣкоторыя изъ нихъ цѣнны и доходны.

— Папа, конечно, знаетъ объ этомъ, — равнодушно замѣтилъ онъ.

— Но папа продаетъ почти половину своихъ имѣній; лишаетъ насъ... то-есть себя... половины состоянія!—нѣсколько раздраженно возразила княгиня.

— Но, maman, вѣдь это—его дѣло.

То же самое: «это—его дѣло» отвѣтилъ ей и зять ея, баронъ.

Не встрѣтивъ поддержки у дѣтей, княгиня рѣшилась обратиться къ маіору Райскому. Она знала, что этому старому товарищу и другу ея мужа несомнѣнно извѣстно все, и, прежде чѣмъ обратиться непосредственно къ мужу, она отъ маіора попыталась вывѣдать о цѣляхъ и намѣреніяхъ князя. Маіоръ пріѣхалъ въ Петербургъ, но тоже ничего опредѣленнаго не сказалъ. Самъ онъ изъ писемъ князя могъ, конечно, кой о чемъ догадываться; но и своихъ

Digitized by Google

догадокъ онъ княгинѣ не сообщилъ, предпочитая, чтобъ она узнала, что желаетъ, непосредственно отъ мужа. Князь изъ своего литовскаго имѣнія, черезъ Юлію, переписывался съ маіоромъ; въ ея письмахъ дѣлалъ иногда собственноручныя приписки. Среди различныхъ распоряженій дѣлового хозяйственнаго свойства встрѣчались намеки, отдѣльныя, отрывочныя фразы, достаточно ясно обнаруживавшія настроеніе и намѣренія князя. «Мы страдаемъ потому, что страдаютъ другіе. Когда другіе страдаютъ, должны и мы страдать»—писалъ онъ въ одномъ письмѣ. Въ другомъ письмѣ говорилось: «Отецъ Небесный не раздѣлялъ своихъ дѣтей. Мы оставляемъ заразу и смерть на Домнѣ Савосиной, ограждаемъ себя отъ нея, въ страхѣ бѣжимъ отъ нея. А Домна Савосина приходитъ и приноситъ эту заразу и смерть Леночкѣ. Отецъ Небесный не отдѣлялъ своихъ дѣтей никакими преградами»... Въ одномъ письмѣ князь сдѣлалъ большую приписку, въ которой, между прочимъ, сказалъ: «Леночка своей дѣтской душой понимала то, чего я не понималъ всю жизнь, не понялъ до старости. А теперь стараюсь понимать, хочу понимать, какъ понимала она, моя Леночка»...

Но то, чего желала княгиня достигнуть домашними, такъ сказать, средствами, въ семьѣ и черезъ семью, стало осуществляться само собою, внѣ семьи и почти помимо ея вліянія. На публикаціи обратили вниманіе и стали о нихъ говорить. Князя

Digitized by Google

Кейстутъ-Вилинскаго мало знали въ столичномъ обществѣ. Знали, что это очень богатый, но какой-то странный человѣкъ: живетъ гдѣ-то въ провинціи, тогда какъ, при своихъ средствахъ, могъ-бы жить въ столицѣ, какъ живутъ другіе и даже лучше другихъ. Холерное дѣло дало князю нѣкоторую извѣстность, но именно извѣстность такого рода, которая невольно побуждала общество искать совершенно особенныя объясненія его необычайному и странному намѣренію—безъ всякой нужды продавать богатыя и цѣнныя родовыя имѣнія. Догадывались, что княземъ руководятъ какія-то особенныя соображенія, какая-нибудь *идея*. Объ этой *идеѣ* толковали на разные лады. Особенно старался Сергѣй Сидорычъ. Правда, онъ лучше кого бы то ни было зналъ, что поступки князя менѣе всего объясняются такъ называемыми *идеями*; но въ то-же время онъ зналъ и то, что тамъ, гдѣ будутъ говорить объ *идеѣ*, будутъ говорить и о немъ, Сергѣѣ Сидорычѣ Фонькинѣ, «искренномъ доброжелателѣ и другѣ несчастной семьи этого добрѣйшаго и милаго, но все-же страннаго князя, его лучшаго друга»; что, поддерживая толки объ *идеѣ*, онъ постоянно и съ выгодной стороны напоминаетъ и о себѣ, тоже въ извѣстномъ смыслѣ «человѣкѣ идеи»...

Съ плохо скрываемой брезгливостью выслушивалъ эти непрошенно-участливыя рѣчи баронъ. Но княгиня ему внимала и нерѣдко выражала благо-

Digitized by Google

дарность «доброму Сергѣю Сидорычу». Польщенный такой признательностью, онъ усерднѣе юлилъ и громче барабанилъ, стараясь, чтобы его слышно было по возможности дальше.

Мало по малу, совокупная сила различныхъ, мало замѣтныхъ вліяній, постепенно и незамѣтно вызывала воздѣйствія и противодѣйствія, и въ результатѣ создала для князя маленькія, невѣдомыя и непонятныя ему, но весьма дѣйствительныя препятствія и преграды.

Такъ, одно большое имѣніе, продававшееся весьма дешево, рѣшилъ купить богатый петербургскій баринъ. Но онъ встрѣтилъ въ своемъ обществѣ такіе недоумѣвающіе взгляды, такъ странно приподнятыя брови, что махнулъ рукой и отказался.

Другое имѣніе совсѣмъ уже было продано, оставалось совершить актъ. Благодушный купецъ уже ходилъ по лѣсамъ и высчитывалъ, сколько выйдетъ тройнику и четверику изъ ствола, сколько кубиковъ—съ комля, вѣтки и вершинки. Но появились какія-то незначительныя, формальныя препятствія, и купчая все не утверждалась. И какъ ни старались устранить эти формальныя препятствія, кончилось тѣмъ, что пришлось возвратить покупщику полученныя деньги и «безъ всякаго суда и слѣдствія» уплатить ему неустойку.

Князя всѣ эти препятствія удивляли и раздражали. Недоумѣніе, подъ конецъ, смѣнилось подо-

Digitized by Google

зрѣніями. Онъ не рѣшался допустить, а тѣмъ болѣе высказать эти подозрѣнія относительно своей семьи; но нѣчто подобное иногда проскальзывало у него между строкъ. Такъ, въ одномъ письмѣ къ своей дочери онъ мимоходомъ замѣтилъ: «Когда я дѣлалъ зло, я всюду и отъ всѣхъ встрѣчалъ поддержку и помощь». Въ другомъ онъ писалъ женѣ: «Намъ Господь послалъ ангела, Леночку. Она жила съ нами девять лѣтъ, и мы отъ нея при жизни ничему не научились. Неужели и смерть ея ничему насъ не научитъ?»...

А продажа имѣній все не подвигалась. Удалось сбыть какіе-то заводскіе паи; проданы акціи какого-то банка. Часть вырученныхъ денегъ была положена въ банкъ на имя жены и дѣтей Мити; другая отдана въ одинъ городской пріютъ подъ именемъ «капитала Леночки». Въ одномъ имѣніи начата постройка большого зданія, говорили,— больницы; въ другомъ приказано очистить и перестроить по плану старую, давно оставленную суконную фабрику. Но, дѣлая эти частичныя распоряженія, князь все ждалъ продажи имѣній.

XII.

Высокая черепичная крыша большого зданія, съ двумя остроконечными башнями, чернѣла издали на отлогомъ холмѣ. Небольшая рѣчка огибала широко раскинутую деревушку и, извиваясь, теря-

Digitized by Google

лась въ узкихъ лѣсистыхъ берегахъ. За высокимъ зданіемъ виднѣлся большой старинный паркъ, высились острыя верхушки сосенъ и круглые куполы раскидистыхъ дубовъ; а далѣе, уходя къ горизонту, чернѣлся вѣковой лѣсъ.

Ройеръ съ своей десятилѣтней дочерью подъѣзжалъ къ двору широкой, шоссированной аллеей, вдыхая влажный лѣсной ароматическій воздухъ. На дворѣ, вдали отъ главнаго стараго зданія, были раскинуты разныя болѣе новыя постройки, виднѣлись красныя желѣзныя крыши, самому же зданію, не смотря на позднѣйшія пристройки и перестройки, повидимому, старались сохранить во всей неприкосновенности его старинный, суровый видъ, его незатѣйливую, весьма прочную архитектуру.

Юлія Райская встрѣтила Ройера въ высокой, слабо освѣщенной комнатѣ, со старинной тяжелой мебелью, тяжелыми дубовыми дверьми, узкими, высокими окнами, глубоко сидѣвшими въ толстыхъ, почти полусаженныхъ стѣнахъ.

Юлія замѣтно измѣнилась: на видъ она пополнѣла, что въ общемъ очень выгодно отразилось на ея сухой, нѣсколько мужской фигурѣ; но въ глазахъ не было ни прежняго смѣшливаго огонька, ни задѣвающей игривости. Она казалась старше и солиднѣе.

Она крѣпко пожала руку Ройеру. Когда она обняла его дочь, на глаза ея готова была навернуться слеза; но она сдѣлала усиліе и овладѣла собою·

Digitized by Google

— Папа ещe спитъ; только на разсвѣтѣ заснулъ,—сказала она.—Въ послѣднее время, живя неразлучно при князѣ, она и въ присутствіи постороннихъ отвыкла называть его иначе, какъ папа.—Вы куда же, Яковъ Эмануиловичъ?

— Пробираюсь на воды.

— А ты, Аничка милая, какъ выросла,—обратилась Юлія къ дѣвочкѣ.—Только все такая-же худенькая и блѣдная.

— У васъ, Юлія Николаевна, какъ?—спросилъ Ройеръ.

— Да какъ! Сначала, съ весны какъ будто ожилъ немного: бродилъ по парку и такъ, вообще. Онъ это мѣсто вѣдь очень любитъ: при отцѣ мальчикомъ здѣсь по лѣтамъ жилъ. Думали,—начинаетъ успокаиваться. А послѣ—опять...

— Что же собственно?

— Да особеннаго ничего. На видъ,—спокоенъ, даже какъ будто здоровъ. Но я его вѣдь знаю и вижу: уходитъ, съ каждымъ днемъ уходитъ... Ахъ, Боже мой, Боже мой! Какъ подумаешь: еще такъ недавно все было тихо, спокойно, столько было счастія. И вдругъ, этотъ ужасный годъ, эта напасть. Точно буря какая-то пролетѣла... Право, порой все кажется сномъ?

— И вы все время здѣсь одни?

— Нѣтъ, какъ можно! Княгиня три раза пріѣзжала, по мѣсяцу жила. Саша почти два мѣсяца

Digitized by Google

гостилъ. Баронъ былъ два раза; а Ольга съ дѣтьми только на-дняхъ уѣхала.

— Что-же, и не развлекаетъ его это, не утѣшаетъ?

— Странное дѣло? Понять не могу. Княгиня какъ будто утѣшается внуками, ласкаетъ ихъ, возится съ ними... Милыя такія дѣтишки! А онъ... Вѣдь какъ любилъ Ольгу! Въ Сашѣ души не чаялъ. А теперь и дѣти, и внуки—точно чужіе ему: смотритъ на нихъ, молчитъ, иногда улыбнется, приласкаетъ, такъ слегка. Леночка точно всю душу его унесла съ собою, точно онъ съ нею все похоронилъ...

— Все о ней?..

— Нѣтъ, и о ней-то собственно почти не говоритъ, или очень рѣдко. Вчера, уже поздно ночью, вдругъ присылаетъ за мною. Я бѣгу, думаю, не случилось-ли чего съ нимъ. Прихожу. А онъ мнѣ: «скажи, Юля, когда рожденіе Леночки: семнадцатаго или восемнадцатаго сентября?» Забылъ. Каждый годъ, за мѣсяцъ впередъ, не перестаетъ, бывало, говорить, суетиться, заботиться: что-бы подарить ей къ рожденію, чѣмъ-бы порадовать дѣвочку? А тутъ вдругъ забылъ.

Послѣдовало молчаніе. Ройеръ сидѣлъ, прислонившись къ рѣзной спинкѣ тяжелаго, обитаго кожей, стула, и смотрѣлъ на высокую кафельную печку, кругомъ и почти до верху задѣланную рѣзной, деревянной рѣшеткой. Черезъ всю комнату, по

Digitized by Google

стѣнамъ, шли высокія полированнаго дуба панели, и тутъ только Ройеръ замѣтилъ, что и стѣны, вмѣсто обоевъ, обложены тѣмъ-же деревомъ, что придовало комнатѣ тусклый и мрачный видъ.

— Вотъ Митя... онъ еще заботитъ его, повидимому, больше этихъ дѣтей,—молвила Юлія.— Часто вспоминаетъ о немъ, пишетъ ему, хотя мы и не знаемъ, доходятъ-ли письма. На-дняхъ пришло первое письмо отъ него, такъ папа даже сказалъ: «нужно, говоритъ, самому съѣздить туда».

— Получили письмо? Что-же пишетъ?—спросилъ Ройеръ...

— Что пишетъ! Мало хорошаго. Антонычъ умеръ.

— Умеръ! Бѣдный старикъ! Разскажите, пожалуйста, Юлія Николаевна.

— Какъ разсказать? и что разсказывать?.. Я лучше вамъ письмо покажу; оно вонъ тамъ, въ кабинетѣ.

Юлія принесла письмо. Большой листъ толстой сѣрой бумаги былъ кругомъ исписанъ чернилами разныхъ цвѣтовъ; совершенно блѣдныя, еле замѣтныя строки чередовались съ другими строками, густыми, черными, точно сажей, и не перомъ, а кистью выведенными буквами. Все письмо было испачкано, въ пятнахъ, измято и крайне неразборчиво.

— Вы, вѣроятно, не разберете; мы и то чуть не цѣлый день его читали. Я его теперь знаю,

Digitized by Google

могу прочитать... Вотъ: «Ариша... только теперь..» — гдѣ это?.. да!—«много думалъ...»—Ну, это все семейные вопросы. Да, вотъ:—«Больше всѣхъ скучалъ и тяжелѣе другихъ переносилъ бѣдный Тохта...»

— Что это за Тохта?

— Калмыкъ какой-то. Онъ его, видимо, очень жалѣетъ.

— Да, знаю, помню на судѣ. Такъ, дикарь, дитя природы.

— Ну, вотъ дальше:—«... Когда двинулись въ путь, пѣшкомъ въ кандалахъ, Антонычу было очень тяжело. Отставать онъ, однако, не хотѣлъ, да и нельзя было. Тохта шелъ около него, всячески старался служить ему, чѣмъ могъ. На одномъ привалѣ Тохта глядитъ ему въ лицо; сморщился, глазки совсѣмъ скрылись:—«Бачка, э-э, бачка! Земля пойдешь, туда земля пойдешь».—Тычетъ пальцемъ въ землю... «И Тохта земля пойдешь... Нэтъ улусъ, земля пойдешь». И еще больше сморщился... Антонычъ умеръ черезъ недѣлю. До послѣднихъ силъ тащился пѣшкомъ; потомъ его посадили на телѣгу съ вещами. Я не видѣлъ его въ послѣднія минуты: шолъ впереди, не пустили. Фролъ былъ тамъ. «Правильный, говоритъ, старичекъ былъ: съ молитвой». Послѣ Антоныча, дней черезъ пять, умеръ и Тохта».

Юлія умолкла и смотрѣла на Ройера. Онъ сидѣлъ, уставившись на нее исподлобья и кусалъ но-

Digitized by Google

готь. Рука, сжатая въ кулакъ, вздрагивала. Юлія вдругъ залилась слезами.

— Какая я глупая и нервная стала! Ты, Аничка, не смотри на меня. Не хочешь-ли вотъ сюда на балконъ; здѣсь цвѣтникъ, рядомъ бесѣдка.—И Юлія быстро увела дѣвочку, которая уже собиралась было сама заплакать.

— А этотъ Фролъ, представьте, какой чудакъ: знаете, Фролъ нашъ копьевскій мужикъ?—возвратившись въ комнату, заговорила Юлія, повидимому, спокойно и даже шутливо. Она старалась сдѣлать свое прежнее беззаботно-веселое, «райское», какъ она говорила, лицо и улыбалась Ройеру своими красными отъ слезъ глазами: — Митя пишетъ, что этотъ чудакъ все еще надѣется возвратиться домой, не вѣритъ, что его настоящимъ образомъ осудили: «Это такъ, говоритъ, сумленіе напущено. До большого начальства слухъ дойдетъ, говоритъ, тогда увидятъ...»

— Онъ вѣдь прежде все самъ собирался до большого начальства дойти.

— Теперь, видно, раздумалъ.

— Узналъ, должно быть, что не близокъ путь, да и отпуска не даютъ,—горько улыбнулся Ройеръ.

Въ дверяхъ показался лакей.

— Не хотите-ли закусить?—спросила Юлія.— Вы вѣдь двадцать пять верстъ проѣхали, кстати выпили-бы рюмку водки, особенная какая-то, здѣш-

Digitized by Google

ння. Представьте, Ренчковскій привезъ въ подарокъ двѣ бутылки.

Ройеръ поднялъ брови.

— Вѣдь онъ тутъ, въ М., служитъ. Теперь, впрочемъ, опять переводится, чуть-ли не обратно къ намъ. «Не могу, говоритъ, жить въ этомъ жидовско-польскомъ болотѣ». Русская душа! И русскіе здѣшніе всѣ не по немъ: «Ополячились, говоритъ, и ожидовились».

— Да, именно, русская душа! Отецъ-то былъ панъ Конрадъ Ренчковскій.

Доложили, что князь всталъ и проситъ къ себѣ.

Пройдя рядъ покоевъ и довольно широкій коридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго глубоко, въ толстыхъ стѣнахъ, виднѣлись невысокія тяжелыя двери, точно входы въ камеры каземата, Ройеръ очутился въ просторной комнатѣ, за которой слѣдовалъ кабинетъ князя. Маленькій казачекъ— Ройеръ узналъ въ немъ копьевскаго знакомаго — отворилъ дверь. Князь сидѣлъ въ широкимъ креслѣ у письменнаго стола. Свѣтъ отъ большого венеціанскаго окна падалъ на него сбоку и нѣсколько мрачно освѣщалъ его отливомъ темно-коричневой драпировки, больше чѣмъ на половину закрывавшей окно. При входѣ Ройера, князь поднялся и привѣтливо пожалъ ему руку.

— Очень радъ васъ видѣть, Эмануилъ...—Князь, очевидно, забылъ имя гостя.

Ройеръ нашелъ его сильно измѣнившимся: онъ

Digitized by Google

не похудѣлъ, скорѣе даже пополнѣлъ; но лицо его казалось темнымъ и обрюзглымъ. Борода, прежде полная и волнистая, удлинилась, выпрямилась и, точно смоченная водой, прямо свисла на грудь. Глаза, нѣсколько потускнѣвшіе, все еще смотрѣли, какъ прежде, тепло и участливо.

На столѣ стоялъ большой поясной портретъ Леночки. Рядомъ съ нимъ, въ полинялой сафьяновой рамкѣ — кабинетная фотографическая карточка. Мужчина среднихъ лѣтъ, со шляпой и тросточкой въ одной рукѣ, другой рукой державъ, обнявши, стоявшаго рядомъ съ нимъ мальчика лѣтъ десяти. Мальчикъ, въ курточкѣ, съ большими отложными воротничками, напряженно, исподлобья смотрѣлъ своими небольшими, глубоко сидящими глазами. По разительному сходству мальчика съ Васей, сыномъ Мити Зубкова, Ройеру не трудно было догадаться, что на карточкѣ былъ самъ Митя, снятый въ годы его дѣтства, когда онъ находился на воспитаніи у старой княгини.

— Какъ это вы къ намъ пожаловали? — спросилъ князь.

— Проѣздомъ, князь. Я вѣдь здѣшній родомъ, и теперь еще кой-какая родня здѣсь живетъ.

— Куда-же?

— Заграницу. Везу жену на воды.

— Что съ Софьей... Пантел?...—Князь запнулся и сконфузился: онъ не могъ припомнить имени и отчества жены Ройера.

Digitized by Google

Ройеръ поспѣшилъ отвѣтить:—Расхворалась она у меня послѣднее время.

— На воды?

— Не знаемъ еще, можетъ быть, на виноградное лѣченіе, можетъ быть, въ Вильдбадъ. Туда, говорятъ, еще не поздно.

— Вильдбадъ? Да, знаю. Есть два Вильдбада: одинъ въ Вюртембергѣ, другой Вильдбадъ-Гастейнъ въ Верхней Австріи, недалеко отъ Зальцбурга. Я былъ въ обоихъ, еще мальчикомъ, съ покойницей матерью; она лѣчилась.

Князь смолкъ на время.

— Какъ сейчасъ вижу хозяйку нашу, тирольку,—заговорилъ онъ опять, мягко улыбаясь:—Анна Мозеръ, высокая, костлявая, съ большимъ зобомъ. Все присылала дочерей своихъ съ букетами. Мать покойная очень любила дѣтей... Дѣвочки пѣли тирольскія пѣсни... Какъ сейчасъ вижу... И пѣсни помню... какъ сейчасъ слышу...

Un wir'i a Kini, un hätt'i a Kroo
Do fin'i mei Kingrei gor schene o-o!..

Князь улыбался:—Точно сейчасъ слышу!..

— Это на какомъ языкѣ?—спросилъ Ройеръ.

— По-нѣмецки. Видите, вы отлично знаете по-нѣмецки... а вамъ не понятно. Я всю жизнь не могъ научиться нѣмецкому языку, а эти пустяки вотъ помню. Это... какъ сказать? горное нарѣчіе.. Пустяки помнишь,—продолжалъ князь задумчиво.—

Digitized by Google

Важныхъ вещей... какъ сказать... серьезныя вещи... мимо проходишь, не всматриваешься, не думаешь .. Впрочемъ, умные люди... хорошіе, должно быть, думаютъ. А другіе... такъ вся жизнь... не вдумаешься, не видишь... кому легко живется... пока легко живется...

И онъ поникъ головой.

Юлія быстро выглянула въ стекляную дверь: Аня съ горничной-дѣвушкой проходили по аллеѣ.

— Ты что?—очнувшись, спросилъ князь.

— Я посмотрѣла, куда прошла Аня, дѣвочка Якова Эмануиловича.

— А-а, и ваша дѣвочка здѣсь? Что-же не покажете мнѣ?

Юлія ввела дѣвочку. Князь взялъ ее за руку и долго смотрѣлъ на нее. Аня стояла передъ нимъ, застѣнчиво улыбаясь.

— Помнишь, Аня, въ прошломъ году на рожденіи Леночки, вы стрѣляли турка?

— Помню.

— Ты хорошо стрѣляла, и Лидочка Ходнева. Сбили турку чалму... а... Леночка не могла: «Я, папочка, не умѣю, я—глупая...» Не могла, старалась, бѣдненькая, не могла...

— Вася отбилъ носъ турку.

— Вася, да... да. Онъ — мальчикъ... Вася — старше васъ... Помню, плакала... О чемъ это?

— Куклу Олину разбила. Оля въ колясскѣ ката-

Digitized by Google

лась, съ козой; Леночка взяла куклу подержать. Кукла упала, разбилась.

— Да, да, такъ. Бѣдняжка, испугалась: «Отдай, мамочка, Олѣ мою большую куклу!» Испугалась, плакала...

— А въ Копьевкѣ, помнишь, на мостикѣ? — опять спросилъ князь, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да,—поспѣшно отвѣтила Аня:—Вася лодку качалъ, не слушался Ѳедоръ Иваныча.

— Какъ она боялась за тебя! «Аня въ воду упадетъ, Аня упадетъ въ воду!»

— Я не боялась: лодка большая и немножко только качалась.

— Леночка тебя очень любила... Она всѣхъ любила... сердечко доброе... всѣхъ любила!—шопотомъ, еле слышно, закончилъ князь. И опять поникъ . . . . . .

. . . . . .

Аня тихо высвободила свою руку изъ руки князя и стояла, робко озираясь то на отца, то на Юлію. Юлія глазами подозвала ее къ себѣ и, усадивъ, обняла, стараясь ободрить смущенную дѣвочку.

Князь все сидѣлъ молча, уставившись въ уголъ комнаты. Всегда внимательный и гостепріимный, онъ теперъ сидѣлъ, не замѣчая присутствія Ройера.

«Уходитъ, съ каждымъ днемъ уходитъ»—вспомнилъ Ройеръ слова Юліи. И Ройеръ смотрѣлъ на князя, который въ эту минуту казался ему дрях-

Digitized by Google

лымъ старикомъ, смотрѣлъ на портреты его погибшихъ дѣтей, смотрѣлъ на Юлію, сидѣвшую съ плотно сжатыми губами...

— А еще недавно,— вспоминались ему слова Юліи,—всѣ были такъ спокойны и счастливы...

Двѣ мухи, сцѣпившись, упали князю на лобъ и, жужжа, скатились къ переносицѣ. Одна улетѣла, другая быстрыми зигзагами заходила по носу и вдругъ остановилась подъ самымъ глазомъ. Князь сидѣлъ неподвижно, не моргнувъ ни однимъ мускуломъ лица.

«Точно покойникъ»,—подумалъ Ройеръ.

XIII.

Мартовскіе лучи согрѣвали мягкій, увлаженный воздухъ и уже согнали снѣгъ съ полей. Уже пробивалась кой-гдѣ молодая травка; но и безъ этого медленная весна нашего лѣсистаго запада на этотъ разъ очень запоздала: деревья стояли еще совсѣмъ оголенныя; въ воздухѣ, хотя и мягкомъ, чувствовалась необычайная по времени прохлада, слышалась недавно ушедшая зима.

У вокзала желѣзной дороги движеніе. Хотя поѣздъ отходитъ не скоро, но по направленію къ вокзалу видны извощичьи дрожки, экипажи. Показалось нѣсколько треуголокъ, проѣхало духовенство.

— То князь Кейстутъ-Вьелиньски умеръ; его

Digitized by Google

одвозютъ въ Россію, — услужливо пояснилъ молодой человѣкъ сѣдому полному маіору, который на своихъ узенькихъ дрожкахъ проѣзжалъ къ казармамъ и нарочно для того, чтобы освѣдомиться о причинѣ движенія, громкимъ окрикомъ остановилъ своего по-солдатски остриженнаго кучера.

Послѣ письма Мити, князь, и ранѣе подумывавшій о Сахалинѣ, сталъ все чаще говорить о поѣздкѣ. Разспросивши Ройера о подробностяхъ путешествія, онъ старался увѣрить себя, что еще до замерзанія восточно-азіатскихъ портовъ успѣетъ прибыть на мѣсто, и съ лихорадочной поспѣшностью сталъ готовиться въ путь. Ни княгиня, ни дѣти, вызванныя телеграммой Юліи, не могли отклонить его отъ этого намѣренія. Но среди сборовъ съ нимъ однажды сдѣлался глубокій обморокъ, послѣ котораго онъ такъ ослабѣлъ, что недѣли три еле могъ держаться на ногахъ. Послѣ онъ оправился; но наступила осень, а затѣмъ и зима.

Угасалъ онъ тихо и медленно. Зимою часто призывалъ къ себѣ священника и подолгу оставался съ нимъ.

— Совѣстно жить, батюшка,—сказалъ онъ ему какъ-то:—всю жизнь... долгую жизнь—ничего, кромѣ зла; а доброе дитя, хорошее .. всего девять лѣтъ... тлѣетъ въ могилѣ. Совѣстно жить...

— Какъ вы живете, батюшка?—спросилъ онъ его въ другой разъ:—потеряли дѣтей, всю семью, какъ живете? гдѣ силы?

Digitized by Google

Священникъ, маленькій, на видъ, слабый старичокъ, былъ женатъ на больной, слабогрудой женщинѣ, которая родила ему одиннадцать душъ дѣтей и умерла, оставивъ пятерыхъ съ унаслѣдованными отъ нея задатками болѣзни. И эти дѣти умирали въ разныхъ возрастахъ, одинъ за другимъ. Послѣднимъ умеръ одинъ изъ сыновей, самъ уже будучи священникомъ.

— Какъ жить? Какъ переносите горе?—спрашивалъ князь.

— Эхъ, ваше сіятельство, дорогой мой! Ежелибы вѣчно жить здѣсь на землѣ, тогда, разумѣется,— мученіе безъ границъ, страданіе тяжкое. А мнѣ вѣдь скоро семь десятковъ. Долго-ли? И я увижусь съ ними, сердцу моему милыми и родными... «Ащебо живемъ, Богови живемъ, аще-же умираемъ, Богови умираемъ»...

Князь самъ себя считалъ, и другіе его считали вѣрующимъ христіаниномъ. Но, выслушавъ священника, онъ здѣсь, можетъ быть, впервые понялъ, что нѣтъ въ немъ той простой, той непосредственной вѣры, которою преисполненъ былъ стоявшій передъ нимъ, какъ онъ осиротѣлый, но, въ сравненіи съ нимъ, безмѣрно счастливый старикъ. И онъ желалъ такой вѣры, хотѣлъ молиться о такой вѣрѣ...

Осенью ему прислали изъ Копьевки подробный планъ часовни, выстроенной надъ могилой Леночки. По обѣимъ сторонамъ склепа, въ который постав-

Digitized by Google

ленъ былъ ея гробикъ, были выложены другіе два склепа и, въ силу какихъ-то правилъ, отдѣлены отъ перваго толстыми стѣнами. Эти два мѣста предназначались для него и княгини.

— Зачѣмъ стѣна, зачѣмъ стѣна?—все чаще и чаще повторялъ князь.

— Такъ съ планомъ и ни разставался почти до послѣдней минуты,—разсказывала потомъ Юлія.— Все жаловался: «Какъ толсты стѣны! какъ толсты! Разберите стѣну, положите меня ближе къ моей бѣдной дѣточкѣ, къ моей несчастной Муличкѣ!» Съ этимъ и умеръ.

Здѣсь собственно конецъ моему разсказу. И лишь для тѣхъ, кто захочетъ узнать, какъ поживаютъ теперь нѣкоторыя проходившія здѣсь передъ ними лица, я готовъ прибавить то немногое, что мнѣ самому извѣстно о нихъ.

Ренчковскаго перевели опять на прежнее мѣсто служенія и съ повышеніемъ; служба его идетъ успѣшно, и онъ недалекъ отъ превосходительства.

Сергѣй Сидорычъ, послѣ суда, цѣлую зиму прожилъ въ Петербургѣ, гдѣ на всѣ лады эксплуатировалъ холерное дѣло. Онъ бывалъ вездѣ, гдѣ его принимали и говорили о немъ вездѣ, гдѣ его слушали. Скоро, однако, интересъ къ холерному дѣлу сталъ остывать, и Сергѣй Сидорычъ, къ огорченію своему, замѣтилъ, что одновременно израсходова-

Digitized by Google

лись самыя лучшія темы его бесѣдъ. Къ концу зимы о холерномъ дѣлѣ забыли, а о Сергѣѣ Сидорычѣ не вспомнили. Недовольный, настроенный необыкновенно желчно, онъ уѣхалъ въ деревню, но слѣдующую зиму опять провелъ въ Москвѣ. Здѣсь онъ навѣщалъ двухъ-трехъ стариковъ «изъ прежнихъ» и пріобрѣлъ нѣсколько новыхъ знакомствъ, преимущественно въ средѣ «порядочныхъ молодыхъ людей». Съ ними любилъ онъ послѣ симфоническаго концерта послушать цыганъ, и послѣ театра провести «остатокъ вечера» за скромнымъ ужиномъ и стаканомъ вина.

Заглядывали и къ Яру. Злые языки говорили, что, осторожно и съ оглядкой, онъ проскальзывалъ порой и къ Омону. Но... мало-ли что говорятъ злые языки! Несомнѣнно одно, что Сергѣй Сидорычъ не переставалъ ждать и не терялъ надежды, что о немъ вспомнятъ, что его всетаки «призовутъ», хотя-бы еще послѣ какой-нибудь новой «напасти».

Дождется-ли онъ, наконецъ? Осуществятся-ли надежды губернскаго «почти сановника»—сказать, конечно, трудно...

Не такъ просто сложилась судьба Юліи, а также губернскаго остряка Копылина.

Послѣ смерти князя, Юлія переѣхала въ Копьевку. Старикъ Райскій, и прежде обладавшій характеромъ неровнымъ и ворчливымъ, послѣ смерти своего довѣрителя и друга сталъ еще раздражительнѣе, особенно, когда узналъ, что князь завѣ-

Digitized by Google

щалъ все его содержаніе сохранить ему пожизненно. Онъ цѣлые дни брюжжалъ и придирался, обзывая всѣхъ, и себя въ томъ числѣ, тунеядцами и дармоѣдами. Въ томъ самомъ письмѣ къ дѣтямъ и женѣ, которое князь оставилъ вмѣсто завѣщанія, говорилось и о Юліи. Князь писалъ: «на человѣческомъ языкѣ нѣтъ тѣхъ словъ и въ рукахъ человѣка нѣтъ тѣхъ благъ, которыми можно было-бы отблагодарить ее за любовь, заботы и попеченіе, которыми она окружила мои послѣдніе дни. Я вижу Милосердіе Божіе въ томъ, что, взявъ у меня мою Леночку, Всевышній послалъ мнѣ въ утѣшеніе ее, нашу добрую Юлю». Затѣмъ говорилось, что, желая ее избавить, по крайней мѣрѣ, отъ нужды, князь проситъ ее, въ память Леночки, принять небольшое имѣньице, недалеко отъ Копьевки.

Никто никогда не видалъ у Юліи такихъ страшныхъ, судорожныхъ рыданій, какія охватили ее, когда ей прочли эти строки письма.

Прошелъ годъ. Юлія, которая никогда особенно не предавалась чтенію книгъ, въ деревенскомъ уединеніи пристрастилась къ птицеводству. Все свободное время, которое ей оставляли ея больныя бабы и дѣти, она проводила на птичьемъ дворѣ, выкармливая цыплятъ, гусятъ и курышатъ. Повидимому, она жила совершенно спокойно и даже значительно пополнѣла за этотъ годъ. Она больше стала походить на своего отца, или, какъ она утверждала, отецъ все больше сталъ походить на нее:

Digitized by Google

«чѣмъ старше ты, папа, становишься, тѣмъ больше ты похожъ на меня».

Копылинъ наѣзжалъ въ Копьевку; сначала рѣдко, а потомъ чаще и чаще.

Однажды—это было въ серединѣ лѣта—Юлія съ Копылинымъ были въ аллеѣ сада. Съ утра прошелъ сильный дождь. Убитая щебнемъ дорожка успѣла просохнуть, но вся трава еще была мокра, и на листьяхъ деревьевъ блестѣли капли. Юлія то затѣмъ, то за другимъ нѣсколько разъ проходила по травѣ межъ деревьевъ и, наконецъ, принялась отвязывать висѣвшій межъ двухъ березъ старый, почти истлѣвшій гамакъ. Она была въ тонкихъ ботинкахъ и давно промочила ноги, и юбка ситцеваго платья была мокра.

— Эхъ, Юлія Николаевна! Некому васъ сѣчь!—говорилъ ей, стоя на дорожкѣ, Копылинъ.—Охота простуживаться; вѣдь насквозь промокли.

— Ничего, я всегда такъ. Теплынь какая. Я еще люблю просто, на босую.

— На босую-то оно лучше, не такъ опасно: босую скорѣе обсушишь. А такъ, пока просохнутъ чулки, платье...

— Не въ первый разъ, просохнетъ.

— Просохнетъ, или схватите лихорадку, а не то и тифъ.

— Ну, ужъ и тифъ! А если и тифъ, что-жъ такое? По крайней мѣрѣ, развлеченіе; а то... и болѣзнь никакая не береть!

Digitized by Google

— Развѣ ужъ очень скучно?

— А то весело!

— Знаете-ли, Юлія Николаевна,—сказалъ Копылинъ медленно,—какой совѣтъ я-бы вамъ далъ, чтобъ не было скучно? Чуть не сказалъ: какой благой совѣтъ,—добавилъ онъ и засмѣялся.

— Какой?

— Выйдите замужъ и именно за меня.

Юлія вскинула на него глаза и уже собралась было разсмѣяться. Но, замѣтивъ тревогу на его обыкновенно веселомъ и улыбающемся лицѣ, удержалась и нѣкоторое время, озадаченная, стояла молча.

— Это что-же?—спросила она съ усмѣшкой:—надоѣло каламбурить одному, такъ ищете компаньона?

— Что-то не удается мнѣ, Юлія Николаевна, въ послѣднее время каламбурить такъ, чтобы самому казалось весело... Другіе сдуру смѣются—по старой памяти, что-ли, а—самому какъ-то не того... Болѣзнь у насъ съ вами одна: мнѣ тоже скучно, Юлія Николаевна!

Копылинъ и теперь улыбался; но въ голосѣ его слышалась неподдѣльная грусть.

— Что-жъ, вдвоемъ, думаете, опять станетъ выходить веселѣе?—спросила она, все еще улыбаясь.

— Почемъ знать? можетъ быть!

И оба смолкли. Юлія стояла, опустивъ голову, улыбка съ ея лица исчезла, и она серьезно, почти

Digitized by Google

сурово смотрѣла въ сторону Копылина. Спустя минуту, она вышла на дорожку и пошла по аллеѣ. Копылинъ хотѣлъ послѣдовать за нею, но она рѣзкимъ движеніемъ руки остановила его и пошла одна.

Копылинъ видѣлъ, какъ вдали, межъ деревьевъ, мелькало въ аллеяхъ ея свѣтлое платье; какъ она два раза входила въ большую березовую бесѣдку и выходила изъ нея; какъ довольно долго простояла на каменномъ мостикѣ, перекинутомъ черезъ ручей, и, наконецъ, появилась на другой, широкой аллеѣ, ведущей къ дому. Копылинъ, грустный и встревоженный, пошелъ ей навстрѣчу.

— Что-жъ, Юлія Николаевна?

— А мнѣ-то что-же! Смотрите, пеняйте послѣ на себя!..—Юлія сказала это быстро, вскинувъ на него глаза. Она, видимо, старалась сказать это такъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ все это ея нисколько не касалось. Она даже усмѣхнулась и пожала плечами. Но усмѣшка вышла не совсѣмъ натуральна: губы складывались въ улыбку, а глаза не улыбались и мигали быстро и странно.

Копылинъ приблизился къ ней и хотѣлъ взять ея руку. Но она отдернула ее.

— Нѣтъ, погодите еще! Сперва старшихъ...

И, миновавъ его, Юлія быстро пошла по аллеѣ къ дому.

Копылинъ думалъ, что она пошла къ отцу, и сталъ медленно ходить взадъ и впередъ по аллеѣ,

Digitized by Google

ступая осторожно и размѣренно, какъ-бы считая шаги.

Прошло съ четверть часа, Юлія не возвращалась.

— Ахъ, чортъ возьми!—вдругъ встрепенулся Копылинъ,—не придетъ-же старикъ-отецъ благословлять насъ сюда, въ аллею... Я, кажется, жду, что онъ приведетъ сюда самъ свою дочь... Этакая я дубина!

Почти бѣгомъ вышелъ онъ изъ аллеи.

Въ домѣ было пусто и тихо.

— Николай Андреичъ отдыхаютъ,—сказала ему старая горничная.—А барышня прошли, я видала, тѣмъ дворомъ. Должно быть, къ церкви; онѣ все тамъ ходятъ.

Копылинъ пошелъ къ церкви. Еще не дойдя до ограды, онъ издали замѣтилъ открытую дверь часовни. Ближе—онъ увидѣлъ тамъ Юлію. Она стояла на колѣняхъ передъ большой иконой, на которой изображено было Воскресеніе Христа. Справа, озаренный сіяніемъ лика Христова, стоялъ ангелъ. Въ его лицѣ, какъ живое, улыбалось, кроткое личико Леночки, какъ живые, глядѣли ея добрые, участливые глазки.

Копылинъ не вошелъ въ часовню, остановился въ сторонѣ, прислонясь къ оградѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ вышла Юлія. Изъ ея опущенныхъ глазъ еще текли слезы; мускулы раскраснѣвшагося, вспухшаго лица вздрагивали. Она, видимо, дѣлала усиліе надъ собою.

Digitized by Google

Молча, подала она руку Копылину...

И—точно не на жизненный пиръ, а какъ съ похоронъ, пошли эти два человѣка отъ церковной ограды.

Что соединило ихъ? Что связывало ихъ? Что толкнуло ихъ другъ къ другу,—его, на исходѣ пятаго десятка, послѣ прожитой, безъ оглядки растерянной жизни, послѣ попусту растраченныхъ силъ?—ее, до тридцати лѣтъ никогда не помышлявшую о бракѣ, никогда не воображавшую себя невѣстой, женой?.. Что соединило ихъ?

Что соединяетъ? Что разъединяетъ?..

Соединяетъ-ли жизнь?..

Разъединяетъ-ли смерть?..

LRBJL'22

Digitized by Google

Digitized by Google

Цѣна 1 р.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

Въ С.-Петербургѣ — Контора журнала «Русскаго Богатства» уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.

Въ Москвѣ—Отдѣленіе Конторы «Русскаго Богатства» Никитскія ворота, д. Гагарина.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google